ISSN 2500-3216 (Print)
ISSN 3034-3755 (Online)

БФУ БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY

ВЕСТНИК

БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА им. И. КАНТА

Серия

Гуманитарные и общественные науки

№ 3

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2026

12+

Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. — 2026. — №3. — 158 с.

Редакционная коллегия

И.Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г.В. Кретинин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
А.А. Вишневский, д-р юрид. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»;
Т.С. Волчецкая, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А.А. Давиденко*, канд. ист. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
А.А. Демичев, д-р юрид. наук, проф., Нижегородская академия МВД РФ;
О.И. Зазнаев, д-р юрид. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет; *М.В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»; *В.Г. Кикнадзе*, д-р ист. наук, советник, Российская академия ракетных и артиллерийских наук; *Ю.В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А.В. Куликов*, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л.Е. Лаптева, д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет; *С.М. Маркедонов*, канд. ист. наук, доц., МГИМО;
А.О. Машовец, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева; *С.Ф. Милюков*, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; *А.В. Поляков*, д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет; *О.В. Попова*, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет; *Е.Р. Россинская*, д-р юрид. наук, проф., Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина; *Н.П. Таньшина*, д-р ист. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ; *А.Н. Учаев*, д-р ист. наук, проф., Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина

Учредитель
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография
236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Дата выхода в свет 03.12.2026 г.

© БФУ им. И. Канта, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

Сазанова Е.А. Идеология насилия как правовая и криминологическая категория: содержание и систематизация 5

Куликов А.В., Мельников К.П. Критический анализ статьи 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» в ракурсе правоприменения 14

Сайферт Р.В. Свобода выбора между частным и публичным правом в сфере регулирования нестационарной торговли 23

Новикова Ю.О. Правовое регулирование потребительской кооперации в СССР в 1985—1991 годах 38

История. Исторические науки

Нохрин И.М. Поиски национальной специфики канадской истории в канадской историографии XIX—XX веков 51

Дементьев И.О. «Границы женского образования»: к «другой истории» Кёнигсбергского университета. Часть 1. Позднекайзеровский период (до 1918 года) 67

Лузянин Н.Г. Легкая промышленность Калининградской области в советскую эпоху: от мастерских и артелей к фабрикам 85

Общество и политика

Тишков С.А. Тенденция «полицеизации» миротворчества ООН: от концепции к практике 104

Свистунов А.А. Специфика и риски этнополитической социализации в условиях цифровизации образования 115

Ведерникова М.И. Сравнительный анализ имиджа России в медиадискурсе Китая и США (на материалах англоязычных СМИ) 130

Авзалова Э.И. Цифровые формы участия граждан в деятельности парламента: опыт Бразилии и Чили 143

Errata 155

CONTENTS

State and law

Sazanova E.A. Ideology of violence as a legal and criminological category: substance and systematisation 5

Kulikov A.V., Melnikov K.P. Critical analysis of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation 'Occupation of a Higher Position in the Criminal Hierarchy' from the perspective of law enforcement 14

Sayfert R.V. Freedom of choice between private and public law in the regulation of casual trading 23

Novikova Yu.O. Legal regulation of consumer cooperation in the USSR in 1985—1991 38

History. Historical sciences

Nokhrin I.M. Search for national identity in Canadian history as reflected in 19th—20th-century Canadian historiography 51

Dementev I.O. 'The limits of women's education': towards 'other history' of the University of Königsberg. Part 1. The late Kaiserreich period (pre-1918) 67

Luzyanin N.G. The Kaliningrad region's light industry in the Soviet era: from workshops and artels to factories 85

Society and politics

Tishkov S.A. The 'policisation' trend in UN peacekeeping: from concept to practice 104

Svistunov A.A. Digitalisation in education: key features and risks of ethnopolitical socialisation 115

Vedernikova M.I. Comparative analysis of Russia's image in Chinese and US English-language media discourse 130

Avzalova E.I. Digital forms of citizen participation in parliamentary activities: evidence from Brazil and Chile 143

Errata 155

УДК 343.3

Е. А. Сазанова

ИДЕОЛОГИЯ НАСИЛИЯ КАК ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: СОДЕРЖАНИЕ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

Южный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия
Поступила в редакцию 17.01.2026 г.
Принята к публикации 22.09.2026 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-1

Для цитирования: *Сазанова Е. А.* Идеология насилия как правовая и криминологическая категория: содержание и систематизация // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №3. С. 5—13. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-1.

Актуальность темы обусловлена проблемой, с которой сталкивается современное российское уголовное право в условиях активного противодействия посягательствам на основы конституционного строя и безопасность государства. Она заключается в юридико-технических и доктринальных сложностях квалификации деяний, основанных на деструктивных идеологиях. Несмотря на многократное использование термина «идеология» и его производных в Уголовном кодексе РФ, его легальное толкование отсутствует. Это обстоятельство порождает неопределенность в правоприменении и субъективизм при уголовно-правовой оценке анализируемых деяний. Целью работы является раскрытие содержания идеологии насилия как системообразующего фактора преступности и разработка научно обоснованной систематизации ее форм для совершенствования уголовно-правового противодействия этому негативному явлению. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход), а также формально-юридический метод и анализ материалов судебной практики по делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности. Обоснована недостаточность использования конструкции «идеологически мотивированное преступление», сводящей роль идеологии исключительно к субъективной стороне состава. Раскрыты социально-психологические механизмы трансформации антиобщественной идеологии в побудительную причину преступления. Проведена систематизация и выделены формы криминогенных идеологий — политико-экстремистские, религиозные, этнонационалистические и криминальные субкультуры, в основе которых лежит насилие. Соответственно, идеология может выступать не просто мотивом, но и смыслообразующим элементом таких признаков, как опасность и противоправность преступления, определяющим его цель, объект и способ совершения.

Ключевые слова: идеология, мотив, идеологическое преступление, насилие, экстремизм, терроризм, сепаратизм

© Сазанова Е. А., 2026

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации [9] нормативно закреплены дефиниции «идеология насилия» и «экстремистская идеология», что создает правовую основу для дальнейшего анализа. В соответствии с данным документом, под идеологией насилия понимается совокупность взглядов и идей, оправдывающих применение насилия для достижения политических, идеологических, религиозных и иных целей. В юридической науке [4; 23] и зарубежной правоприменительной практике [19; 21] при анализе этой категории широко используется понятие «идеологически мотивированное преступление». Вместе с тем полагаем, что данное определение не является в полной мере точным, поскольку необоснованно сужает анализируемую проблему до мотива, то есть исключительно до субъективной стороны состава преступления. Криминологический анализ свидетельствует, что роль идеологии в преступном деянии представляется значительно более широкой: она выступает не просто побудительным фактором, а системообразующим элементом. Именно насильственная идеология способна определять конечную цель посягательства, формировать специфический объект и в ряде случаев конструировать способ совершения преступления. В связи с этим представляется целесообразным введение в научный оборот более точного, на наш взгляд, термина — «идеологическое преступление».

Восприятие идеологии в качестве криминогенного фактора определяется теоретической базой, объясняющей причины преступности. В современной криминологии можно выделить два конкурирующих подхода. Первый подход, доминирующий в западной науке и определяемый как «индивидуально-дифференцированный» [18; 20], локализует причину преступности, условно говоря, внутри личности: любая деструктивная идеология (и насильственная в том числе) рассматривается как специфическая форма антисоциального восприятия или как дефект сознания, который при системном подходе подлежит коррекции.

Второй подход, в большей степени свойственный российской криминологической науке, характеризуется как «социально-правовой» или «системный». Согласно данному подходу, преступность проявляется не столько в индивидуальных дефектах личности, сколько в деформациях самой социальной и правовой системы. Как справедливо, на наш взгляд, указывается в литературе, запрет сам по себе выступает криминогенным фактором, поскольку криминализация лишь переводит явление в теневой сектор, порождая криминальные рынки [3, с. 304]. В этом контексте необходимо учитывать, что экстремизм становится специфичной формой группового сознания, образуя при этом прямую угрозу существующему строю.

Применительно к рассматриваемой теме можно констатировать, что конституционный запрет на государственную идеологию (ст. 13 Конституции РФ) сформировал «идеологический вакуум», который активно заполняется различными радикальными и националистическими идеями. Данное обстоятельство характерно для мобилизующихся обществ, где экстремизм угрожает государственной целостности. Та-

ким образом, если первая теория видит проблему в личности, воспринявшей деструктивную идеологию, то вторая — в социальных условиях, формирующих «спрос» на радикализм и его проявления.

Нам представляется, что трансформация идеологии в причину преступного поведения осуществляется через два основных социально-психологических механизма. Во-первых, это предварительная нейтрализация морали. Классическая западная теория нейтрализации описывает, каким образом личность ситуативно оправдывает свой поступок, используя приемы «отрицания жертвы» или «отрицания вреда» [22]. Однако, как представляется, криминогенная функция идеологии намного глубже. Она действует не как ситуативное оправдание, а как «превентивный нейтрализатор» [6, с. 137—138]. Идеология не просто помогает оправдать готовящееся деяние — она заранее формирует у последователя альтернативную социальную реальность, в которой общепринятые правовые и моральные нормы полностью обесценены. В этой виртуальной реальности насилие в отношении «врагов» интерпретируется не как преступление, а как оправданный долг, а уничтожение «неверных» — как якобы богоугодное деяние. Для убежденного «идеологического преступника» моральный конфликт, требующий нейтрализации для перехода к преступному поведению, по сути, отсутствует, так как насильственная идеология уже устранила этот конфликт за него.

Во-вторых, это радикализация — почти всегда системный и планомерный процесс, основанный на сложном взаимодействии внутренних (психологическая уязвимость) и внешних факторов. Его можно условно описать через анализ так называемой системы «спроса» и «предложения». «Спрос» формируется лицами, испытывающими фрустрацию или кризис идентичности и находящимися в поиске справедливости. В научной доктрине подобное состояние фрустрации и поиска «статуса» рассматривается как «нулевой этаж» в модели «лестницы к терроризму» [7, с. 37], на котором находятся лица, остро воспринимающие социальную несправедливость. «Предложение» — это доступный идеологический «продукт», включающий, как правило, простое объяснение причин всех проблем (виноваты «мигранты», «власть», «неверные» и т.д.). Создается персонифицированный образ врага, на который смещается агрессия. При этом идеология предлагает своему последователю готовую программу действий (в подавляющем числе случаев — насильственных) и новую самоидентичность («борец», «воин», «защитник нации»), компенсирующую чувство беззащитности, ненужности, ущербности и т.д. Именно деформации социально-экономического развития, проблемы молодежной бедности и легальной социализации, а также рост ксенофобии выступают основными детерминантами, формирующими указанный «спрос» на радикализм.

Криминогенный механизм различается в зависимости от содержания идеологии. Полагаем, что по этому критерию можно выделить четыре основных типа деструктивных насильственных идеологий: политико-экстремистские; этнонационалистические и сепаратистские; религиозные; криминальных субкультур. Рассмотрим их несколько подробнее.

1. *Политико-экстремистские идеологии* основаны на идеях расового или национального превосходства. Ключевой механизм их воздействия — легитимация насилия как инструмента «очищения» нации от «чужих» и утверждения собственного доминирования [15, с. 17]. Примером объединения, действующего на основе на подобной идеологии, является террористическая организация «Азов»[1]. В Российской Федерации носителем подобных идеологий зачастую выступают ультранационалистические, профашистские и пронацистские организации.

Формирование рассматриваемой идеологии зачастую описывается и в материалах судебно-следственной практики. К примеру, Г. систематически знакомился на различных группах и сообществах с новостными публикациями антироссийского содержания, направленными на дискредитацию СВО, обосновывающими ведение военных действий и совершение террористических актов ВС Украины. Под влиянием указанной информации Г. стал приверженцем политико-экстремистской идеологии и практики ВС Украины. Будучи осведомленным о целях и задачах ВС Украины, Г. начал разделять, поддерживать взгляды и деятельность ее участников, направленные на совершение террористических актов [11].

2. *Религиозные идеологии*. Криминогенный механизм данных идеологий основан на абсолютизации постулатов определенного вероучения и полном подчинении им жизни последователей, что ведет к отрицанию светских законов и общепринятой морали [17, с. 40]. Преступление (например, теракт, акт насилия по отношению к «вероотступникам») в этом случае совершается в состоянии уверенности в исполнении высшей, божественной воли. Примером могут служить как деятельность международных террористических организаций, например «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (Партия исламского освобождения)[2], чья деятельность по вовлечению молодежи, в том числе студентов, фиксируется в российских регионах, так и преступления, совершаемые внутри деструктивных тоталитарных сект, лидеры которых требуют от последователей полного подчинения и совершения противоправных деяний [5, с. 165].

Первостепенная роль идеологии прослеживается и в решениях судов по отдельным преступлениям. К примеру, участники вышеупомянутой террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» осуждены в том числе и за покушение на террористический акт (ч. 3 ст. 30 п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ). Было установлено, что в ходе идеологической обработки («дарсы») участники группы перешли от изучения литературы к планированию террористического акта в крупном торгово-развлекательном центре Нижнего Новгорода. Выбор объекта посягательства был продиктован именно религиозно-идеологическим постулатом: данное место маркировалось преступниками как средоточие «греха и разврата», где собираются «неверные» [12].

---

[1] Решением Верховного суда РФ 2 августа 2022 г. №АКПИ 22-411С признана террористической организацией.

[2] Решением Верховного суда РФ 14 февраля 2003 г. №ГКПИ 03-116 признана террористической организацией.

3. *Этнонационалистические и сепаратистские идеологии*. Данный тип тесно связан с политическим экстремизмом. Их отличительная черта заключается в том, что конечной целью для них является не изменение конституционного строя во всем государстве, а отделение определенной этнически или конфессионально однородной территории и создание на ней собственного квазигосударственного образования. Идеология здесь заключается в оправдании любых, в том числе общеуголовных и террористических, методов борьбы для достижения этой «священной» цели. В российских условиях данный тип идеологии исторически был наиболее тесно связан с конфликтами на Северном Кавказе, где идеи сепаратизма и этнонационализма служили мощным фактором, детерминировавшим террористическую и иную преступную активность (например, в запрещенной в России террористической организации «Исламское государство»[1]).

Судебная практика подтверждает, что подобные идеологические доктрины часто выходят за рамки локальных конфликтов, ставя своей целью нарушение территориальной целостности государства через объединение с другими деструктивными силами. Показателен приговор Хабаровского краевого суда, установивший, что идеология организации «Исламская партия Туркестана»[2] предусматривала не только изменение строя в государствах Центральной Азии, но и отторжение субъектов Российской Федерации (кавказских и поволжских республик) для включения их в состав так называемого «Великого исламского халифата» [14].

4. *Идеология криминальных субкультур*. В России к указанной подгруппе относится идеология АУЕ [10]. Эта криминальная идеология, не имеющая явных политических целей, напрямую генерирует преступность. Признание движения АУЕ экстремистской организацией Верховным судом РФ [16] подтверждает ее высокую идеологическую опасность. Криминогенный механизм организации включает создание параллельной нормативной системы, где государственные законы заменяются «воровскими понятиями», которые романтизируются как более справедливые. Особенности функционирования такой параллельной системы иллюстрируются и в судебной практике. Так, к примеру, судом установлено что Н., обладающий криминальным статусом «вор в законе», распространял среди ранее судимых и иных лиц идеологию, направленную на соблюдение и почитание неписаных, но обязательных к соблюдению правил жизни и поведения в обществе. В материалах дела фигурируют изъятые «прогоны» (информация на материальных носителях, используемых в преступной среде), которые регламентировали поведение осужденных, по сути, подменяя собой правила внутреннего распорядка исправительных учреждений [13]. Фактически

---

[1] Решением Верховного суда РФ от 29 декабря 2014 г. №АКПИ 14-1424С признана террористической организацией.

[2] Решением Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 г. №ГКПИ 03-116 признана террористической организацией.

это свидетельствует о наличии связи иерархического статуса с трансляцией деструктивной идеологии как инструмента управления сообществом.

Проведенный анализ показывает, что криминологическая реальность идеологии (как системообразующего фактора) и сфера действия уголовного закона в России не всегда совпадают. Нынешняя законодательная модель, распределившая связанные между собой нормы по разным главам УК РФ (против личности, общества, государственной власти) и установившая ту или иную идеологию в качестве мотива преступления, не в полной мере соответствует современным потребностям. Существующая дифференциация демонстрирует неспособность уголовного законодательства адекватно отразить сложную и многообъектную природу данных посягательств.

В науке уголовного права предлагается два подхода к пересмотру нормативного регулирования. Первый заключается в группировке и распределении преступлений, основанных на идеологии, по различным главам УК РФ с использованием общего критерия [1, с. 8—9] либо в выделении этих составов в отдельную главу [8, с. 10]. Однако, как представляется, такой путь может размыть границы схожих по своей сути общественно опасных деяний. Второй путь выражается в системном выделении квалифицирующих признаков в существующие составы [2, с. 10—11]. Нам представляется, что именно второй вариант является наиболее прагматичным. Он позволяет повысить точность квалификации и эффективность уголовно-правового противодействия данным угрозам, не прибегая к избыточной криминализации. Однако такая интеграция не может быть хаотичной, она должна быть концептуальной и базироваться на переходе от узкого понятия «идеологически мотивированное преступление» к более широкой категории «идеологическое преступление», адекватно отражающей роль идеологии не просто как мотива, но как системообразующего элемента посягательства.

В заключение следует отметить, что на примере анализа правовой и криминологической категории «идеология насилия» как элемента преступного деяния можно сделать вывод о том, что «мотивационный подход» при рассмотрении идеологических преступлений, видимо, себя изжил. Теоретические рассуждения в этом направлении, на наш взгляд, демонстрируют неспособность к поступательному развитию. Требуется дальнейшее научное исследование содержания и систематизации идеологии насилия и экстремизма, составляющих ядро идеологических преступлений. Это, например, такие явления, как «русофобия» (ненависть ко всем, кто живет в России), крайние виды религиозного экстремизма (ваххабизм), разграничение и трансформация фашизма и неонацизма, симбиоз радикализма и других форм деструктивных идеологий, основанных на применении насилия. Обобщение и выделение качественных признаков в «идеологиях насилия» позволяет, на наш взгляд, подойти к общему доктринальному понятию идеологических преступлений как антисоциального явления международного характера, направленного против конституционного строя и безопасности Российской Федерации.

Список литературы

1. *Безроков А.О.* Преступления экстремистской направленности уголовно-правовой анализ и вопросы систематизации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. EDN: ZPLMXN.

2. *Велиев Ф.З.* Мотив ненависти или вражды и его уголовно-правовое значение : дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. EDN: FUKDRX.

3. *Гилинский Я.И.* Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009. №3. С. 302—311. EDN: MBFOWF.

4. *Гордеев Н.С.* Проблемы юридической техники конструирования понятия «преступления экстремистской направленности» // Пробелы в российском законодательстве. 2015. №5. С. 127—132. EDN: UOHXPF.

5. *Карпачева Т.С.* Участие в некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан (ч. 3 ст. 239 УК РФ): уголовно-правовая характеристика // Правосудие. 2024. Т. 6, №3. С. 155—177. https://doi.org/10.37399/2686-9241.2024.3.155-177. EDN: FBTPAP.

6. *Комлев Ю.Ю.* Подростково-молодежная девиантность: объяснительный потенциал субкультурного подхода на примере теории нейтрализации // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 4, №2 (8). С. 135—139. EDN: VEPIII.

7. *Коновалов И.А.* Радикализация молодежи: основные модели и профилактика. Зарубежный опыт // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. №1. С. 36—42. https://doi.org/10.24412/2658-638X-2021-1-36-42. EDN: JPPMLE.

8. *Королев Ю.А.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. EDN: UVHCHY.

9. *Об утверждении* Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : указ Президента РФ от 28.12.2024 №1124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. *Плешаков А.М., Шкабин Г.С.* Участие в деятельности «АУЕ» в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества: проблемы квалификации // Научный портал МВД России. 2023. №2 (62). С. 31—37. EDN: CEACUO.

11. *Приговор* Абаканского городского суда Республики Хакасия от 19 августа 2025 года по делу №1-477/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 14.12.2025).

12. *Приговор* Нижегородского областного суда от 28 апреля 2015 года по делу №2-1/15 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 14.12.2025).

13. *Приговор* Ставропольского краевого суда от 19 марта 2025 года по делу №2-2-8/2025// Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 17.12.2025).

14. *Приговор* Хабаровского краевого суда от 15 сентября 2014 г. по делу №2-85/14 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 16.12.2025).

15. *Профилактика* экстремизма в молодежной среде : учеб. пособие для педагогов и специалистов по воспитательной работе / под науч. ред. Т.А. Хагурова. Краснодар, 2015. EDN: WZSIKV.

16. *Прокурор* разъясняет. Решениями Верховного суда Российской Федерации от 17.08.2020 и 02.10.2020 общественные движения «Арестантское уголовное единство» «Арестантский уклад един» «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А.У.Е. признаны экстремистскими // Прокуратура Владимирской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_33/activity/legal-education/explain/e317808/ (дата обращения: 16.12.2025).

17. *Ханбабаев К.М.* Религиозно-политический экстремизм : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. Махачкала, 2009.

18. *Criminogenic* Risk and Treatment Planning — Addiction Technology Transfer Center (ATTC). URL: https://attcnetwork.org/wp-content/uploads/2020/04/CriminogenicRisk_TreatmentPlanning.pdf (дата обращения: 14.12.2025).

19. *Department* of Homeland Security. CP3's Approach to Targeted Violence and Terrorism Prevention. 2024. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/2024-11/2024_1112_cp3_approach-to-prevention.pdf (дата обращения: 14.12.2025).

20. *Djakovic N., Rowlands M.T.* Differential association theory, the Dark Triad of personality and the prediction of antisocial behaviour // Psychiatry, Psychology and Law. 2024. Vol. 33, №2. P. 238—254. https://doi.org/10.1080/13218719.2024.2404837.

21. *Management* of Violent Extremist Prisoners and the Prevention of Radicalization to Violence in Prisons. 2017. URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/Handbook-on-VEPs.pdf (дата обращения: 14.12.2025).

22. *Sykes G.M., Matza D.* Techniques of neutralization: A theory of delinquency // American Sociological Review. 1957. Vol. 22, №6. P. 664—670.

23. *Wynia M.K., Eisenman D., Hanfling D*. Ideologically motivated violence: A public health approach to prevention // American Journal of Public Health. 2017. Vol. 107, №8. P. 1244—1246.

Об авторе

Екатерина Алексеевна Сазанова — канд. юрид. наук, доц., доц. кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия.

SPIN-код: 5644-9670

E-mail: yekaterinasazanova79@bk.ru

E.A. Sazanova

IDEOLOGY OF VIOLENCE AS A LEGAL AND CRIMINOLOGICAL CATEGORY: SUBSTANCE AND SYSTEMATISATION

Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia

Received 17 January 2026
Accepted 22 September 2026
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-1

To cite this article: Sazanova E.A. 2026, Ideology of violence as a legal and criminological category: substance and systematisation, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 5—13. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-1.

The subject warrants study owing to the obstacles that Russian modern criminal law encounters in combating encroachments on the foundations of the country's constitutional system. These impediments stem from the legal, technical and conceptual challenges of classifying actions driven by destructive ideologies. Despite the repeated use of the term 'ideology' and its derivatives in the Criminal Code of the Russian Federation, there is no legal interpretation of it, with this gap creating uncertainty in law enforcement and leading to subjectivity

in the criminal law assessment of the analysed acts. This work aims to reveal the substance of the ideology of violence as a system-forming factor of crime and to develop a robust classification of its manifestations to improve criminal law measures against the phenomenon. The study employs standard scientific methods – analysis, synthesis and a systematic approach – together with formal legal method and the evaluation of case law involving extremist and terrorist crimes. Its findings demonstrate that the legal construction of 'ideologically motivated crime' is insufficient, as it reduces the role of ideology purely to the subjective side of the crime. The socio-psychological mechanisms by which antisocial ideology is transformed into a criminal incentive are revealed, alongside a systematic taxonomy that identifies the primary forms of criminogenic ideology: political-extremism and religious, ethnic-nationalistic and criminal subcultures based on violence. Accordingly, ideology can serve not only as a motive but also as a semantic feature of core legal elements such as criminal danger and unlawfulness, thereby shaping the purpose, target and execution of the offence.

Keywords: ideology, motive, ideological crime, violence, extremism, terrorism, separatism

The author

Dr. Ekaterina A. Sazanova, Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: yekaterinasazanova79@bk.ru

УДК 343.3

А. В. Куликов, К. П. Мельников

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАТЬИ 210.1 УК РФ «ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ» В РАКУРСЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия
Поступила в редакцию 09.06.2026 г.
Принята к публикации 22.09.2026 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-2

Для цитирования: *Куликов А. В., Мельников К. П.* Критический анализ статьи 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» в ракурсе правоприменения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №3. С. 14—22. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-2.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в 2019 г. в уголовное законодательство был введен самостоятельный состав, связанный с занятием высшего положения в преступной иерархии, при отсутствии легального раскрытия ключевых понятий. Такая конструкция неизбежно усиливает риск расширительного толкования и ставит перед правоприменением вопрос о пределах уголовной репрессии. Цель работы состоит в критическом анализе статьи 210.1 УК РФ и в выявлении тех затруднений, которые возникают при ее применении. В основе исследования лежит анализ судебной практики, включая позиции Верховного и Конституционного судов РФ, а также подходы, выработанные ЕСПЧ. Обоснован вывод о предпочтительности смешанной модели, при которой статус имеет значение лишь в связи с доказанными действиями по реализации лидерских функций после вступления нормы в силу.

Ключевые слова: статья 210.1 УК РФ, высшее положение, преступная иерархия, правоприменение, уголовная ответственность, судебная практика

Актуальность данного исследования обусловлена введением в 2019 г. самостоятельного состава преступления — статьи 210.1 УК РФ, связанной с уголовно-правовым запретом на занятие высшего положения в преступной иерархии, фактически криминализовавшим «лидерский статус» лица в преступном мире как самостоятельный объект уголовно-правовой репрессии [19, ст. 1, п. 5]. При этом текст самой ст. 210.1 УК РФ не содержит определения ключевого понятия «высшее положение в преступной иерархии». Проблемам его дефиниции специально посвящено исследование А. А. Абдуразакова, С. В. Михеевой и Е. И. Жданова [1]. Это переносит значительную часть конкретизации понятия на научную доктрину и судебную практику, делая критически важным единообразие доказывания и гарантий.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы подвергнуть ст. 210.1 УК РФ критическому анализу, выявить проблемы ее толкования и

© Куликов А. В., Мельников К. П., 2026

показать, каким образом можно уточнить содержание понятия «высшее положение в преступной иерархии». Отдельное внимание уделяется тем вариантам разъяснения нормы, которые могли бы повысить ее определенность для законодателя и правоприменителя.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический анализ ст. 210.1 УК РФ и ее связи со смежными уголовно-правовыми конструкциями, изучение судебной практики, сравнительно-правовое сопоставление с подходами ЕСПЧ и обращение к официальным статистическим данным. Такое сочетание методов позволяет рассматривать проблему не только в нормативном, но и в правоприменительном ключе.

Эмпирический контекст исследования формируют кассационные определения Верховного суда РФ по делам о применении ст. 210.1 УК РФ. Они показывают, что практические затруднения заключаются в конкретизации фактического содержания вменяемого деяния и оценке совокупности доказательств, подтверждающих положение лица и осуществление им соответствующих функций [12; 13]. Это подтверждает актуальность выработки проверяемых критериев, по которым устанавливается лидерский статус в преступном мире.

Диспозиция ст. 210.1 УК РФ сформулирована крайне лаконично: уголовная ответственность установлена за занятие высшего положения в преступной иерархии, тогда как содержание основных признаков состава нормативно не раскрыто. Неопределенность и оценочный характер используемых понятий отмечаются и в научной литературе [4, с. 68]. Это приводит к двум последствиям: квалификация в значительной мере зависит от того, насколько конкретно изложены обстоятельства в обвинительном заключении; возрастает роль судебного толкования и стандартов доказывания, без которых принцип законности остается необеспеченным в достаточной степени.

Связь ст. 210.1 УК РФ со ст. 210 УК РФ имеет принципиальное значение. Вопросы уголовно-правовых признаков преступного сообщества и их соотношения с иными формами соучастия исследует, в частности, С.Д. Демчук [8]. Для самой ст. 210.1 УК РФ актуальная редакция постановления Пленума Верховного суда РФ прямо указывает, что занятие высшего положения может подтверждаться конкретными действиями, в том числе разрешением споров, определением положения других лиц в иерархии, установлением правил взаимоотношений и контролем за их соблюдением [18, п. 24.1]. Тем самым фактическое содержание статуса раскрывается через проверяемые проявления лидерских функций.

В современной доктрине и в прикладной аналитике можно выделить три основных подхода к толкованию понятия «высшее положение в преступной иерархии».

Статусно-титульная модель исходит из того, что высшее положение определяется через закрепленные в криминальной среде титулы и роли, такие как «вор в законе», «положенец» или «смотрящий». При подобном подходе решающее значение придается самому факту призна-

ния лица носителем соответствующего статуса в криминальной среде. Отдельно статусу «положенца» в иерархии организованной преступности посвящено исследование А. В. Воронцова [6].

Функционально-управленческий подход, напротив, ставит во главу угла не наименование статуса, а устойчивое осуществление лидерских функций, оказывающих влияние на криминальную среду. Речь идет о координации, распределении ресурсов, урегулировании конфликтов и иных проявлениях руководства. Такой подход согласуется с разъяснением Пленума Верховного суда РФ о подтверждении высшего положения конкретными обусловленными им действиями [18, п. 24.1] и с выводом В. В. Долженко о том, что основанием ответственности должна выступать общественно опасная управленческая деятельность, а не сам статус [10, с. 136].

Смешанная модель занимает промежуточное положение между двумя указанными подходами. В ее рамках статус может рассматриваться как важный доказательственный ориентир, однако уголовная ответственность связывается не с ним самим, а с конкретными действиями, подтверждающими осуществление лидерства и фактическое влияние лица. Именно к такому решению сегодня в большей степени склоняется практика судов кассационной инстанции.

В уголовно-правовой доктрине обоснованно указывается на риск фактического наказания за статус как таковой. Если занятие высшего положения в преступной иерархии буквально понимать исключительно как устойчивое социальное клеймо, не связанное с конкретными действиями после вступления нормы в силу, то уголовно-правовая конструкция сближается с ответственностью за репутацию или положение лица, а не за деяние. В. А. Новиков прямо подчеркивает, что основанием ответственности должен быть не статус, а общественно опасное деяние, выраженное в управленческих действиях в криминальной среде [16, с. 73]. Основания и проблемы уголовной ответственности лидеров преступного мира в целом рассматриваются также в монографии А. В. Куликова и О. А. Шелег [15].

Наиболее заметные затруднения толкования анализируемого состава повторяются из раза в раз и могут быть сведены к трем группам. Прежде всего, диспозиция статьи оставляет неясным сам предмет уголовно-правовой оценки. Не очевидно, охватывает ли она только факт признания лица носителем статуса, либо также его последующее сохранение, либо же лишь конкретные действия по реализации этого статуса. Двойственность понимания самого термина «занятие» и различные варианты его доктринального толкования специально отмечены Б. Р. Фатиховым [20, с. 141]. Пока этот вопрос не решен нормативно или разъяснительно, пространство для разнотолков остается чрезмерно широким.

Не менее существенна проблема временных факторов действия нормы. Поскольку статья действует с 2019 г., применительно к лицам, получившим соответствующий статус ранее, необходимо установить,

какие именно проявления этого статуса имели место уже после вступления нормы в силу. Иначе возникает риск ретроактивного вменения, противоречащего запрету обратной силы уголовного закона.

И конечно, существенную трудность представляет доказательственный инструментарий. В частности, В.В. Долженко указывает на существенную роль результатов оперативно-розыскных мероприятий и на необходимость заранее планировать экспертные исследования фото- и видеоматериалов, татуировок и иных объектов [9, с. 24]. Особенностям сбора и оценки доказательственной базы по ст. 210.1 УК РФ посвящено также исследование Д.В. Васильева и А.А. Ласкина [5, с. 188—191], а разработке частных криминалистических методик расследования таких преступлений — работа В.С. Ишигеева и Я.В. Гармышева [11].

Показательна с точки зрения требований к формулированию обвинения кассационная позиция суда высшей инстанции по делу В. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ исходила из того, что разъяснения Пленума Верховного суда РФ, применяемые к ст. 210 УК РФ, могут использоваться и при толковании ст. 210.1 УК РФ [13]. При этом самого по себе доказательства наличия преступного статуса недостаточно: для привлечения к уголовной ответственности необходимо установить конкретные действия, подтверждающие поддержание авторитета и лидерства в преступной среде. Главный вывод этого дела имеет прежде всего процессуальное значение. Обвинение обязано указать, какие именно действия, совершенные после 12 апреля 2019 г. (вступления в силу нормы), подтверждают занятие высшего положения в преступной иерархии, а не ограничиваться формулой о том, что лицо якобы не отказалось от преступного статуса. При отсутствии такой конкретизации суд неизбежно выходит за пределы предъявленного обвинения, что затрагивает право на защиту и нарушает состязательность процесса.

Тем самым формируется своего рода минимальный стандарт правовой определенности. Даже в отсутствие легального определения «высшего положения в преступной иерархии» обвинение должно раскрывать его поведенческое содержание: какие действия совершались, в каком месте, в какое время, какими способами и с каким воздействием на криминальную среду.

Иной аспект правоприменения демонстрирует уголовное дело в отношении П. В нем Верховный суд РФ признал достаточной совокупность взаимосвязанных доказательств: показания оперативных сотрудников и сотрудников исправительной колонии, сведения свидетелей о статусе «положенца», рукописную записку о наделении соответствующими полномочиями, видеозапись, заключение судебно-криминологической экспертизы и сведения о постановке на профилактический учет [12]. Такой подход показывает, что суд допускает опору на разнотипные источники, однако оценивает их во взаимосвязи, а не изолированно.

При этом Верховный суд РФ отдельно отметил, что показания оперативных сотрудников не имели ключевого значения сами по себе, поскольку выводы подтверждались и другими доказательствами, а судебно-криминологическое заключение оценивалось лишь в криминологическом аспекте и не подменяло юридическую оценку суда [Там же].

Иначе говоря, специальные познания могут использоваться для описания признаков преступной иерархии и роли лица в ней, однако итоговый вывод о наличии состава преступления остается исключительной прерогативой суда и должен опираться на доказанность конкретных действий.

Конституционный суд РФ в определении от 28 января 2025 г. №60-О не усмотрел в ст. 210.1 УК РФ признаков неопределенности, достаточной для вывода о ее неконституционности [17, п. 2]. Суд указал, что в системной связи с положениями общей части УК РФ эта статья позволяет установить признаки деяния и форму вины, а уголовная ответственность предполагает наличие состава преступления и умышленной формы вины.

Хотя эта позиция снимает вопрос о формальной конституционности нормы в целом, она не устраняет трудностей практического применения. Основная проблема перемещается из плоскости допустимости формальной конструкции статьи в плоскость ее применения и правильной квалификации: требуется определить, каким образом применять норму так, чтобы исключить произвол и обеспечить единообразие доказывания.

Для оценки рисков, связанных со «статусной» криминализацией высшего положения в преступной иерархии, показательно дело Ашларба против Грузии. Европейский суд по правам человека не усмотрел нарушения ст. 7 Конвенции [14, ст. 7], принимая во внимание, в частности, общеизвестность спорных понятий в соответствующей среде и их дополнительную конкретизацию национальным законодательством [2, §35—40]. Иными словами, предсказуемость уголовно-правового запрета была обеспечена не только самим термином, но и его нормативным пояснением.

Для российской правоприменительной практики этот пример важен не как оправдание самой идеи криминализации статуса, а как ориентир. Сравнительно-правовой анализ показывает, что в грузинской модели ключевые понятия дополнительно раскрываются специальным законом, а ЕСПЧ учел наличие таких подробных определений при оценке предсказуемости уголовно-правового запрета [10, с. 138]. Для российской модели это усиливает аргумент в пользу нормативной либо разъяснительной конкретизации проверяемых управленческих функций, связанных с высшим положением.

Поскольку диспозиция статьи не раскрывает содержание «занятия», возникает риск фактического переноса ответственности с деяния на статус лица. Такой подход несет материально-правовой и процессуальный риски: он допускает осуждение без установления активных действий и делает обвинение неопределенным, затрудняя защиту. Следует уточнить, что вопрос о длящемся характере состава ст. 210.1 УК РФ обсуждается, в частности, С. А. Бажутовым и А. А. Кунашевым [3]. В. А. Новиков прямо указывает, что преступление, предусмотренное ст. 210.1 УК РФ, является длящимся, а начало его совершения предлагает связывать не с получением статуса, а с совершением общественно опасных действий организационно-распорядительного характера по управле-

нию криминальной средой [16, с. 75—76]. Кассационная позиция по делу В. дает важный процессуальный ориентир: если обвинение исходит из того, что лицо продолжало занимать высшее положение после введения статьи в действие, следует указать конкретные действия, совершенные после 12 апреля 2019 г. [13]. Иначе длящаяся модель состава превращается в способ обхода запрета обратной силы уголовного закона и размывает пределы обвинения.

Приведенное выше уголовное дело в отношении П. показывает, что суды могут опираться на достаточно широкий круг источников доказательственной информации. Однако допустимость разнотипных сведений не снимает необходимости проверять их надежность и оценивать их в совокупности, а не изолированно; именно на совокупный характер и взаимную подтверждаемость доказательств указал Верховный суд РФ [12].

Правовой риск заключается не в самом использовании таких сведений, а в отсутствии единообразного критерия их проверяемости: при недостаточной проверке источника осведомленности и методологии экспертного исследования повышается вероятность того, что суд фактически легитимирует «слуховую» или «репутационную» информацию, особенно если в деле мало независимых объективных фактических данных о реальном управленческом влиянии уголовного авторитета, находящегося под следствием.

Субъектный признак «высшего положения в преступной иерархии» используется и в ч. 4 ст. 210 УК РФ, и в самостоятельной ст. 210.1 УК РФ; проблематике признаков субъекта последнего состава посвящено, в частности, исследование Н.В. Голубых [7]. Вопрос разграничения этих норм в актуальной редакции разъяснен Пленумом Верховного суда РФ: совершение лицом, занимающим высшее положение, действий, предусмотренных ч. 1 или 1.1 ст. 210 УК РФ, охватывается ч. 4 ст. 210 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 210.1 УК РФ не требует; совокупность возможна, если установлены иные действия, подтверждающие занятие высшего положения [18, п. 24.2].

Таким образом, наиболее убедительным выглядит сохранение смешанного подхода, в рамках которого криминальный статус не подменяет собой деяние, а лишь указывает на необходимость более тщательной проверки фактических обстоятельств, связанных с наличием этого статуса. Для правоприменителя это можно сформулировать как интерпретационное правило: высшее положение лица в преступной иерархии подлежит доказыванию не только через признание в субкультуре, но и через совокупность проверяемых проявлений властного влияния, включая организационно-управленческие функции, осуществляемые как непосредственно, так и опосредованно через посредников. Не менее важна и устойчивость таких проявлений во времени.

Список литературы

1. *Абдуразаков А.А., Михеева С.В., Жданов Е.И.* Проблемы дефиниции понятия «высшее положение в преступной иерархии» // Вестник Самарского юридического института. 2026. №1 (67). С. 115—121. https://doi.org/10.37523/SUI.2026.67.1.015. EDN: FJKYRM.

2. *Ашларба* (Ashlarba) против Грузии : постановление ЕСПЧ от 15.07.2014 г. по жалобе №45554/08 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2021. №5 (227). С. 109—116.

3. *Бажутов С.А., Кунашев А.А.* Снова к вопросу об уголовной ответственности лидеров преступной среды // Уголовное право. 2024. №5 (165). С. 3—12. https://doi.org/10.52390/20715870_2024_5_3. EDN: XKHAHY.

4. *Бельский С.В.* Понятие высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. №3 (65). С. 68—73.

5. *Васильев Д.В., Ласкин А.А.* Занятие высшего положения в преступной иерархии: особенности доказывания по ст. 210.1 УК РФ // Гуманитарное пространство. 2024. Т. 13, №2. С. 184—195. https://doi.org/10.24412/2226-0773-2024-13-2-184-195. EDN: ZAIDCW.

6. *Воронцов А.В.* О статусе «положенец» в иерархии организованной преступности общеуголовной направленности // Государственная служба и кадры. 2025. №4. С. 186—192. https://doi.org/10.24412/2312-0444-2025-4-186-192.

7. *Голубых Н.В.* К вопросу о признаках субъекта преступления, предусмотренного статьей 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. №4 (44). С. 137—140. EDN: HTXJCY.

8. *Демчук С.Д.* Уголовно-правовые признаки преступного сообщества (преступной организации) и их соотношение с признаками иных форм соучастия // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, №2 (183). С. 34—45. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.183.2.034-045. EDN: RTSCEQ.

9. *Долженко В.В.* Особенности доказывания в судебном заседании занятия лицом высшего положения в преступной иерархии // Вестник Академии права и управления. 2025. №1 (82). С. 24—31. EDN: BVVHRW.

10. *Долженко В.В.* Уголовное преследование лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии: сравнительно-правовое исследование на примере Российской Федерации и Республики Грузия // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. №1 (44). С. 134—139. https://doi.org/10.47475/2311-696X-2025-44-1-134-139. EDN: ERZUOU.

11. *Ишигеев В.С., Гармышев Я.В.* Роль частных методик в криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» // Российский следователь. 2024. №2. С. 2—6. https://doi.org/10.18572/1812-3783-2024-2-2-6. EDN: SKEWJS.

12. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 23.07.2024 г. №9-УД24-7-А4. Доступ из справ.-правовой системы «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации».

13. *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 23.11.2023 г. №24-УД23-4-А3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. *Конвенция* о защите прав человека и основных свобод / заключена в Риме 4 ноября 1950 г. ; с изм. и доп., внесенными в соответствии с Протоколом №15, вступившим в силу 1 августа 2021 г., и Протоколом №14, вступившим в силу 1 июня 2010 г. // Совет Европы : [офиц. сайт]. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 08.06.2026).

15. *Куликов А.В., Шелег О.А.* Лидеры преступного мира: основания и проблемы уголовной ответственности. М., 2024. EDN: TCLTEN.

16. *Новиков В.А.* Занятие лицом высшего положения в криминальной иерархии как преступление против общественной безопасности // Транспортное право и безопасность. 2025. №4 (56). С. 71—80. EDN: EBHFMF.

17. *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белова Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного суда РФ от 28.01.2025 №60-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. *О судебной* практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней) и о занятии высшего положения в преступной иерархии : постановление Пленума Верховного суда РФ от 10.06.2010 №12 (ред. от 21.05.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. *О внесении* изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности : федер. закон от 01.04.2019 №46-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. *Фатихов Б.Р.* Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник экономики, права и социологии. 2024. №3. С. 141—145. https://doi.org/10.24412/1998-5533-2024-3-141-145.

Об авторах

Александр Викторович Куликов — д-р юрид. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта; заслуженный юрист РФ, Калининград, Россия.

SPIN-код: 3796-7716

E-mail: bmw0052@rambler.ru

Кирилл Петрович Мельников — соискатель, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: mazrakh@inbox.ru

A.V. Kulikov, K.P. Melnikov

CRITICAL ANALYSIS OF ARTICLE 210.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION 'OCCUPATION OF A HIGHER POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY' FROM THE PERSPECTIVE OF LAW ENFORCEMENT

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 9 June 2026
Accepted 22 September 2026
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-2

To cite this article: Kulikov A.V., Melnikov K.P. 2026, Critical analysis of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation 'Occupation of a Higher Position in the Criminal Hierarchy' from the perspective of law enforcement, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 14—22. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-2.

The relevance of this study stems from the 2019 introduction of a distinct statutory element targeting high-ranking positions within the criminal hierarchy, enacted without clear legislative definitions of key concepts. Such constructions inevitably risk overly broad inter-

pretations, creating a danger that law enforcement will exceed the intended bounds of criminal repression. This study seeks to provide a critical analysis of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and identify the issues arising from its application. The work draws on an analysis of the current judicial system, including the positions of the Supreme and Constitutional Courts of the Russian Federation, as well as approaches developed by the ECHR. A rationale is established for a consistent mixed model, where the status is only relevant in the presence of proven actions seeking to exercise leadership functions after the enforcement of the norm.

Keywords: Article 210.1 of the Criminal Code, higher position, criminal hierarchy, law enforcement, criminal liability, judicial practice

The authors

Prof. Aleksandr V. Kulikov, Immanuel Kant Baltic Federal University; Honored Lawyer of the Russian Federation, Kaliningrad, Russia.
E-mail: bmw0052@rambler.ru

Kirill P. Melnikov, Doctoral Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.
E-mail: mazrakh@inbox.ru

УДК 346.7

Р. В. Сайферт

СВОБОДА ВЫБОРА МЕЖДУ ЧАСТНЫМ И ПУБЛИЧНЫМ ПРАВОМ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕСТАЦИОНАРНОЙ ТОРГОВЛИ

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 01.08.2025 г.
Принята к публикации 22.09.2026 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-3

Для цитирования: *Сайферт Р. В.* Свобода выбора между частным и публичным правом в сфере регулирования нестационарной торговли // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №3. С. 23—37. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-3.

Рассмотрена проблема конвергенции публичного и частного права в сфере правового регулирования нестационарной торговли. Исследование направлено на анализ применимости частноправовых форм в публично-правовых отношениях и определение правовой природы договора на размещение нестационарных торговых объектов. Целью работы является установление принципов и ограничений использования частноправовых механизмов публичными субъектами для решения задач государственного и муниципального управления в сфере торговли. Методологическую основу составили общенаучные и частнонаучные методы, в том числе сравнительно-правовой метод с привлечением немецкой административно-правовой доктрины, а также формально-юридический анализ российского законодательства и судебной практики. Обоснована принципиальная допустимость использования частноправовых форм для достижения публичных целей при условии распространения на деятельность публичных субъектов публично-правовых принципов и ограничений. Установлено, что договор на размещение нестационарных торговых объектов является гражданско-правовым договором с публичной целью. Выявлена необходимость применения более высокого стандарта поведения для публично-правовых субъектов в частноправовых отношениях, включая принцип поддержания доверия к действиям публичной власти.

Ключевые слова: публичное право, частное право, конвергенция, регулирование торговли, нестационарная торговля

Введение

В качестве самостоятельного комплексного предмета правового регулирования уличная торговля поднимает, с одной стороны, вопросы использования городского пространства и создания условий для обеспечения населения услугами торговли, а с другой — обусловленные частными интересами предпринимателей вопросы ведения коммерческой деятельности.

© Сайферт Р. В., 2026

Вместе с тем оба данных направления не ограничиваются сообразно обусловливающим их интересам исключительно средствами публичного или частного права. Хотя, как правило, именно механизмы публично-правового регулирования призваны задавать необходимые с точки зрения целей удовлетворения потребностей населения и обеспечения порядка и безопасности общие рамки ведения уличной торговли, а частное право, напротив, затрагивает непосредственно само осуществление данного вида предпринимательской деятельности (вопросы розничной купли-продажи товаров, защиты прав потребителей и т. д.), в некоторых случаях частноправовые формы (далее по тексту под частноправовой формой деятельности понимается гражданско-правовой договор, но рассуждения в целом могут быть применены и к иным формам частного права) используются для достижения публичных целей. Так, в частности, размещение нестационарных торговых объектов (далее — НТО) зачастую осуществляется на основании заключаемых между муниципальными образованиями и предпринимателями гражданско-правовых договоров.

Как отмечает Х. Хофманн, «государственно-административное управление средствами частного права уже долгое время как оставило за собой традиционно приписываемые двум различным сферам формы публичного и частного» [20, с. 189], а усиление роли государства в экономике приводит, по мнению М. Фромона, к возникновению новых правовых форм управления с не до конца проясненной правовой природой [18, с. 323—324]. Но даже на фоне подобных процессов фундаментальное деление права на частное и публичное не утрачивает своего значения и, как представляется, приобретает лишь большую актуальность.

Ключевую проблему, таким образом, можно определить как неясность последствий смешения частного и публичного в государственном и муниципальном управлении: с одной стороны, может произойти «уменьшение публичности» — эрозия публично-правовых принципов и снижение их значения при внедрении частноправовых начал; с другой — может произойти и обратное — «увеличение публичности», в рамках которого уже на частные отношения будут распространены упомянутые принципы [23, p. 888—889].

В частности, если для решения публичных задач государственного и муниципального управления используются частноправовые формы, возникает вопрос о том, действует ли публичный субъект в таком случае как наделенный публичной властью или, напротив, к нему применимы все те же принципы и положения законодательства, что и к субъектам, действующим в своих частных интересах. Данная проблема не является сугубо теоретической: от ее разрешения зависит, например, будет ли применим к отношениям сторон принцип поддержания доверия к действиям публичной власти, который в значительной степени ограничивает возможности усмотрения публичного субъекта, или же принцип автономии воли, с точки зрения которого то же самое поведение будет рассматриваться как вполне допустимое, и т. д.

Отдельной проблемой является и то, что если публично-правовые формы деятельности имеют под собой, как того требует принцип законности, строго определенное нормативное основание, то частноправовые формы могут такого основания не иметь. Речь в данном случае идет об отсутствии именно прямо управомочивающей на использование частноправовых форм деятельности нормы. Как правило, если законом допускается использование публично-правовым субъектом гражданско-правового договора для решения публичных задач, то не только предусматривается сама возможность его заключения, но и определяется его содержание, устанавливаются особенности его исполнения и т.д. Но если основанием заключения договора служат лишь общие положения гражданского законодательства, а сама конструкция законом не предусмотрена, нельзя, как представляется, говорить о наличии правового основания в том значении, которое данному понятию обычно придается в области административного и в целом публичного права: Б.В. Россинский и Ю.Н. Старилов, например, отмечают, что управление в частноправовых формах «допускается лишь в определенных случаях» и «там, где нет четкого правового регулирования со стороны государства, положительное управление (то есть управление в формах частного права. – *Р.С.*) могут осуществлять частные предприятия» [12, с. 28].

Это порождает неопределенность в части допустимости использования частноправовых форм, если они не предписаны нормативно для решения публичных задач. Между тем с практической точки зрения, замечает Е.В. Трапезникова, «жонглирование органами власти частноправовыми конструкциями (использование их без ясных оснований) во властных правоотношениях приводит к самоосвобождению публичных органов от публичных обязанностей…» [16, с. 111].

Предметно оба данных вопроса могут быть рассмотрены применительно к ранее упомянутому договору на размещение НТО, поскольку он не предусмотрен положениями действующего законодательства, но на практике используется для решения публичных по своей природе задач государственного и муниципального управления в сфере торговой деятельности.

1. Деление права на частное и публичное: дихотомия или взаимодополняющие системы?

Вопрос о применимости частноправовых форм в публичных правоотношениях неразрывно связан с самой проблемой деления права на частное и публичное.

Как отмечает Р. Щепаняк, в XIX в. «абсолютизация (этого деления. — *Р.С.*) была своего рода защитным рефлексом, а подчеркивание всех непроходимых различий между частным и публичным правом — делом почти экзистенциальной важности (для формирующихся публично-правовых отраслей. — *Р.С.*)» [42, s. 110]. Нельзя при этом не отметить, что сравнительно более развитое гражданское право послужило основой для формирования многих как общетеоретических (правоотноше-

ние, правосубъектность и т.д.), так и публично-правовых концепций (публичное субъективное право, публичный договор и т.д.), в которых, однако, неизменно отмечалось их отличие от чисто цивилистических конструкций. Такой подход может быть обозначен как нарратив «общности», которому противостоял нарратив «разрыва» — принципиальное отрицание общего между частным и публичным правом [22, p. 15—17].

Но данное деление, пройдя долгий путь к своей абсолютизации, со временем стало рассматриваться скорее как относительное и ситуативное [3, с. 139; 13, с. 135]. Можно согласиться и с таким, довольно критическим, мнением, что «разделение на публичное и частное право как *дихотомическое* (курсив наш. — *Р.С.*) является одной из наиболее существенных методологических ошибок в юридических науках» [42, s. 112]. Подчеркнем — именно дихотомическое, предполагающее выбор «или — или»: хотя такая стройная конструкция и выглядит логически привлекательно, следование ей как «сущностной противоположности» [28, S. 34], конструкции «всеобъемлющего, но взаимоисключающего характера» [44, p. 327] может привести к вполне конкретным негативным последствиям.

В частности, речь идет об участии публично-правовых субъектов в частноправовых отношениях. С одной стороны, не возникает (как правило) серьезных трудностей в случаях, когда публично-правовой субъект, например, закупает для обеспечения своих нужд товары, работы или услуги. С другой — если он использует непосредственно для решения публичных задач частноправовые формы, то теоретически возможна такая линия рассуждений: можно, исходя из абсолютизации деления права на частное и публичное, признать, что публично-правовой субъект в таком случае действует либо как частный субъект (то есть отдать приоритет форме), либо как субъект публичный (то есть отдать приоритет содержанию). Однако следствием такого подхода будет, соответственно, игнорирование либо содержания, либо формы — в обоих случаях, учитывая неразрывную взаимосвязь между формой и содержанием, утрачивается нечто значимое, и сам механизм, построенный таким образом, рискует оказаться неэффективным (другой спорный вопрос — участие публично-правовых субъектов в деятельности, направленной сугубо на извлечение прибыли, то есть не связанной напрямую с выполнением публичных задач, нами не рассматривается).

Схожее решение проблемы предлагает, например, Е. Дановскис, отмечая, что правовая природа явления может быть либо публичной, либо частной. Законодатель может указать, каким он видит тот или иной институт (вопрос о дискреции законодателя в определении правовой природы дискуссионен, но, как отмечает А.Ф. Васильева, такая дискреция во всяком случае должна быть ограничена конституционными принципами [2, с. 8; см. также 14, с. 42]), но если он не определил характер правоотношения между публичным субъектом и частным субъектом в контексте выполнения задач государственного управления, предполагается, что все правоотношения в данном случае имеют единый характер — публичный [25, s. 186—194, 244]. С другой стороны,

предлагается «принцип единообразия правовой природы», согласно которому договор, содержащий отдельные публично-правовые элементы, а также элементы, которые при изолированном их рассмотрении были бы отнесены к частному праву, в целом должен рассматриваться как частноправовой [31, S. 170—171].

Таким образом, предлагается либо следовать тому, что предложил законодатель, либо презюмировать отнесение определенных сфер или договоров целиком к области публичного или частного права: фактически речь идет о том, чтобы установить общую «коллизионную норму» или принцип решения таких проблем [45, S. 26—27] (такой нормой может считаться, например, правило о применении положений Германского гражданского уложения к административным договорам [29, S. 736]).

Однако следует учитывать, что возникновение таких проблем имеет своей первопричиной тот факт, что публичная власть не основывает свою деятельность на какой-либо определенной концепции разграничения частного и публичного права, а действует скорее инструментально [45, S. 27—28]. Поэтому, полагаем, возможно применить более инструментальный подход к рассмотрению проблемы использования частноправовых форм в государственном и муниципальном управлении. Если тем самым допустить, что публичная задача принципиально может быть эффективно решена средствами частного права, возникает иная проблема: какими принципами ограничивается в таком случае деятельность публично-правового субъекта, и ограничивается ли она вообще.

В связи с этим можно отметить, что использование публичным субъектом определенных форм для решения публичных задач, если они явно являются сугубо частноправовыми, в некоторых случаях ухудшает правовое положение лица, которое может оказаться менее защищенным, чем в случае использования публичных — властных — механизмов [24, s. 56]. Применение частноправовых форм может создать фикцию равенства сторон — так, например, Б.Б. Инжиева пишет, что «государство действует в гражданском обороте в статусе равноправного участника правоотношений, имеющего одинаковый объем гражданских прав и обязанностей, что означает необходимость соблюдения государством в частноправовых отношениях установленных им же правил» [17, с. 15], — следствием которой будет освобождение публичного субъекта от довлеющих над ним принципов осуществления властной деятельности и конституционных положений, что иначе именуется «бегством в частное право» (Flucht ins Privatrecht) [39, p. 6]. В этой связи идея о том, что частное право должно быть способом защиты от государственного произвола посредством уравнивания статуса сторон, оборачивается обратным эффектом [34, S. 20—22].

В немецкой доктрине признается, что гарантии защиты частных лиц, вытекающие из конституционных положений, должны быть одинаковы независимо от того, действует субъект публичного управления в частноправовых или публично-правовых формах, если он при этом решает публичные по своей природе задачи. Признание этой идеи

проявляется по крайней мере в двух аспектах: в инструментальном плане происходит «модификация» частноправовых норм путем интеграции в них публично-правовых элементов (например, возможно признание договора, заключенного публично-правовым субъектом, недействительным, как противоречащего его публично-правовым целям деятельности) [39, p. 7]; с другой стороны, как отмечает Р. Щепоняк, «выбирая так называемые гражданско-правовые формы деятельности, среди которых на первом месте стоит договор, государственная власть не может уйти от принципов, регулирующих ее деятельность» [42, s. 113; см. также: 37, S. 493].

При этом С. Деттербэк подчеркивает, что именно потому, что публично-правовой субъект непосредственно выполняет публичные задачи, на него распространяются особые публично-правовые обязательства — требования правовой определенности и эффективности административных действий, принцип защиты законных ожиданий и т.д., — несмотря на использование форм частного права [26, S. 339], однако сам такой субъект не может ссылаться на конституционные положения, относящиеся к частным субъектам, хотя и является участником гражданско-правовых отношений. Кроме того, выбрав частноправовую форму, публично-правовой субъект оказывается связан ею и возможными негативными для себя последствиями ее применения [35, s. 100].

В этой связи можно вспомнить утверждение А.В. Дайси, который отмечал: идея, что «отношения между людьми и государством регулируются принципами, существенно отличающимися от принципов частного права, которое регулирует права людей по отношению к их соседям», была абсолютно чужда английскому праву, не знавшему деления права на частное и публичное [27, p. 332—333]. Однако это замечание может и должно быть прочитано ровно наоборот — принципы взаимодействия публичной власти и индивида в частной сфере не могут быть существенно отличными от принципов взаимодействия между ними в сфере публичной.

С точки зрения российской правовой системы мы не усматриваем каких-либо явных нормативных ограничений общего характера касательно использования частноправовых форм в государственном и муниципальном управлении. Так, Конституционный суд РФ в своем постановлении от 3 октября 2023 г. №46-П отметил, что выявление в правоотношениях с участием публично-правового субъекта публично значимой цели и (или) возможности использования бюджетных средств само по себе не свидетельствует о том, что такие отношения не могут быть отнесены к гражданско-правовым [10]. Следовательно, сами по себе публичные задачи и частноправовые формы их решения не являются конституционно несовместимыми. При этом баланс между ними, как представляется, может быть найден в распространении на подобного рода деятельность публично-правового субъекта тех же принципов и требований, которые предъявлялись бы к нему, реализуй он ту же задачу в формах публичного права. По существу, речь идет о том, что связанность публичной власти конституционными положениями и

публично-правовыми принципами зависит не от формы, в которой она реализует свои публичные задачи, а от самого ее статуса как действующей в любых возможных правоотношениях.

Тем самым между частным и публичным правом должно быть найдено нечто общее, присущее им в равной мере, чем, представляется, является право конституционное. В этой связи Д. Элерс отмечает, что «конституционное государство проявляет себя в единстве публичного и частного права, а не в их противопоставлении» [28, S. 42], а Н.М. Коршунов предлагает исходить из того, что права и свободы человека могут рассматриваться в качестве критерия оптимального взаимодействия частного и публичного права в рамках их конвергенции [7, с. 38].

Таким образом, представляется возможным прийти к выводу о принципиальной допустимости использования частноправовых форм для достижения публичных целей, так как последние далеко не всегда требуют принуждения, равно как и цели частного права не всегда могут быть достигнуты через частную автономию [36, S. 67]. Однако публичный субъект не должен использовать частноправовые формы исключительно для уклонения от ограничивающих его предписаний публичного права, что можно было бы квалифицировать как злоупотребление дискреционными — с учетом свободы выбора форм действий — полномочиями. А.В. Разгильдеев применительно к оценке злоупотребления дискрецией в праве Германии отмечает, что «вывод о злоупотреблении дискрецией делается тогда, когда административный орган руководствуется не теми обстоятельствами, которые следовало учитывать при разрешении спорной ситуации» и «суд оценивает, не были ли дискреционные полномочия использованы не в тех целях, для достижения которых административному органу они были даны» [11, с. 138—139, 142; см. также: 15].

2. Свобода выбора форм деятельности

Установив, что публично-правовой субъект может действовать в частноправовых формах для решения публичных задач, необходимо рассмотреть вопрос о том, когда это допустимо.

Если закон прямо предписывает деятельность в публичных или частноправовых формах, то, как представляется, каких-либо концептуальных сложностей не возникает. Действительно же проблемной ситуация становится в тот момент, когда конкретная форма законом прямо не предписывается и цели могут быть достигнуты в равной мере средствами как публичного, так и частного права.

Ответ может быть следующий: если законом форма не оговорена, то стоит презюмировать, исходя из публичных задач, необходимость использования соответствующих публично-правовых форм, что гарантирует определенную степень защиты адресатов деятельности публичной власти. С другой стороны, например, в немецкой теории административного права предлагается исходить, если иное не оговорено законом или не следует из общих правовых принципов, из свободы выбора формы действия публичным субъектом [38, S. 15; 26, S. 338 и др.]

(например, публичный субъект может выбрать частную или публичную форму предоставления субсидий [40, S. 223]; критику такой свободы выбора см.: [31, S. 161—165]). Это, однако, не рассматривается как «приватизация» государственного и муниципального управления [41, S. 202—203], хотя сама данная концепция зародилась и развивалась в контексте проблем управления в сфере экономики [33, S. 436] (существуют и иные формы приватизации, например использование частноправовых организационных форм юридических лиц [32]). При этом само частное право, как отмечает Г. Мансэн, «не нечто данное государству, а нечто, что должно быть *предписано* (курсив наш. — *Р. С.*) государству и, следовательно, не находится в его полном распоряжении» [36, S. 71].

Применительно к российской правовой системе ряд авторов отмечает, что для заключения публичным субъектом договора обязательно должна существовать управомочивающая его на это норма закона [1]. В поддержку этого можно упомянуть и принцип законности, в силу которого, как было отмечено ранее, действия публично-правового субъекта должны иметь под собой законное основание [9, с. 75—76].

Однако, полагаем, этот взгляд основан на негативном — направленном на вмешательство в права — понимании деятельности публично-правового субъекта [28, S. 65]. Поскольку же частный субъект вступает в частноправовые отношения по своему усмотрению, заключение направленного на достижение публичных целей гражданско-правового договора не является вмешательством в какие-либо права, а значит и законное основание — прямо управомочивающая на заключение договора норма — не требуется [31, S. 138].

Ключевым в такого рода договоре является то, что, заключая его, публичный субъект получает возможность решить какую-либо управленческую задачу и предоставляет частному субъекту определенное благо, а частный субъект реализует непосредственно свой интерес, направленный, как правило, на извлечение экономической выгоды, однако делает это вне рамок реализации своих публичных прав и обязанностей, что и отличает предметно такое соглашение от административного (публично-правового) договора [8, с. 230; 6].

При этом ни Конституция, ни законодательство Российской Федерации императивно не исключают такой возможности, вследствие чего можно предположить, что если Конституцией или законом императивно не предусмотрена публично-правовая форма реализации полномочий, то возможен выбор между применением гражданско-правового договора и иных публичных форм. В этой связи Б. Таннеберг отмечает, что, исходя из понимания административного права и гражданского права как «взаимодополняющих систем, которые переплетаются, а не строго отделены друг от друга, нецелесообразно ограничивать администрацию исключительно формами действий в рамках публичного права» [43, S. 41].

Однако хотя применение частноправовой формы и возможно с учетом ранее очерченных ограничений, ее выбор также не должен быть произвольным. В частности, использование частноправовых форм до-

пустимо только при том условии, что имеющиеся варианты структурирования отношений в арсенале публичного права не являются подходящими для достижения целей публичного управления [28, S. 517] или публично-правовая форма не предписана законом [30, S. 17—20]. При этом в области, связанной с реализацией публично-правовым субъектом своих властных полномочий посредством вмешательства в права частных лиц, использование частноправовых форм, по нашему мнению, явно недопустимо: поскольку публичная цель применения формы оказывает влияние на частноправовые конструкции, в конкретных условиях последствия такого вмешательства могут оказаться непредсказуемыми и неопределенными.

3. Договор на размещение НТО

Действующее законодательство не устанавливает необходимости оформления отношений по поводу размещения НТО посредством заключения договора. Так, содержательно не упоминается данный договор ни в отраслевом федеральном законе от 28 декабря 2009 г. №381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», ни где-либо еще в рамках федерального регулирования (содержание договора на размещение НТО устанавливается, как правило, муниципальными нормативными правовыми актами, но правовая природа такого рода актов является спорной, поскольку вопросы гражданского законодательства не могут регулироваться в силу разграничения предметов ведения на муниципальном и региональном уровнях). Единственное найденное нами формальное упоминание данного договора на федеральном уровне содержится в постановлении Правительства РФ от 12 марта 2022 г. №353 «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации», которое предусматривает возможность продления на определенный срок без проведения торгов действия договоров на размещение нестационарных торговых объектов и объектов для осуществления развозной торговли (п. 1).

Указанное нормативное положение, по существу, подтверждает фактически сложившиеся на региональном и муниципальном уровнях подходы к порядку размещения НТО. Судебная практика также признаёт существование данной конструкции, квалифицируя ее, как правило, как непоименованный гражданско-правовой договор.

Направленным на решение публичных задач данный договор делает то, что размещение НТО осуществляется с учетом необходимости обеспечения устойчивого развития территорий и достижения нормативов минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов розничной торговли в расчете на количество населения на определенной территории (ч. 1 ст. 10 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»; хотя в самом законе говорится о площади объектов, для НТО, применяется показатель количества таких объектов, что критикуется в литературе [4, с. 159—160]). Иными словами, НТО является лишь

вспомогательным способом обеспечения граждан товарами, и в случае достижения показателей соответствующего норматива размещение новых объектов нецелесообразно.

Предполагается, что малые формы торговли создают значительную нагрузку на общественное пространство населенного пункта, поэтому такая деятельность со стороны публично-правовых субъектов исторически не находит поддержки [19, с. 138—139]. Муниципальные правовые акты в этой связи предусматривают возможность отказа в размещении НТО при достижении норматива минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов. Данное основание направлено на предотвращение избыточного насыщения территории торговыми объектами и обеспечение сбалансированного развития торговой инфраструктуры.

Равным образом и второй критерий размещения НТО — обеспечение устойчивого развития территорий — говорит об инструментальном для муниципального образования значении данного типа торговой деятельности.

Следовательно, договор на размещение НТО предоставляет предпринимателю возможность использования общественного пространства в коммерческих целях, а публично-правовому образованию позволяет решить вопрос обеспечения населения услугами торговли.

При этом потенциально применимы и иные способы достижения схожего результата: может быть использована часто встречающаяся в зарубежном законодательстве сугубо публично-правовая модель выдачи разрешений на ведение нестационарной торговли, или предприниматель может заключить обычный договор аренды земельного участка и использовать его в тех же целях, что и в случае договора на размещение НТО.

Однако мы полагаем, что в первом случае утрачивается — или, по крайней мере, значительно ограничивается — возможность для совместного согласования интересов и «тонкой настройки» отношений, что является главным преимуществом частноправовых механизмов осуществления публичной деятельности [31, S. 139—140]. Во втором случае утрачивается уже публичная цель заключения договора, поэтому для публично-правового субъекта во многом снижается инструментальная привлекательность соответствующей конструкции.

Исходя из этого, распространенные в литературе подходы к квалификации договора на размещение НТО как гражданско-правового [21] могут быть скорректированы с учетом позиции А.Е. Кирпичева, который отмечает, что публичное регулирование предпринимательской деятельности выступает основной целью такого договора — по крайней мере, со стороны публично-правового субъекта [5]. Но с тем, что данный договор предполагает «осуществление публичным образованием своих властных функций по отношению к предпринимателю», мы согласиться не можем: властное решение здесь действительно присутствует, но лишь в части, касающейся возможности размещения объекта (что выражается во внесении места размещения НТО в соответствующую схему), а гражданско-правовой договор, заключаемый с предпри-

нимателем, составляют уже другой — частноправовой — уровень отношений. Сугубо же публичным (административным) он быть не может в силу того, что он не связан с реализацией любой из его сторон публичных прав и обязанностей, которые не могут в рамках российской правовой системы быть предметом гражданско-правовых соглашений, однако могут, как следует из ранее упомянутого постановления Конституционного суда РФ от 3 октября 2023 г. №46-П, в них включаться.

В части, касающейся применения к такому договору публично-правовых принципов, можно привести, например, определение Конституционного суда РФ от 29 января 2015 г. №225-О, где отмечена необходимость достижения в каждом конкретном случае при утверждении (изменении) схемы размещения нестационарных торговых объектов баланса интересов местного сообщества в целом и соответствующих хозяйствующих субъектов с учетом особенностей конкретного муниципального образования. Таким образом, органы местного самоуправления не лишены возможности, действуя в пределах своих полномочий, решать вопросы размещения торговых объектов, принимая во внимание их нестационарный характер, в целях создания условий для наилучшего удовлетворения потребностей населения в получении необходимых товаров, работ и услуг по месту жительства и без ущерба для стабильного ведения предпринимательства, с тем чтобы при изменении места ведения бизнеса сам бизнес сохранялся.

По существу, данная правовая позиция говорит о возможности применения к частноправовым отношениям между публичным и частным субъектом принципа поддержания доверия к действиям публичной власти, формировавшегося первоначально в рамках публичного права. При этом содержание данного принципа, стоит полагать, шире, чем содержание гражданско-правовой добросовестности, поэтому публично-правовой субъект обременяется более высоким стандартом поведения даже в рамках частноправовых отношений.

Заключение

В современном правовом регулировании нестационарной торговли наблюдается сложное взаимодействие между публичными и частноправовыми началами. Применение частноправовых механизмов дает возможность предпринимателям и публично-правовым образованиям более гибко согласовывать и реализовывать свои коммерческие и публичные цели. При этом возникает проблема совмещения публичных и частноправовых элементов так, чтобы они не противоречили друг другу и обеспечивали оптимальный баланс интересов всех участников соответствующих отношений.

Обеспечение такого баланса позволяет не только гарантировать соблюдение общественных интересов, но и стимулировать развитие предпринимательства и инновационных форм ведения коммерческой деятельности посредством усиления защищенности предпринимателей в отношениях с публичной властью. В конечном счете это создает

условия для модернизации городской инфраструктуры и повышения качества оказания торговых услуг населению, что является важной задачей современной урбанистической политики и правового регулирования.

Исходя из изложенного, применяемый на практике договор на размещение НТО, по форме являющийся гражданско-правовым договором, содержательно направлен не на фискальные цели получения дополнительного источника дохода посредством распоряжения имущественным фондом, а на выполнение публичных задач обеспечения населения услугами торговли, то есть обладает публичной направленностью. Хотя он и не предусмотрен законодательством, возможность его использования следует из принципа свободы выбора формы деятельности и самой возможности решения задач государственного и муниципального управления в частноправовых формах.

Публично-правовое образование как сторона этого договора не является равным частноправовому субъекту в собственно гражданско-правовом понимании: на его деятельность накладывают ограничения публично-правовые принципы и требования.

Список литературы

1. *Батрова Т.А., Антропцева И.О., Воробьев Н.И.* Комментарий к Федеральному закону от 13 июля 2015 г. №224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный). 2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Васильева А.Ф.* Взаимодействие административного и гражданского права: опыт российской и немецкой конвергенции публичного и частного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. №5. С. 5—14.

3. *Васильева А.Ф.* Неосновательное обогащение как новая конструкция публичного права. Административно-правовой анализ Постановления КС РФ от 24.03.2017 №9-П // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. №9. С. 127—141.

4. *Каращук О.С.* Совершенствование государственного нормирования розничной торговой сети России // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2018. №6. С. 152—163.

5. *Кирпичев А.Е.* Предпринимательские обязательства в публичном секторе экономики. М., 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *Кононов П.И.* Актуальные проблемы административного права : учебник. М., 2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. *Коршунов Н.М.* Избр. труды. М., 2016.

8. *Мицкевич Л.А.* Очерки теории административного права: современное наполнение. М., 2015.

9. *Мицкевич Л.А., Васильева А.Ф.* Принципы «хорошей администрации» в сфере государственного контроля (надзора) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2022. №2. С. 72—93.

10. *По делу* о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобой

гражданки Т.В. Солодовниковой : постановление Конституционного суда РФ от 03.10.2023 г. №46-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. №42. Ст. 7596.

11. *Разгильдеев А.В.* Административное правосудие: опыт стран Европы, США и возможность его использования в России // Закон. 2013. №11. С. 135—150.

12. *Россинский Б.В., Старилов Ю.Н.* Административное право : учебник. М., 2020.

13. *Семитко А.П.* Деление права на публичное и частное во французской юридической доктрине // Российский юридический журнал. 2021. №1. С. 126—140.

14. *Солодовниченко Т.А.* Субъективные права и обязанности в частном и публичном праве. М., 2023.

15. *Старилов Ю.Н.* Административное усмотрение — не «свое мнение», а правовое решение! // Административное право и процесс. 2024. №12. С. 3—13.

16. *Трапезникова Е.В.* Применение частноправовых конструкций в публичных правоотношениях // Ex jure. 2024. №2. С. 100—112.

17. *Инжиева Б.Б.* Участие государства в современном гражданском обороте. М., 2014.

18. *Фромон М.* Типы внутригосударственного административного права в Европе // Дайджест публичного права. 2012. №2. С. 315—353.

19. *Хлевнюк О.В.* Уличный капитализм в России: предпосылки и последствия Указа 1992 г. о свободе торговли // Уральский исторический вестник. 2019. №3. С. 134—141. https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3(64)-134-141. EDN: LYXQPR.

20. *Хофманн Х.* Различение публичного и частного права: к вопросу о грекоримском наследии европейской правовой науки // Дайджест публичного права. 2019. №2. С. 154—191.

21. *Эйриян Г.Н.* Использование публичных земель или земельных участков для размещения нестационарных торговых объектов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. №2. С. 215—230.

22. *Bastos F.B.* Metodología doctrinal en el derecho administrativo de la UE: reaccionar frente a la «impronta estatal» // Revista de Derecho Público: teoría y método. 2023. №8. P. 7—69. https://doi.org/10.37417/RDP/vol_8_2023_1953.

23. *Benish A., Levi-Faur D.* New forms of administrative law in the age of third-party government // Public Administration. 2012. Vol. 90, №4. P. 886—900.

24. *Chróścielewski W.* Imperium a gestia w działania administracji publicznej // Państwo i Prawo. 1995. №6. S. 49—59.

25. *Danovskis E.* Publisko un privāto tiesību dalījuma nozīme un piemērošanas problēmas Latvijā. Rīga, 2015.

26. *Detterbeck S.* Allgemeines Verwaltungsrecht mit Verwaltungsprozessrecht. München, 2019.

27. *Dicey A.V.* Introduction to the study of the law of the constitution. L., 1885.

28. *Ehlers D.* Verwaltung in Privatrechtsform. Berlin, 1984.

29. *Ehlers D., Hermann P.* Allgemeines Verwaltungsrecht: Mit Online-Zugang zur Jura-Kartei-Datenbank. Berlin ; Boston, 2016.

30. *Erbguth W.* Privatrechtliches Handeln der Verwaltung und Privatisierung // StudZR. 2011. №1. S. 17—32.

31. *Gündling B.* Modernisiertes Privatrecht und öffentliches Recht. Berlin, 2006.

32. *Knemeyer F.-L.* Privatisierung und modernes kommunales Unternehmensrecht // Juridica International. 2009. №16. S. 22—32.

33. *Kompendium* Öffentliches Wirtschaftsrecht / hrsg. von. R. Schmidt, F. Wollenschläger. Heidelberg, 2019.

34. *Kurzynsky-Singer E.* Wirkungsweise der legal transplants bei den Reformen des Zivilrechts // Transformation durch Rezeption? Möglichkeiten und Grenzen des Rechtstransfers am Beispiel der Zivilrechtsreformen im Kaukasus und in Zentralasien / hrsg. von E. Kurzynsky-Singer. Tübingen, 2014. S. 3—38.

35. *Manger-Nestler C., Gramlich L.* Öffentliches Wirtschaftsrecht klipp & klar. Wiesbaden, 2020.

36. *Manssen G.* Privatrechtsgestaltung durch Hoheitsakt. Tübingen, 1994.

37. *Schmidt R.* Öffentliches Wirtschaftsrecht. Allgemeiner Teil, Enzyklopädie der Rechts-und Staatswissenschaft. Abteilung Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1990.

38. *Schweickhard R., Vondung U., Zimmermann-Kreher A.* Allgemeines Verwaltungsrecht. Stuttgart, 2021.

39. *Stelkens U.* The public-private law divide: Annual report 2010 — Germany // Jus Publicum Network Review. 2012. №1. P. 1—18.

40. *Stober R., Eisenmenger S.* Besonderes Wirtschaftsverwaltungsrecht. Stuttgart, 2011.

41. *Storr S., Schröder R.* Allgemeines Verwaltungsrecht. Stuttgart, 2021.

42. *Szczepaniak R.* Węzłowe problemy stosowania prawa prywatnego w sektorze publicznym //Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny. 2016. T. 78, №4. S. 107—121. https://doi.org/10.14746/rpeis.2016.78.4.9.

43. *Tanneberg B.* Die Zweistufentheorie. Berlin, 2011.

44. *Vallejo R.* After governance? The idea of a private administrative law // The law of political economy: Transformation in the function of law / ed. by P.F. Kjaer. Cambridge, 2020. P. 320—347.

45. *Wall H.* Die Anwendbarkeit privatrechtlicher Vorschriften im Verwaltungsrecht. Tübingen, 1999.

Об авторе

Роман Владимирович Сайферт — асп., Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: sayfert.roman@inbox.ru

R. V. Sayfert

FREEDOM OF CHOICE BETWEEN PRIVATE AND PUBLIC LAW IN THE REGULATION OF CASUAL TRADING

North-West Institute of Management — Branch of RANEPA,
Saint Petersburg, Russia
Received 1 August 2025
Accepted 22 September 2026
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-3

To cite this article: Sayfert R.V. 2026, Freedom of choice between private and public law in the regulation of casual trading, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 23—37. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-3.

This article is devoted to the problem of convergence between public and private law in regulating casual trading. The research aims to analyse the applicability of private law forms in public relations and determine the nature of a contract for the placement of non-stationary

commercial facilities, while the purpose of the work is to establish the principles and constraints governing the use of private law mechanisms by public in state and municipal administration of this trade sector. The methodological framework combines general and discipline-specific research methods, including comparative law, with formal legal analysis of relevant legislation and judicial practice. A rationale is provided for the basic admissibility of employing private law mechanisms to achieve public goals, provided that public legal principles and requirements are extended to the activities of public entities. It is established that the contract for the placement of non-stationary commercial facilities is a civil contract with a public purpose. Finally, the necessity of applying a higher standard of conduct to public law entities in private law relations – including the principle of maintaining trust in state actions – is demonstrated.

Keywords: public law, private law, convergence, regulation of trade, casual trading

The author

Roman V. Sayfert, Doctoral Student, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, North-West Institute of Management – Branch of RANEPA, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: sayfert.roman@inbox.ru

УДК 34.047

Ю. О. Новикова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В СССР В 1985—1991 ГОДАХ

Владимирский филиал РАНХиГС, Владимир, Россия
Поступила в редакцию 28.10.2025 г.
Принята к публикации 14.03.2026 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-4

Для цитирования: *Новикова Ю. О.* Правовое регулирование потребительской кооперации в СССР в 1985—1991 годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №3. С. 38—50. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-4.

Рассмотрена трансформация правового статуса потребительских кооперативов в СССР в 1985—1991 гг. Показано, что правовое регулирование деятельности потребительских кооперативов в означенный период характеризовалось введением демократических основ, однако при наличии жесткого государственного контроля. Дефицит потребительского рынка заставил государственную власть обратить внимание на такое уникальное социально-экономическое явление, как отечественная кооперация и ее роль в деле повышения благосостояния населения. Потребительская кооперация рассматривалась государством как механизм ускоренного перехода к многоукладной экономике. Однако отсутствие частной собственности в СССР продиктовало необходимость включения данных частноправовых институтов в государственную систему хозяйствования. Несмотря на возникновение правовых основ деятельности потребительских кооперативов с принятием Закона «О кооперации в СССР» 1988 г., кооперативное движение распространялось не настолько интенсивно, как это предполагалось. Причиной тому стала противоречивость принимаемых норм права, регулирующих деятельность кооперативных объединений.

Ключевые слова: кооперация, кооператив, потребительская кооперация, кооперативное движение, кооперативное законодательство, перестройка

Введение

Кооперативное движение в России имеет уникальную историю правового регулирования, которое проходило несколько этапов трансформации — от демократизации деятельности первичных ячеек, основанных на самодеятельности, самоорганизации и инициативе населения, до полного огосударствления и ликвидации отдельных видов кооперативных объединений.

Переход к государственной политике перестройки ознаменовался задачей внедрения новых форм хозяйствования, которые давали бы

© Новикова Ю.О., 2026

значительный экономический эффект в деле обеспечения населения товарами народного потребления и повышения его благосостояния. Для решения этих задач государственная власть избрала путь кооперативного строительства. В годы перестройки (1985—1991) оно отразило принципы государственной власти и ее подходы к развитию социальных и экономических преобразований страны.

В период дефицита продовольственных и непродовольственных товаров, низкой платежеспособности населения, массового недовольства граждан слабым социальным обеспечением и внутренней политикой государства, роста инфляции государственная власть вынуждена была искать новые подходы и инструменты в повышении благосостояния населения. По подсчетам Р.Г. Кирсанова, неудовлетворенный спрос населения на товары и услуги народного потребления к 1986 г. достиг 60—70 млрд рублей, в то время как в 1970 г. он составлял всего 4 млрд рублей [9, с. 30]. К середине 1980-х гг. осуществление глубокой комплексной реформы, которая охватила бы экономическую, политическую и социальные сферы жизни общества, стало острой необходимостью. Однако непоследовательность действий руководства страны по реализации такого рода реформы, недальновидность действий и откладывание перехода к рынку вело к социально-экономической стагнации и невозможности плавного перехода к новой форме общественно-экономических отношений [4, с. 224].

Цель настоящего исследования — выяснить, насколько правовое регулирование деятельности потребительских кооперативов в СССР в рассматриваемый период характеризовалось введением демократических основ и насколько жестким был государственный контроль над этим процессом.

Проблематикой кооперативной политики государства периода перестройки занимались многие теоретики и практики кооперации, историки и правоведы. А.А. Блохин, Е.А. Иванова, С.А. Шашнов, Р.Г. Кирсанов, А.А. Кирюхин показали противоречивость политики государства по отношению к новой кооперации [2; 6; 8—10]. Такие исследователи, как Л.В. Никифорова и Т.Е. Кузнецова, отмечали планомерное снижение объема продукции товаров народного потребления, производимой потребительской кооперацией [16], другие, как А.А. Яник и Ю.О. Новикова, подчеркивали положительную роль данного вида кооперативного движения в деле повышения благосостояния населения [17; 32]. Организация и направления деятельности «новых» кооперативов освещались в трудах Е.В. Злобиной, А.Ю. Кабалкина, Н.И. Коняева и др. [5; 7; 11]

При этом в научной литературе выделяется несколько этапов эволюции факторов, обусловивших субъектность государственной власти, выразившуюся в ее способности формулировать отвечающие современности цели развития государства, а также мобилизовать ресурсы для достижения обозначенных задач [1, с. 78].

Условия формирования нового кооперативного законодательства

Начало формирования нового законодательства о кооперации периода перестройки было включено во второй этап развития новой формы экономических отношений. Пленум ЦК КПСС, проходивший в Москве 27—28 января 1987 г., определил целью перестройки обновление всех сфер жизни на основе современных форм социализма, а также создание условий для раскрытия творческого потенциала социалистического общества с новыми качественными чертами [21].

Кооперация стала рассматриваться как один из основных инструментов, который смог бы решать задачи ускорения социально-экономического развития страны. Важнейшим направлением экономической политики государства была объявлена интенсификация деятельности по всестороннему удовлетворению потребностей населения в продовольственных и непродовольственных товарах, выраженная в ускоренном развитии различных отраслей промышленности. В то же время с момента вступления в силу постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 14 апреля 1956 г. «О реорганизации промысловой кооперации» [22] все ранее относившиеся к промысловой кооперации предприятия были переданы в ведение министерств соответствующих отраслей или Советов депутатов трудящихся, а торговые организации и предприятия общественного питания — министерств торговли союзных республик.

На тот момент государственная власть, ликвидируя потребительскую кооперацию в качестве самостоятельного экономического института, ставила цели увеличения объема производства товаров народного потребления, снижения их себестоимости и повышения качества выпускаемой продукции. Более того, передача полномочий по производству потребительских товаров от частного производителя к государству, имевшему широкие производственные мощности, должна была привести и к усилению специализации предприятий.

Следует отметить, что после нескольких десятилетий полного огосударствления потребительская кооперация к началу перестройки смогла сохранить разветвленную многоуровневую сеть объединений, функционировавших по модели потребительского кооператива, но по сути являвшихся элементами государственной системы хозяйствования и обладавших лишь отдельными признаками кооперации [10, с. 173—174]. Иерархически эта система возглавлялась Центросоюзом, которому подчинялись облсоюзы, в свою очередь, контролировавшие райсоюзы и первичные потребительские общества.

Потребительская кооперация с 1930 г. до перестройки представляла собой элемент государственного механизма производства продовольственных и непродовольственных потребительских товаров. Постановлением Совета народных комиссаров от 18 августа 1930 г. «О мерах по улучшению работы потребительской кооперации» [20] законодатель

окончательно подчинил потребительскую кооперацию советскому государству. Означенным документом правительство урегулировало порядок коренной трансформации деятельности потребкооперации, вследствие чего она уже мало чем отличалась от государственных предприятий. В самом названии нормативного правового акта государственная власть обозначила судьбу потребительской кооперации, которая трансформировалась в сторону «улучшения работы», а значит, в сторону огосударствления.

Преамбула постановления от 18 августа 1930 г. закрепляла обязанность потребительской кооперации «осуществить коренную организационную перестройку своей системы, изменить формы и методы работы, повысить темпы работы, укрепить и обновить кадры, а также добиться действительной кооперативной самодеятельности на основе развертывания массовой работы, рабочего контроля, социалистического соревнования и ударничества» [Там же, с. 806].

Таком образом, с 1930 г. до перестройки потребительская кооперация, как и многие другие виды отечественного кооперативного движения, превращалась в государственный механизм снабжения населения. По сути, она становилась одним из элементов обобществленной, кооперативно-колхозной собственности, встроенной в единый хозяйственный механизм государственной экономики.

В период перестройки изданием ряда нормативных правовых актов были возрождены производственные кооперативы, которые стали легальной формой реализации предпринимательской деятельности [24—26].

На январском пленуме ЦК КПСС, проходившем 27—28 января 1987 г., был провозглашен новый курс преобразований, основанный на принципе состязательности и социальной активности, в том числе в экономической сфере, а также на отказе от административно-командных методов управления [12, с. 15]. На Четвертом Всесоюзном съезде колхозников, проходившем в Москве 23—25 марта 1988 г., М.С. Горбачев отметил, что «кооперация способна оказать существенную помощь в решении продовольственной проблемы, в увеличении выпуска добротных товаров народного потребления, в расширении сферы обслуживания, в улучшении условий труда, жизни и отдыха советских людей» [3, с. 27]. На съезде была поставлена задача формирования кооперации во всех ее формах, основой которой должен был стать кооператив прежде всего потребительский, действовавший на демократических началах.

По подсчетам А.А. Яника, к 1 января 1988 г. в РСФСР было создано 7326 кооперативов, в первом квартале 1989 г. их насчитывалось более 50 тыс., а к январю 1990 г. — более 200 тыс. (с долей производства продукции — около 4 % ВВП СССР) [32, с. 125]. При этом на кооперативы, занимавшиеся бытовым обслуживанием, приходилось 20,5 %, общественным питанием — 24,1 %, производством товаров народного потребления — 17,7 %, заготовкой и переработкой вторичного сырья — 15,6 % [13, с. 439].

Законодательство о потребительской кооперации в период перестройки

Кооперативное строительство в СССР на законодательном уровне началось с принятия Закона СССР от 26 мая 1988 г. «О кооперации в СССР» [19], однако первый шаг по легализации предпринимательской (то есть кооперативной) деятельности был сделан государственной властью еще в 1985 г. И первым нормативным правовым актом, закрепившим начало реализации нового экономического курса, по нашему мнению, является постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 12 июля 1985 г. «О широком распространении новых методов хозяйствования и усилении их воздействия на ускорение научно-технического прогресса» [27].

Согласно этому документу, эффективное планирование, расширение системы экономических инструментов хозяйствования и системы мотивации и стимулирования труда в новых условиях возможны только в случае использования новых форм хозяйствования, прошедших экономический эксперимент. Прямо вопросы кооперативного строительства в постановлении не затрагивались, однако важную роль сыграла оценка мер, принятых на начальном этапе перестройки, как неэффективных. Это побудило государственную власть в срочном порядке искать новые формы хозяйствования, что, в свою очередь, дало импульс к анализу деятельности кооперативного сектора экономики.

В связи с этим в 1986 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О совершенствовании планирования, экономического стимулирования и управления в государственной торговле и потребительской кооперации» от 17 июля 1986 г. [23]. В нем признавалось необходимым совершенствование планирования, экономического стимулирования и управления в потребительской кооперации, которая должна была действовать на принципах самостоятельности, самофинансирования и ответственности членов потребительских обществ. В п. 2 законодатель закрепил показатели деятельности потребительской кооперации, которые включали: 1) розничный товарооборот; 2) товарооборот общественного питания; 3) ввод в действие основных фондов, производственных мощностей.

Рассматриваемое постановление в числе прочего регламентировало вопросы оплаты труда в потребительских кооперативах и ответственности за нарушения в этой сфере, а также закрепило обязанность кооперативов осуществлять производственное и, что немаловажно, социальное развитие за счет собственной прибыли. На практике это означало, что фонд оплаты труда после осуществления всех установленных законодательством выплат формировался из оставшихся сумм прибыли кооператорами самостоятельно. Данное решение подчеркнуло самостоятельный характер потребительской кооперации в системе экономики государства и наделило кооперативные товарищества правом самостоятельной хозяйственной деятельности. Указанный правовой ста-

тус потребкооперативов наметил курс на демократизацию принципов потребительской кооперации, которая, однако, оставалась встроенной в существовавшую систему государственного планирования выпуска товаров народного потребления. Таким образом, невзирая на демократическую основу деятельности потребительского общества, государство оставляло за собой право контролировать объем, ассортимент и направление сбыта товаров, произведенных кооперативом, через анализ оптовой ярмарочной продажи.

Следующим шагом на пути формирования кооперативного законодательства стало принятие 19 ноября 1986 г. закона от «Об индивидуальной трудовой деятельности» [28]. Он не имел особого значения с точки зрения регулирования потребкооперации, однако дал возможность гражданам заниматься той формой деятельности, которая лежала в основе классического кооперативного объединения, — предпринимательством.

Дальнейшее развитие правового регулирования экономической деятельности потребкооперативов получило в постановлении Совета министров СССР 22 декабря 1986 г. «Об утверждении Положений о хозрасчетных внешнеторговых организациях (объединениях) и Типового положения о хозрасчетной внешнеторговой фирме научно-производственного, производственного объединения, предприятия, организации» [30]. Теперь производственные кооперативы получили право заниматься внешнеэкономической деятельностью в сфере экспорта и импорта товаров в рамках непосредственных взаимоотношений с внешнеторговым объединением (п. 4 и 5). Потребительским кооперативам, вступившим в договорные отношения с Всесоюзной хозрасчетной организацией (объединением) министерства, ведомства, входившей в систему отраслевого министерства, были предоставлены достаточно широкие права в направлении развития внешнеторговой деятельности. В частности, потребительский кооператив имел право совершать в пределах своей компетенции как на территории СССР, так за рубежом различного рода сделки, получать от государственных органов статистические и иные материалы, необходимые для планирования и осуществления внешнеэкономической деятельности объединения, осуществлять непосредственную связь с министерствами и ведомствами по вопросам, относящимся к внешнеэкономической деятельности, строить, приобретать, отчуждать необходимое для осуществления своей деятельности движимое и недвижимое имущество как на территории СССР, так и за рубежом (п. 9, 11, 12). Этим постановлением государственная власть не только расширила демократические права потребительских кооперативов, но и создала условия для развития рынка сбыта производимой или приобретаемой продукции.

На следующем этапе Совет министров СССР принял комплекс постановлений, направленных на правовое регулирование функционирования кооперативов общественного питания, а также по бытовому обслуживанию населения и по производству товаров народного потребления (постановления от 5 февраля 1987 г. [24—26]). Все три нор-

мативных правовых акта по сути и структуре являлись идентичны, однако имели специфику в определении направлений деятельности кооперативов и их подведомственности.

Так, на основании пунктов 1—7 рассматриваемых постановлений все кооперативы создавались по инициативе вступающих в них граждан и делились по направлениям деятельности: кооперативы общественного питания — производство разнообразной и высококачественной продукции общественного питания [24, п. 1]; кооперативы по бытовому обслуживанию населения — услуги по ремонту квартир, изготовлению металлоизделий и мебели по индивидуальном заказу, присмотр за детьми, уходу за больными и престарелыми людьми, парикмахерские, посреднические и другие бытовые услуги населению [25, п. 1]; кооперативы по производству товаров народного потребления — организация мелкосерийного производства товаров народного потребления, направленного на удовлетворение мелкого потребительского спроса [26, п. 1].

При этом граждане, занятые по основному месту работы на предприятиях и в организациях, могли осуществлять трудовую деятельность в кооперативах по совместительству.

Основные средства кооператива формировались за счет поддержки государства, кредитования Госбанком СССР, а здания и сооружения, необходимые для осуществления деятельности, передавались кооперативным объединениям в аренду или безвозмездное пользование исполкомами местных Советов. Кооперативы действовали на условиях самофинансирования и самоокупаемости, опираясь на принципы планового ведения хозяйственной деятельности.

Постановления отводили достаточно серьезную роль местным Советам народных депутатов в деле организации деятельности кооперативных объединений. Так, Советы должны были просвещать граждан по теме кооперации, устанавливать направленность производственно-хозяйственной деятельности кооперативов, оказывать содействие в укреплении их материально-технической базы, обеспечении сырьем и транспортом, осуществлять контроль за деятельностью кооперативов.

Плотная «сцепка» экономической деятельности государственных предприятий, организаций и кооперативов выразилась в совместном производстве товаров и услуг народного потребления. Госснаб СССР обеспечил продажу кооперативам ресурсов, необходимых для организации производства; Госбанк СССР должен был выдавать им долгосрочные и краткосрочные кредиты для расширения оборотных средств и закупки товарно- материальных ценностей.

На практике, принятие указанных выше нормативных актов выразилось в резком увеличении числа кооперативных объединений в данных сферах. Так, уже к июлю 1987 г. в СССР было открыто 9124 кооператива, из них 3878 — по бытовому обслуживанию, 2016 — общественного питания, 1332 — по производству товаров народного потребления, 347 — по сбору и переработке вторичного сырья [8, с. 184].

Последующее закрепление правового статуса потребительского кооператива произошло с принятием закона от 30 июня 1987 г. «О государственном предприятии (объединении)». В нем потребительскому кооперативу посвящена одна статья (ст. 1), однако принципиально важная — она определяла роль кооперативов в экономической жизни страны: потребкооператив наряду с государственным предприятием выступал основным звеном единого народнохозяйственного комплекса страны. Этой нормой законодатель закрепил равный статус потребкооператива и госпредприятия [18].

Несмотря на стремительное развитие кооперативного законодательства и быстрый рост кооперативов в стране, исследователи кооперативного движения периода перестройки отмечают, что все же объем реализации товаров и услуг народного потребления к середине 1987 г. оставался крайне низким относительно имевшегося спроса и составлял в РСФСР 0,4 % в общем объеме бытовых услуг, Казахской ССР — 0,08 %, Украинской ССР — 0,04 % [8, с. 184].

Следующим шагом на пути формирования кооперативного законодательства, способствовавшего переходу к рынку и полному разгосударствлению, стало принятие Закона СССР от 26 мая 1988 г. «О кооперации в СССР» [19]. В соответствии с п. 4 ст. 1 кооперативные объединения должны были действовать наряду с государственными предприятиями — они были вполне рыночными структурами, нацеленными на получение прибыли и освобожденными от государственных плановых заданий. В системе социалистической кооперации создавалось два вида кооперативных товариществ — производственные и потребительские (п. 2 ст. 3), они признавались юридическими лицами со всеми вытекавшими из этого статуса правами. Потребительский кооператив имел право распоряжаться имуществом, находившемся в его собственности. Собственность кооператива формировалась за счет взносов его членов, средств, получаемых в качестве прибыли от продажи производимой продукции и эмитируемых акций, а также кредитных заимствований.

В совокупности потребительская кооперация являлась целостной системой объединений самостоятельных кооперативов, нацеленных на предоставление коммерческих, потребительских, культурных и прочих услуг, необходимых как участникам кооператива, так и другим лицам. Помимо этого, они были призваны удовлетворять нужды членов кооператива в жилье, загородных домах, земельных участках для садоводства, гаражных боксах и стоянках для автотранспорта.

В соответствии с п. 3 ст. 45 закона к задачам потребительской кооперации относились создание и развитие в городах и сельских поселениях предприятий общественного питания, розничной торговли, закупка у государственных предприятий и реализация товаров народного потребления населению, оказание населению различных услуг производственного и бытового характера. К потребительским товариществам относились кооперативы по производству товаров народного потребления, по бытовому обслуживанию населения, общественного питания, сельскохозяйственные, строительные, проектно-изыскательные, торговые и другие [15, с. 57].

Деятельность потребительского кооператива строилась на принципах самофинансирования; широкого использования товарно-денежных отношений; полного хозяйственного расчета; самостоятельного планирования, организации деятельности, реализации производимой продукции. При этом потребкооператив был полностью независим в своей финансовой деятельности, а в случае привлечения к материальной ответственности по принятым на себя обязательствам он отвечал своим имуществом.

Проблема развития кооперативной деятельности потребительской кооперации заключалась в том, что на тот момент отсутствовало комплексное законодательство о предпринимательской деятельности, что во многом дискредитировало деятельность кооперативов [31, с. 40]. Уже через год в борьбе со спекулятивными проявлениями на потребительском рынке Верховный Совет СССР принял постановление от 17 октября 1989 г. «Об упорядочении торгово-закупочной деятельности кооперативов и регулировании цен на товары (услуги), реализуемые кооперативами населению и организациям», запретив кооперативам вести торгово-закупочную и посредническую деятельность, связанную со скупкой в розничной и оптовой сети государственной торговли и потребкооперации промышленных и продовольственных товаров и их перепродажей. Предприятиям государственной розничной торговли и потребительской кооперации также было воспрещено продавать кооперативам указанные товары [29].

На 1 января 1991 г. в стране действовало 254,4 тыс. кооперативов с численностью 6098,2 тыс. чел. Объем реализованной продукции составлял 67313 млн руб. в год [14, с. 268]. Однако новый экономический курс руководства страны и высокая степень включенности кооперации в государственный механизм обусловили ряд трудностей, влиявших самым непосредственным образом на развитие потребкооперации: 1) невыполнение плана обеспечения населения товарами народного потребления; 2) нецелевое использование имущества кооперативов; 3) трудности обеспечения автомобильным транспортов, горюче-смазочными материалами, запасными частями и прочее [10, с. 175]. Фиксировались низкий уровень логистики, неумение оперировать товарными ресурсами, просчеты в планировании производства товаров народного потребления, массовый спрос на товары из-за его отсутствия, нарушение торговых планов, неполное использование возможности расширения продажи потребкооперативами сельскохозяйственных продуктов.

Наличие такого широкого круга проблем было обусловлено жестким администрированием реального сектора экономики СССР. Директивное планирование продемонстрировало свою неэффективность. С ростом доходов населения, запросом на более широкий круг и высокое качество как товаров народного потребления, так и предоставляемых социально-бытовых услуг задачи, стоявшие перед потребительской кооперацией, существенно менялись. Однако органы государственной власти всё еще продолжали планировать деятельность всего экономического сектора, включая и его кооперативный сегмент, и пытались прогнозировать потребительский спрос.

Предложенные государственной властью условия развития нового кооперативного движения в рамках вышеуказанного кооперативного закона не сопровождалось созданием рынка сырья и производства. На практике итогом этой политики стало создание кооперативных объединений при государственных предприятиях и, как следствие, использование ресурсной базы последних. Более того, новые правовые формы кооперативных хозяйствующих субъектов легитимизировали деятельность «теневых» предпринимателей. Легализация кооперативной деятельности открыла государственным предприятиям широкие возможности для пренебрежения дисциплиной ценообразования. Это обстоятельство породило в советской экономике процесс, который назывался «ползучей», то есть неурегулированной, нелегальной приватизацией прибыли государственных предприятий.

К началу 1990-х гг. кооперативные товарищества в большинстве своем стали плавно трансформироваться в общества с ограниченной ответственностью. Данный факт был продиктован наличием более надежной юридической защиты прибыли предприятия и его собственности.

Таким образом, потребительская кооперация в период перестройки (1985—1991) рассматривалась государственной властью как механизм ускоренного перехода к новым формам хозяйствования, основанным на самоорганизации, инициативе, полной финансовой самостоятельности. Закон 1988 г. стал отправной точкой формирования кооперации как элемента многоукладной экономики. Предполагалось, что возрожденная кооперация, основой которой стал частноправовой институт — кооператив, окажется эффективным инструментом решения многих экономических проблем государства и населения. Кооперативы рассматривались как новый метод стимулирования труда и предпринимательской деятельности. Закон объединил все виды кооперативов, в том числе колхозы, для которых особую значимость имело впервые введенное положение, воспрещавшее вмешательство государства в хозяйственную и иную деятельность кооперативных объединений (ст. 10).

На 1 января 1990 г. потребительских кооперативов (в том числе по бытовому обслуживанию населения, по организации общественного питания, торговых и торгово-закупочных объединений) насчитывалось 45,9 тыс. (численность занятых — 702,5 тыс. чел., реализовано услуг на 5976,9 млн руб.). Из них самыми многочисленными были кооперативы по бытовому обслуживанию населения (32,6 тыс. с численностью 567 тыс. чел. и объемом реализованной продукции на 3275,9 млн руб.). На 1 января 1991 г. действовало 254,4 тыс. кооперативов с численностью 6098,2 тыс. чел. и объемом реализованной продукции в 67313,0 млн руб. в год [14, с. 268].

Принятие закона о кооперации 1988 г. способствовало интенсификации оборота общественного питания. За три года (1988—1990) в СССР кооперативными предприятиями общепита было реализовано продукции на 8 млн руб. больше, чем в предыдущей пятилетке, а доля кооперативной торговли за 1990 г. составила 38,5 % [10, с. 177]. Следует констатировать, что законодательство второй половины 1980-х гг. всколых-

нуло кооперативное движение в СССР, однако противоречивые действия государственной власти по отношению к кооперативам привели к постепенному затуханию их деятельности.

Список источников и литературы

1. *Барсенков А.С.* Политика перестройки и реформирование советского общества в 1985—1991 годах // Российская история. 2014. №6. С. 77—98. EDN: TGWGUB.

2. *Блохин А.А., Иванова Е.А.* Кооперативный сектор экономики. М., 1989.

3. *Горбачев М.С.* Потенциал кооперации — делу перестройки. Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева // Четвертый Всесоюзный съезд колхозников. Москва 23—25 марта 1988 года : стенографический отчет. М., 1988. С. 21—50.

4. *Заславская Т.И.* Перестройка и социализм // Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М., 1989. С. 217—240.

5. *Злобина Е.В.* Индивидуальная трудовая деятельность. М., 1997.

6. *Иванова Е.А., Шашнов С.А.* Кооперативный уклад в экономике. М., 1991.

7. *Кабалкин А.Ю., Савенко Л.И.* Индивидуальная трудовая деятельность и закон. М., 1987.

8. *Кирсанов Р.Г.* Кооперативы в годы перестройки: сложности и противоречия становления частного бизнеса в СССР // Российская история. 2017. №1. С. 181—194. EDN: ZHNVHL.

9. *Кирсанов Р.Г.* Развитие кооперативного сектора в период перестройки и его роль в стабилизации потребительского рынка в СССР // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. №4. С. 30—36. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.4.4. EDN: TFKZCD.

10. *Кирюхин А.А.* Потребительская кооперация в СССР в период Перестройки: проблемы и достижения (по материалам Пензенской области) // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 2 (29). С. 173—178. EDN: UGVOIP.

11. *Коняев Н.И.* Кооперативы и индивидуальная трудовая деятельность: Правовые вопросы. Куйбышев, 1989.

12. *Материалы* Пленума Центрального Комитета КПСС 27—28 января 1987 г. М., 1987.

13. *Народное* хозяйство РСФСР в 1987 г. : статистический ежегодник. М., 1988.

14. *Народное* хозяйство СССР в 1989 г. : статистический ежегодник. М., 1990.

15. *Народное* хозяйство СССР в 1990 г. : статистический ежегодник / Госкомстат СССР. М., 1991.

16. *Никифоров Л.В., Кузнецова Т.Е.* Проблемы кооперации в современной России // Кооперация. Страницы истории. М., 1996. Вып. 5. С. 292—313.

17. *Новикова Ю.О.* Правовое регулирование кооперации в СССР в период перестройки // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. №3. С. 118—131. https://doi.org/10.24412/2309-152-2023-3-118-131. EDN: WQHZZX.

18. *О государственном* предприятии (объединении) : закон СССР от 30 июня 1987 г. №7284-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. №26. Ст. 385.

19. *О кооперации* в СССР : закон СССР от 26 мая 1988 г. №8998-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. №22. Ст. 355.

20. *О мерах* по улучшению работы потребительской кооперации : постановление Совета народных комиссаров. 18.08.1930 г. Ст. 447 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1930. М., 1930. С. 806—814.

21. *О перестройке* и кадровой политике : постановление Пленума ЦК КПСС. Москва. 27—28 января 1987 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1988). М., 1989. Т. 15 : 1985—1988. С. 353—368.

22. *О реорганизации* промысловой кооперации: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, 14 апреля 1956 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 5 т. М., 1968. Т. 4 : 1953—1961 гг. С. 297—302.

23. *О совершенствовании* планирования, экономического стимулирования и управления в государственной торговле и потребительской кооперации : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 июля 1986 г. №842 // Свод законов СССР. 1989. Т. 8. С. 430-6—430-20.

24. *О создании* кооперативов общественного питания : постановление Совета министров СССР от 5 февраля 1987 года №160 // Собр. постановлений Правительства СССР. 1987. №10.

25. *О создании* кооперативов по бытовому обслуживанию населения : постановление Совета министров СССР от 5 февраля 1987 года №161 // Собр. постановлений Правительства СССР. 1987. №11.

26. *О создании* кооперативов по производству товаров народного потребления : постановление Совета министров СССР от 5 февраля 1987 г. №162 // Собр. постановлений Правительства СССР. 1987. №10.

27. *О широком* распространении новых методов хозяйствования и усилении их воздействия на ускорение научно-технического прогресса : постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 12 июля 1985 г. №669 // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1988). М., 1989. Т. 15 : 1985—1988. С. 29—35.

28. *Об индивидуальной* трудовой деятельности: закон СССР от 19 ноября 1986 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. документов. М., 1988. Т. 16, ч. 2 : Февраль — декабрь 1986 г. С. 489—499.

29. *Об упорядочении* торгово-закупочной деятельности кооперативов и регулировании цен на товары (услуги), реализуемые кооперативами населению и организациям : постановление Верховного Совета СССР от 17.10.1989 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. 1989. №19. Ст. 353.

30. *Об утверждении* Положений о хозрасчетных внешнеторговых организациях (объединениях) и Типового положения о хозрасчетной внешнеторговой фирме научно-производственного, производственного объединения, предприятия, организации : постановление Совмина СССР от 22 декабря 1986 г. №1526 // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. документов. М., 1988. Т. 16, ч. 2 : Февраль — декабрь 1986 г. С. 522—537.

31. *Тычинин С. В.* Гражданско-правовое регулирование потребительской кооперации в России : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.

32. *Яник А. А.* История современной России. Истоки и уроки последней российской модернизации (1985—1999). М., 2012. EDN: UCXXLP.

Об авторе

Юлия Олеговна Новикова — канд. ист. наук, доц., зав. кафедрой таможенного дела и внешнеэкономической деятельности, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Владимирский филиал), Россия.

SPIN-код: 6363-8571

ORCID: 0009-0004-5722-4141

E-mail: ynovikova1902@yandex.ru

Yu. O. Novikova

LEGAL REGULATION OF CONSUMER COOPERATION IN THE USSR IN 1985—1991

Vladimir Branch of RANEPA, Vladimir, Russia
Received 28 October 2025
Accepted 14 March 2026
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-4

To cite this article: Novikova Yu. O. 2026, Legal regulation of consumer cooperation in the USSR in 1985—1991, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 38—50. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-4.

This article examines the transformation of the legal status of consumer cooperatives in the USSR from 1985 to 1991. The study aims to demonstrate that the legal regulation of consumer cooperatives during this period incorporated democratic principles, albeit subject to rigorous state oversight. Shortages in the consumer market compelled the government, in its attempts at improving public welfare, to engage with consumer cooperatives as a unique socio-economic phenomenon. Consumer cooperatives were viewed by the authorities as a mechanism for accelerating the transition to a mixed economy. However, the absence of private property in the USSR necessitated the inclusion of these private legal institutions in the state economic system. Despite the establishment of legal foundations for consumer cooperatives with the 1988 adoption of the Law on Cooperation in the USSR, the cooperative movement did not develop as rapidly as was expected. The underlying cause of this stagnation was the contradictory nature of the legal norms regulating cooperative operations.

Keywords: cooperation, cooperative, consumer cooperation, cooperative movement, cooperative legislation, perestroika

The author

Dr. Yulia O. Novikova, Associate Professor, Head of the Department of Customs Affairs and Foreign Economic Activity, Vladimir Branch of RANEPA, Vladimir, Russia.
ORCID: 0009-0004-5722-4141
E-mail: ynovikova1902@yandex.ru

УДК 930; 94(71)

И. М. Нохрин

ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ КАНАДСКОЙ ИСТОРИИ В КАНАДСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX—XX ВЕКОВ

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
Поступила в редакцию 19.07.2025 г.
Принята к публикации 31.08.2026 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-5

Для цитирования: *Нохрин И.М.* Поиски национальной специфики канадской истории в канадской историографии XIX—XX веков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №3. С. 51—66. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-5.

Дискуссии об исторической судьбе народа — неиссякаемый источник гордости, а также символов и идей, лежащих в основе национальной идентичности буквально в каждом ее конкретном проявлении. Как справедливо утверждал Э. Смит, невозможно найти историографическую традицию, в рамках которой собственная нация не рассматривалась бы как «избранный народ», а ее история не воспринималась как череда великих свершений и побед, равно как и неопровержимое доказательство ее превосходства над другими. Однако возникает вопрос, каким образом из всего многообразия исторических событий отбираются те, которые считаются важнейшими или даже судьбоносными. В данной статье поставлена цель на материале канадской историографии раскрыть взаимосвязь между господствующим в определенную эпоху образом народа, то есть совокупностью идей и символов, определяемых как национальные, и тенденциями осмысления прошлого, выраженными в исторических трудах. По мере прохождения в канадской интеллектуальной среде трех последовательных этапов символического осмысления образа канадской нации и развития национального сознания историки создали три концепта национальной истории. Первый из них строился вокруг идеи англосаксонского расового превосходства. В центре второго находилась теория фронтира, позволявшая историкам считать экономическую систему канадских колоний наиболее эффективной на американском континенте, а социально-политическую организацию — наиболее демократичной. Наконец, весьма оригинальным и самобытным источником национальной гордости стал образ Канады как «мирного королевства», возникший во второй половине XX в. и сохраняющийся до сих пор. Его стержневым символом оказалась «канадская мозаика» — вера в превосходство канадского социального уклада, якобы позволяющего мирно сосуществовать многочисленным социальным, этническим и иным группам. Каждый из этих концептов на определенном этапе служил источником национальной гордости и вдохновения как для историков, так и для широкой публики, а затем развивался под влиянием новых тенденций осмысления образа нации и менявшихся представлений о ее достоинствах и исторической судьбе.

Ключевые слова: история Канады, канадская историография, канадская национальная идентичность, канадский национализм

© Нохрин И.М., 2026

Дискуссии об исторической судьбе народа не только служат неиссякаемым источником гордости, но и предопределяют символы и идеи, лежащие в основе национальной идентичности. Британский социолог и философ Энтони Смит отмечал в книге «Избранные народы: Священные источники национальной идентичности», что не представляется возможным найти историографическую традицию, в рамках которой собственная нация не позиционировалась бы как «избранный народ», а ее история, в свою очередь, не воспринималась как череда великих свершений и побед, служа одновременно неопровержимым доказательством ее превосходства над другими нациями [64]. В этом контексте закономерен вопрос, каким образом из всего многообразия исторических событий отбираются те, которые приобретают статус важнейших или даже судьбоносных. Цель настоящего исследования — раскрыть на материале канадской историографии взаимосвязь между господствующим в определенную эпоху образом народа (совокупностью идей и символов, определяемых как национальные) и тенденциями осмысления прошлого, получающими выражение в исторических трудах.

Вполне очевидное сосуществование двух версий национальной истории Канады делает необходимым разделить всю исследовательскую литературу на две большие группы — англо- и франкоканадскую историографию, — и каждая из них имеет собственную версию истории канадской, а также англо- и франкоканадской наций, их происхождения и исторической динамики.

Начиная с середины XIX в. и вплоть до 20—30-х гг. XX в. развитие англоязычной канадской историографии находилось под влиянием британской национальной символики — идей превосходства «англосаксонской расы», ее институтов и образа жизни. В этот период канадский национализм развивался через имперский патриотизм. Достоинство канадской нации утверждалось через принадлежность к империи, ее, как тогда любили повторять, славному прошлому и не менее героическому настоящему. Подобное же видение канадской нации как родственной и преемственной британской доминировало и в исторических сочинениях. Они традиционно строились как нарратив о прогрессе и начинались с эпохи «диких» и «варварских» племен «индейцев», а заканчивались «цивилизованной» современностью, созданной усилиями «англосаксов».

Интересно, как в русле общей тенденции Дж. МакМаллен объяснял возникновение канадской нации, используя биологическую метафору «отпочкования» от «родительского» организма: «Неразвитому, немногочисленному, рассыпанному на огромных территориях сообществу неспособных вести хозяйство дикарей пришел на смену организованный, промышленно развитый, предприимчивый народ, чей гений и способности напитали ростки (*germs*) новой нации. <…> Канаде тогда еще предстоял долгий путь, прежде чем она заняла свое положение среди других наций, но не приходится сожалеть, что англосаксонская раса завладела этой землей и что времена жестоких индейцев ушли навсегда» [54, p. xxx—xxxi].

В то же время для первых попыток создания национальной версии канадской истории было свойственно некритически относиться к феномену канадской нации и идентичности. Предполагалось, как это следовало из работ Ч. Таттла [66], У. Уитроу [71], Дж. Бурино [5], Дж. Юарта [29], что она возникла сама собой в процессе освоения природных богатств Британской Северной Америки и оформлялась по мере распространения в колониях «цивилизующего» влияния англичан. Завершение этого процесса датировалось концом XIX — началом XX в., то есть временем, когда эти сочинения и создавались. Исследователи избегали давать четкое определение нации, приписывать канадцам какие-либо специфические социокультурные характеристики и выяснять причины обособления канадцев от британцев. И это выглядело довольно необычно на фоне бурных дискуссий в журналистике, публицистике и даже художественной литературе на тему особенностей «канадского национального характера».

Отсутствие рефлексии на тему канадской идентичности в исторической литературе можно отчасти объяснить общими тенденциями развития науки той эпохи. Как и их коллеги в Великобритании, а также в других западных странах, канадские исследователи считали своей задачей подробнейшее изучение исторических «фактов», то есть конкретных событий из области политической и государственно-правовой проблематики. Сама структура и логика повествования в трудах Р. Кристи [15], С. Уотсона [69], Ч. Дента [23], А. Шортта и А. Доти [63] подводила читателя к мысли о закономерности и неизбежности возникновения канадской нации, обособления канадцев от британцев по мере развития торговли, промышленности, накопления достижений в области образования, науки, литературы, искусства и т.п. Однако дальнейшее развитие этой мысли, по всей видимости, не представлялось возможным в рамках господствовавшей парадигмы. Очевидный вопрос, почему же канадцы не могли, как и прежде, оставаться британцами и должны были обрести собственную нацию, даже не стоял на повестке дня.

Другое объяснение нежелания историков поднимать вопрос о специфике возникновения и символического наполнения канадской национальной идентичности можно найти в их вполне очевидном стремлении продолжать черпать чувство национального достоинства и величия из принадлежности к «англосаксонской расе» и Британской империи. В конце концов, чем больше особенностей обнаруживалось у «дочерней» канадской нации, тем сильнее она отдалялась от «страны-матери». Следуя этой логике, знаменитые канадские историки У. Кингсфорд [45] и Ф. Паркман [59] в своих работах тщательно вписывали историю Канады в историю Великобритании, а также ее международной и колониальной политики. Они придавали крайне мало значения исторической роли франкоязычного сообщества, коренного населения, мигрантов из Европы и Китая и ставили знак равенства между британцами и канадцами. «Надеюсь, что доминион продолжит развиваться в процветании, справедливости и мудрости под флагом, который тысячу

лет реял над битвами и волнами и который продолжит и дальше непрерывно развеваться над этой прекрасной землей, неотъемлемой частью Британской империи, и над людьми, которые не имеют изъянов в мыслях, словах или делах», — писал Кингсфорд в предисловии к последнему тому своего труда [45, vol. 10, p. iv]. Учитывая, что британскому флагу к этому времени еще не исполнилось тысячи лет, он, по всей видимости, имел в виду английский флаг и не усматривал в канадской истории национальную специфику.

Франкоязычные историки XIX — начала XX в. в целом разделяли расовые теории «англосаксонских» коллег, но с важной оговоркой. Они соглашались с идеей исторической преемственности между британцами и англоязычными колонистами и в то же время отказывались считать и тех, и других канадцами. Эта мысль предельно четко была выражена основателем франкоканадской исторической школы Франсуа-Ксавье Гарно в многотомной «Истории Канады от момента ее открытия до наших дней» [35]. Канадцами исследователь называл тех колонистов, кто «принадлежал нашей земле», то есть не имел «привязанностей» или «обязательств» по отношению к другим странам, будь то Франция или Великобритания [Ibid., t. 2, p. 224]. Следуя этой логике, Гарно относил возникновение канадской нации к XVII в. — времени появления первых поколений поселенцев, рожденных в Новой Франции. Историк считал, что особенности канадского национального характера сформировались под влиянием не прекращавшейся борьбы колонистов за выживание — вначале против индейцев, затем против англичан. Постоянные угрозы самому существованию канадцев, доказывал Гарно, сформировали у них такие черты характера, как свободолюбие, сплоченность и особая привязанность к католической религии, ставшей для них важнейшим символом самобытности.

Образ нации, рожденной в борьбе за право на существование, окруженной и осажденной в долине реки св. Лаврентия, словно в крепости, опасными врагами, сохранялся во франкоязычной литературе на протяжении всего XIX в. Интересно, что даже процесс демократизации политической системы, в том числе введение ответственного правительства в 1848 г. и создание самоуправляющейся канадской федерации в 1867 г. некоторые исследователи трактовали именно в символических категориях выживания. Парламентаризм, демократия и свобода слова, доказывал А.Д. Де Селль, позволили жителям провинции Квебек перейти от вооруженной борьбы к мирной защите собственных традиций и образа жизни [21, p. 5—7]. Однако сама угроза их существованию, если следовать логике исследователя, никуда не делась.

В соответствии с популярными историческими схемами того времени франкоканадские интеллектуалы пытались проследить историческую преемственность между историей Франции, французской колонизацией Северной Америки XVII — первой половины XVIII в. и современной для них канадской нацией. В центре внимания историков находилось два важнейших для их собственной национальной идентичности вопроса — о причинах поражения Франции в североамери-

канском колониальном соперничестве с Великобританией и об актуальности наследия французской империи для канадцев второй половины XIX — начала XX в. Ответ на первый вопрос во многом предопределял и второй. В работах Ж.-Б.-А. Ферлана [32], Э. Файона [30], Б. Сюльта [65] образ канадской истории как героической борьбы за выживание получил дальнейшее развитие. Эти обстоятельные многотомные сочинения ввели в оборот огромное количество исторических документов и подробнейшим образом осветили мельчайшие подробности истории колонии Новая Франция, а также франкоязычного населения Северной Америки после британского завоевания. Чуть позже, уже в начале XX в., из-под пера Т. Шапе вышло несколько фундаментальных работ, посвященных Жану Талону [13], интенданту Новой Франции, маркизу Монткальму [14], а также другим французским военным и администраторам колониальной эпохи.

Всех этих историков объединяли интонации нескрываемого восхищения канадскими колонистами XVII—XVIII вв. и трагический пафос сожаления об упущенных Францией возможностях. Подчеркивая героизм и самопожертвование поселенцев, силу их характера и выдающиеся способности, исследователи указывали на постоянную нехватку внимания и поддержки со стороны Парижа, а порой и полное безразличие французского правительства к потребностям и нуждам колонистов. И даже несмотря на очевидное пренебрежение метрополии, доказывал Ж.-Б.-А. Ферлан, канадским поселенцам удалось построить самодостаточную и процветающую колонию [32, t. 2, p. 70—83]. Но все же в долгосрочной перспективе силы оказались слишком неравными. Поскольку канадцы часто оказывались брошены на произвол судьбы перед лицом численно превосходящих их врагов, без подкрепления, необходимых ресурсов и порой даже надежды на помощь метрополии, Новая Франция в итоге пала. В то же время, доказывал Т. Шапе в восьмитомном «Курсе истории Канады», особенности французской колониальной политики, требовавшие от канадцев рассчитывать только на себя, обусловили раннее осознание ими своей общности и единства [12, p. 68—69]. И по той же причине влияние метрополии оказалось в Канаде довольно ограниченным.

Французское наследие в Северной Америке, как его понимали франкоязычные историки XIX — начала XX в., — это прежде всего католическая религия и церковь [32, t. 2, p. 61]. К ним, разумеется, добавлялся французский язык. Но и его ценность главным образом определялась функцией сохранения и передачи истинной веры. В остальном же, согласно общему убеждению, прямая взаимосвязь между французами и канадцами отсутствовала: заложив основы колонии Новая Франция в XVII в., метрополия довольно быстро предоставила поселенцев самих себе, а в середине XVIII в. и вовсе их покинула. Поэтому дальнейшее развитие канадской нации происходило автономно.

Таким образом, определение канадской нации через идею ее особой цивилизаторской миссии объединяло англо- и франкоязычных историков. Различия между ними задавались спецификой национальных

символов. Если первым было свойственно подчеркивать принадлежность канадцев к англосаксонскому миру и, соответственно, прославлять канадскую нацию как носительницу самых передовых британских политических, правовых и экономических институтов, якобы обеспечивавших наивысший уровень благосостояния и процветания для каждого из них, то вторых объединяло чувство гордости за преданность канадцев истинной вере и сохранение ими некоего древнего христианского благочестия, равно как и основанного на нем традиционного образа жизни и духовной силы, якобы присущей и французам в былые времена, но полностью утраченной в Старом Свете под влиянием «безбожной» философии эпохи Просвещения, революций и индустриализации. Наконец, и те, и другие, считали канадскую нацию объективным феноменом, возникшим *ipso facto* географической обособленности Канады от европейских метрополий, а потому причины и обстоятельства ее появления, равно как и процесс распространения национальной идентичности среди канадцев, не привлекали особого внимания исследователей и казались самоочевидными.

В 1920—1930-е гг. общее настроение англоязычной канадской историографии заметно изменилось. При этом специфика научных интересов большинства историков по-прежнему задавалась тенденциями развития канадского национализма. Главная из них в межвоенную эпоху — доминирование чувств обиды и разочарования в результате упорного нежелания Лондона признавать в той или иной форме возросший потенциал и международное значение доминиона Канада, равно как и предоставлять ей более высокий статус в империи, в том числе возможности влиять на имперскую внешнюю политику. Закономерным образом идеи имперского единства вызывали в Канаде все больше не энтузиазм, а скептицизм, распад «англосаксонской расы» на отдельные самостоятельные нации казался уже неизбежным и даже желательным.

Одновременно Канада попадала под все более ощутимое американское влияние. В межвоенные годы Великобритания уступила США первенство в объемах торговли с Канадой, в количестве инвестиций и совместных предприятий, в интенсивности информационного и культурного обмена. В то время пока британские компании слабо интересовались рынком и покупателями по другую сторону Атлантики, американские товары, книги, журналы, газеты и даже радиопередачи становились столь же привычными, как и сами канадские. И это не говоря уже о стремительно растущем международном авторитете Вашингтона, который делал США все более привлекательным образцом для подражания.

Переоценка идеалов имперского единства и усиливавшееся притяжение США приводили к появлению новых интерпретаций канадской истории. Основное место в них занимала уже не британская, а американская символика — Канада со все большей определенностью воспринималась как часть Нового Света, а не Старого. В работах У.П.М. Кеннеди [43] и Ч. Мартина [52] нарратив о канадской истории описывал закономерное и поступательное движение от британского колониаль-

ного прошлого к национальному суверенитету в настоящем. Причем ослабление связей со «страной-матерью» и «американизация» Канады, а также ее сближение с США по мере развития автономии уже больше не смущали историков. Наоборот, Дж. Бребнер [6] и Дж. У. Дафо постулировали в качестве важной особенности канадской нации якобы характерные для стран американского континента демократичность и социальное равенство. Эти черты, по мнению исследователей, объяснялись схожими с США условиями развития в колониальную эпоху и отличали оба государства от европейских метрополий. Очень показательно в этом плане даже само название работы Дафо — «Канада — американская нация» [20].

В общем контексте развития послевоенной канадской историографии стоит особняком статья «Развитие канадского национального чувства» главного редактора журнала «Канадское историческое обозрение» С. Уолласа [68]. Фактически это была первая работа, в которой канадский национализм выступал главным объектом изучения. Как и следовало из названия, Уоллас понимал его как некое чувство, психологический феномен, отличающий представителей одной нации от других [Ibid., p. 162]. Его происхождение историк связывал с «особенностями географии», а именно — Атлантическим океаном, который и физически, и ментально отделил канадцев от британцев и способствовал появлению новой нации. Другими факторами, способствовавшими осознанию канадцами себя в качестве нации, Уоллас назвал войну с США 1812 г., борьбу за самоуправление в 1830—1840-е гг. и движение за создание федерации. Все это, доказывал исследователь, дало канадцам некий особый опыт совместной деятельности, обособивший их как от англичан, так и от соседей-американцев [Ibid., p. 140—143]. К сожалению, ни Уоллас, ни его коллеги не стали развивать идеи, предложенные в этой статье. Определяя национализм как «чувство», он, по всей видимости, обесценил предмет собственного исследования, ибо чувства пока не считались историками подходящим объектом для научного анализа.

Дальнейшее развитие канадской историографии пошло по иной траектории. В 1930 г. в типографии Йельского университета вышла работа профессора политэкономии университета Торонто Гарольда Инниса «Торговля мехом в Канаде: введение в канадскую экономическую историю», определившая развитие канадской исторической науки на несколько десятилетий [42]. Иннис доказывал, что освоение современных территорий Канады с самого начала европейской колонизации направлялось нуждами пушной торговли, то есть, по сути, капиталистическим, а значит, передовым с исторической точки зрения процессом. Историк уделил большое внимание колониальному соперничеству Великобритании и Франции, которое, по его мнению, было не чем иным, как конкуренцией двух экономических систем. Социально-политический уклад Великобритании, как утверждал Иннис, в наибольшей степени способствовал развитию торгово-колониальных компаний, таких как Компания Гудзонова залива и Северо-Западная компания, обеспе-

чивая им большую эффективность и, соответственно, норму прибыли. Закономерным итогом соперничества стала победа англичан и вытеснение Франции из Северной Америки [Ibid., p. 394—395].

Иннис не затрагивал напрямую тему канадской нации и национализма, однако подчеркивал определяющую роль торговли и иных форм экономической деятельности в становлении канадской государственности. Нужды капиталистического развития, необходимость подстраиваться под условия вначале французской, а затем и английской экономической системы, продолжал он, обусловили гибкость и разнообразие канадских институтов, а также их демократичность, ориентированность на компромисс, терпимость к различным мнениям и уважение к законам и государству как гаранту их исполнения [Ibid., p. 407]. Фактически историк создавал канадскую национальную символику — рисовал образ канадской нации в ее особых, характерных чертах. Через идею торгово-капиталистической колонизации Иннис обосновывал уникальность Канады по сравнению с европейскими метрополиями и называл ее частью североамериканской цивилизации — в наивысшей степени развитой, эффективной, прогрессивной [Ibid., p. 386]. Одновременно он видел различия между Канадой и США. Трансатлантическая торговля пушниной, утверждал Иннис, порождала необходимость в организованной системе коммуникаций, создать которую и поддерживать в надлежащем состоянии могла только достаточно сильная колониальная администрация. Это предопределило, по мнению исследователя, гораздо большую степень централизации канадской федерации, выработало у канадцев большую степень уважения по отношению к властям и готовность сотрудничать [Ibid., p. 405—406].

Идеи Инниса быстро распространились в канадской исторической науке. В течение двух последовавших десятилетий концепцию «нации, созданной торговлей» развили Д. Крейтон [19], А. Лоуэр [49; 50], Дж. М. Карелес [10], У.Л. Мортон [58] и др. [1]. С подачи К. Бергера этих исследователей стали называть «лаврентийской школой», коль скоро они уделяли особое внимание экономической истории долины реки Св. Лаврентия. «Настоящие канадцы — это торговцы пушниной на службе Северо-Западной компании, — доказывал Крейтон, — это французские и английские герои, которые завоевали Север для Канады» [19, p. 67]. Таким образом, происхождение канадской нации они объясняли спецификой хозяйственной деятельности британских и французских колонистов, а та, как в свою очередь доказывали историки-«лаврентийцы», определялась природно-климатическим особенностями региона — наличием густых лесов, пушных зверей, удобных для торговли рек, а также суровыми условиями американского Севера. «Наш суровый климат, работавший на стерлинговом капитале, сформировал энергичный и самобытный народ, настоящих людей севера», — утверждал Артур Лоуэр [49, p. 3]. «Канадская история началась, когда викинги пересекли Северную Атлантику в поисках рыбы, меха и земель для их ферм. <…> С этого момента Канада имела особую, уникальную, северную судьбу. Ее современные начала заложены не Колумбом, но Кэботом. И когда французы последовали за Картье вверх по реке Св. Лаврентия, они сра-

зу же были вовлечены в торговлю мехом и освоение Канадского щита. <…> Канадский или докембрийский щит занимает такое же центральное место в канадской истории, как и в канадской географии, и во всем понимании Канады... попеременное проникновение в дикую природу и возвращение к цивилизации является основным ритмом канадской жизни и формирует основные элементы канадского характера», — так профессор истории университета Манитобы У. Мортон доказывал идею канадской исключительности, противопоставляя канадцев одновременно и Старому Свету и более «южной», «колумбовой» части американского континента [57, p. 4—5].

Франкоязычная историография межвоенного периода и середины XX в. по большей части проигнорировала теорию «лаврентийской школы» о «северянах Нового Света» и «нации, созданной торговлей». Работы ведущих монреальских исследователей того времени продолжали создавать нарратив о нации, рожденной в постоянной борьбе за выживание. Небольшая группа колонистов, «чрезвычайно достойных людей» с выдающимися чертами характера, отмечал Л. Гру, со временем превратилась в квебекский народ, выкованный и сплоченный многочисленными противниками и опасностями [39, p. 73, 181]. Следуя той же логике, Р. Румильи называл «двумя опорами, на которых был создан франкоканадский народ», католическую веру и «старую» французскую культуру эпохи Старого порядка, гораздо более богатую и достойную, нежели культура современной Франции [61, p. 191].

Новый поворот в развитии канадской исторической мысли совпал с приближением столетнего юбилея канадской федерации. К середине XX в. Британская империя уже не вызывала былого энтузиазма у современников. На фоне повсеместной борьбы с колониализмом и расизмом принадлежность к англосаксонской «расе» выглядела как сомнительный повод для гордости. И это не говоря уже о символах, связанных с ее колониальным прошлым — «цивилизаторской миссией» и «бременем белого человека». Одновременно среди канадцев усиливалось беспокойство в связи со все более усиливавшимся влиянием США. Проделав путь «от колонии к нации», с тревожностью писал историк У. Мортон, Канада словно пошла в обратном направлении «от нации к колонии», растворяясь в американской поп-культуре и теряя свою национальную идентичность [56, p. 227]. Реакцией на растущее беспокойство канадцев по поводу сохранения национальной самобытности стало движение «канадианизации». Его центральной идеей современники называли целенаправленное привлечение внимания к канадскому опыту и специфике, особенно в науке, искусстве, учебных программах и средствах массовой информации [18; 41].

Борьба за «канадианизацию» общественно-политической жизни привела к переосмыслению образа канадской нации. Ее новым символом стал образ «мирного королевства» — выражение, впервые использованное литературоведом и критиком Нортропом Фраем, а затем подхваченное историком У. Килбурном и другими интеллектуалами. Смысл этой метафоры заключался в следующем: как доказывали ка-

надские ученые, журналисты и публицисты, национальной особенностью Канады с ранних колониальных времен, по меньшей мере XVIII—XIX вв., стало мирное сосуществование различных культур и социальных групп, плюрализм мнений и готовность властей защищать базовые права ее жителей независимо от их происхождения и образа жизни [62]. Идея единства в многообразии, или, как стало популярно говорить, канадской мозаики (канадского салата), со всей очевидностью противоречила прежнему источнику гордости — вере в генетическую связь между канадцами и британцами и принадлежность к сообществу англосаксонских народов. Однако канадцев это не смущало. Наоборот, в этом находился даже еще больший источник для гордости. Как утверждал У. Килбурн, Канада могла стать для всего мира образцом и моделью организации мирного и даже гармоничного сосуществования людей разного происхождения и культуры [44].

«Канадианизация» и образ «мирного королевства» оказали значительное влияние на развитие исторической науки. В 1960-е гг. внимание канадских историков сместилось на изучение многообразия канадского общества — регионального, классового, этнического, с особым акцентом на историю меньшинств. Профессор Университета Торонто Дж. М. Карелес назвал «небольшие идентичности» ключом для понимания канадской истории [11]. В прямом соответствии с этим принципом появлялись исследования, посвященные истории канадского рабочего класса, мигрантских общин, профессиональных сообществ [27; 36]. Впервые за долгое время англоязычные историки обратили внимание на историю франкоканадской общины. В работах «Франкоканадцы» Мэйсона Уэйда [67] и «Франкоканадский национализм» Рамсея Кука [17] историки предприняли попытку вписать историю Квебека в общеканадский контекст. Х.Т. Маннинг в монографии «Революция во Французской Канаде» сосредоточилась на специфике развития сообщества франкоканадцев в начале XIX в., попытавшись выявить причины возникновения и усиления протестных настроений, приведших к восстанию 1837 г. [51].

Новый образ канадского общества как культурной мозаики, для которой исторически характерно мирное сосуществование различных культур, привел к пересмотру истории колониальной Канады. Исследователи теперь не только крайне критически относились к идеям англосаксонского расового единства, но и усматривали в британской политике по отношениям к колониям, а также в действиях имперских чиновников основную причину межэтнических и межконфессиональных конфликтов в канадской истории. В трудах К. Бергера [3], Н. Пенлингтона [60], Д. Кэмерона [8], С. Уэллса [70] и Р. Кука [16] утверждалась мысль об органической взаимосвязи свойственного для англоязычных канадцев XIX в. империализма, то есть самоидентификации с Британской империей, и агрессивного шовинизма, расизма и иных форм нетерпимости. Бывшая метрополия, «страна-мать», как ее называли еще столетие назад, теперь изображалась главной причиной социальной

вражды в канадском «мирном королевстве». Хотя в итоге, с оптимизмом подчеркивал У. Мортон, канадцам все равно удалось сформировать свой собственный, особый, самобытный, выстроенный на опыте многочисленных компромиссов тип национального самосознания: «Не французский, не британский по сути, а именно канадский» [57, p. 51].

Критическое переосмысление имперского наследия, в конце концов, стало определяющей интенцией в канадской социальной истории 1960—1970-х гг. [26; 37] На страницах возникших в ту эпоху научных журналов «Социальная история» (Social History/Histoire Sociale), «Журнал канадских исследований» (Journal of Canadian Studies), «Акадиенсис» (Acadiensis), «Труд» (Labour/Le Travail) вышло множество статей, обличавших расистский, сексистский, шовинистический и в целом несправедливый и репрессивный характер политики британских властей во второй половине XVIII — первой половине XIX в., равно как и правительства Канады после создания доминиона в 1867 г. Уже в конце 1990-х гг. известный канадский историк Дж. Гранатштейн назвал «мультикультурной манией» стремление повсюду находить и подчеркивать проявления социального и культурного многообразия в канадской истории [38, p. 79—80]. Однако далеко не все коллеги с ним согласились, доказывая, как это делал, например, А. Маккиллоп, что «имперско-национальный шаблон» историописания попросту устарел, а современные историки не подвержены никакой “мании”, а наоборот, создают «настоящую историю Канады — многоэтничной, многоязычной, высокорегионализованной нации, в которой социальное и экономическое неравенство долгое время были совершенно очевидными, целые группы внутри нее были маргинализированы, а многие голоса молчали» [53, p. 284].

Канадский национализм вообще все чаще изображался как часть имперского и расового дискурса XIX в., идеологическое обоснование капиталистической экспансии в пространственном и социальном измерении. Постмодернистский поворот 1980-х гг. с характерным для него скептицизмом по отношению к метанарративам закрепил восприятие национализма как инструмента легитимации социальной иерархии, в том числе и в колониальную эпоху XVIII—XIX вв. [7; 42]. В результате национальная идентичность и национальное сознание стали восприниматься значительной частью канадских историков, среди которых следует выделить работы Дж. Эрингтон [28], Д. Миллса [55], Ж. Айзенштат [2; 9] как инструмент пропаганды, манипулирования общественным мнением, политической борьбы или даже и вовсе миф [22; 48]. Главной причиной ее появления и распространения называлось стремление недавно оформившихся канадских политических элит обосновать претензии на власть, обеспечить лояльность населения и, при необходимости, мобилизовывать канадцев на решение тех или иных задач, например защиты колонии от вторжения армии США в 1812—1815 гг. [40].

Что касается самих франкоканадских историков, то переключение внимания на «небольшие идентичности» и критика англоцентричного национального «метанарратива» породили среди них немалый энтузи-

азм. Впервые за долгое время центральный тезис франкоязычной историографии о постоянной борьбе народа за выживание против агрессивного империализма, шовинизма, расизма и иных форм нетерпимости больше не подвергался сомнению и принимался даже англоязычными коллегами. Как результат, квебекские историки продолжили обличать несправедливый и дискриминационный характер британского колониального управления и развивать давнюю идею о «нации, рожденной в борьбе за выживание» [24; 31; 34].

Более того, с конца XX в. старый нарратив о межнациональной борьбе получил новое символическое наполнение — Ж. Фильто [33], Ж. Бушар [4], М. Дюшарм [25], И. Ламонд [46; 47] видели в ней проявление общей тенденции к демократизации и либерализации западного мира в XIX в. Противостояние франкоканадцев и британских колониальных властей изображалось в работах квебекских исследователей конца XX — начала XXI в. как канадский аналог французских революций 1830 и 1848 гг. или борьбы за парламентскую реформу в Англии 1832 г. Историки доказывали приверженность франкоканадцев к наиболее прогрессивным для того времени идеям парламентаризма, прав человека, социального равенства и усматривали в их народе авангард борьбы за либеральные свободы. Право франкоканадцев на сохранение своей национальной идентичности утверждалось в исторических исследованиях как одна из тех самых свобод, за которые боролись европейские и американские либералы той эпохи.

Таким образом, по мере прохождения в канадской интеллектуальной среде трех последовательных этапов символического осмысления образа канадской нации и развития национального сознания историки создали три концепта национальной истории. Первый из них строился вокруг идеи англосаксонского расового превосходства. В центре второго находилась теория фронтира, позволявшая историкам считать экономическую систему канадских колоний наиболее эффективной на американском континенте, а социально-политическую организацию — наиболее демократической. Наконец, весьма оригинальным и самобытным источником национальной гордости стал образ Канады как «мирного королевства», возникший во второй половине XX в. и сохраняющийся до сих пор. Его стержневым символом стала «канадская мозаика», опорой — вера в превосходство канадского социального уклада, якобы позволяющего мирно сосуществовать многочисленным социальным, этническим и иным группам. Каждый из этих концептов на определенном этапе служил источником национальной гордости и вдохновения как для историков, так и для широкой публики, а затем менялся под влиянием новых тенденций осмысления образа нации, трансформировавшихся представлений о ее достоинствах и исторической судьбе.

Список литературы

1. *Aitken H.G.J.* A note on the capital resources of Upper Canada // The Canadian Journal of Economics and Political Science / Revue Canadienne d'Economique et de Science Politique. 1952. Vol. 18, №4. P. 525–533. https://doi.org/10.2307/138371.

2. *Ajzenstat J.* Political thought of Lord Durham. Toronto, 1988.

3. *Berger C.* Sense of power. Studies in the ideas of Canadian imperialism, 1867—1914. Toronto, 1970.

4. *Bouchard G.* Genèse des nations et cultures du Nouveau Monde. Essai d'histoire comparée. Montréal, 2000. P. 97—98.

5. *Bourinot J.* The national development of Canada. L., 1880.

6. *Brebner J.B.* Explorers who traced this continent: The explorers of North America, 1492—1806. N.Y., 1933.

7. *Cadigan S.T.* Paternalism and politics: Sir Francis Bond Head, the Orange Order, and the election of 1836 // The Canadian Historical Review. 1991. Vol. 72, №3. P. 319—347.

8. *Cameron D.* Nationalism, self-determination and the Quebec question. Toronto, 1974.

9. *Canada's* Origins: Liberal, tory, or republican? / ed. by J. Ajzenstat and P.J. Smith. Ottawa, 1995.

10. *Careless J.M.S.* Canada: A story of challenge. Toronto, 1953.

11. *Careless J.M.S.* 'Limited identities' in Canada // Canadian Historical Review. 1969. №1. P. 1—10.

12. *Chapais T.* Cours d'histoire du Canada. Québec, 1919. T. 1.

13. *Chapais T.* Jean Talon, intendant de la Nouvelle-France (1665—1672). Québec, 1904.

14. *Chapais T.* Le marquis de Montcalm (1712—1759). Québec, 1911.

15. *Christie R.* A history of the late province of Lower Canada; parliamentary and political, from the commencement to the close of its existence as a separate province : in 6 vols. Québec, 1848. Vol. 1.

16. *Cook R.* Canada, Quebec and the uses of nationalism. Toronto, 1986.

17. *Cook R.* The French-Canadian nationalism. Toronto, 1969.

18. *Cormier J.* The Canadianization movement: Emergence, survival, and success. Toronto, 2016.

19. *Creighton D.* The commercial empire of the St. Lawrence. New Haven, 1937.

20. *Dafoe J.W.* Canada, an American nation. N.Y., 1935.

21. *De Celles A. D.* A la conquête de la liberté en France et au Canada. Lévis, 1898.

22. *(De)Constructing* Canadianness: Myth of the nation and its discontents / ed. by E. Sojka. Katowice, 2007.

23. *Dent J. Ch.* The Last Forty Years. Canada since the Union of 1841: in 2 vols. Toronto, 1881.

24. *Dessureault Ch.* La crise sous Dalhousie: Conception de la milice et conscience élitaire des réformistes bas-canadiens, 1827—1828 // Revue d'histoire de l'Amérique française. 2007. Vol. 61, №2. P. 167—199.

25. *Ducharme M.* Le concept de liberté au Canada à l'époque des Révolutions atlantiques, 1776—1838. Montréal, 2010.

26. *Dunham A.* Political unrest in Upper Canada, 1815—1836. Toronto, 1963.

27. *English J.* The second time around: Political scientists writing history // Canadian Historical Review. 1986. №1. P. 1—16.

28. *Errington J.* The lion, the eagle, and Upper Canada: A developing colonial ideology. Kingston; Montreal, 1987.

29. *Ewart J.S.* The Kingdom of Canada. Toronto, 1908.

30. *Faillon É. M.* Histoire de la colonie francaise en Canada: en 3 t. Villemarie, 1865—1866.

31. *Fecteau J.-M.* Entre la quête de la nation et les découvertes de la science // The Canadian Historical Review. 1999. Vol. 80, №4. P. 641—666.

32. *Ferland J.-B.-A.* Cours d'histoire du Canada: en 2 t. Québec, 1861.

33. *Filteau G.* Histoire des patriotes. Québec, 2003.

34. *Gallichan G.* Le crise parlementaire de 1827 au Bas-Canada // Les Cahiers des dix. 2012. №66. P. 95—166.

35. *Garneau F.-X.* Histoire du Canada depuis sa découverte jusqu'à nos jours : en 4 t. Québec, 1845—1852.

36. *Gendered* pasts: Historical essays in femininity and masculinity in Canada / ed. by K. McPherson, C. Morgan, N.M. Forestell. Toronto, 1999.

37. *Goldring Ph.* British colonists and imperial interests in Lower Canada, 1820 to 1841. L., 1978.

38. *Granatstein J.L.* Who killed Canadian history? Toronto, 1998.

39. *Groulx L.* La naissance d'une race. Montréal, 1919.

40. *Hickey D.R.* Don't give up the ship! Myths of the War of 1812. Chicago, 2006.

41. *Hodgetts A.B.* What culture? What heritage? A study of civic education in Canada. Toronto, 1968.

42. *Innis H.A.* The fur trade in Canada: an introduction to Canadian economic history. New Haven, 1930.

43. *Kennedy W.P.M.* The constitution of Canada. L. ; Toronto, 1922.

44. *Kilbourn W.* The quest for the Peaceable Kingdom // The making of the nation: A century of challenge. Toronto, 1965. P. 120—124.

45. *Kingsford W.* History of Canada : in 10 vols. Toronto, 1887.

46. *Lamonde Y.* Brève histoire des idées au Québec. Montréal, 2019.

47. *Lamonde Y.* Fais ce que dois, advienne que pourra: Papineau et l'idée de nationalité. Montréal, 2015.

48. *Little J.I.* State and society in transition: The politics of institutional reform in the Eastern Townships, 1838—1852. Montréal; Kingston, 1997.

49. *Lower A.R.M.* Settlement and the forest frontier in Eastern Canada. Toronto, 1936.

50. *Lower A.R.M.* The North American assault on the Canadian forest. Toronto, 1938.

51. *Manning H.T.* The revolt of French Canada, 1800—1835: A chapter in the history of the British Commonwealth. Toronto, 1962.

52. *Martin Ch.* Empire and Commonwealth: Studies in governance and self-governance in Canada. Oxford, 1929.

53. *McKillop A.B.* Who killed Canadian history? A view from the trenches // The Canadian Historical Review. 1999. №2. P. 269—300.

54. *McMullen J.M.* The history of Canada from its first discovery to the present time. Brockville, 1868.

55. *Mills D.* The idea of loyalty in Upper Canada, 1784—1850. Toronto, 1988.

56. *Morton W.L.* Clio in Canada: The Interpretation of Canadian History // University of Toronto Quarterly. 1946. Vol. 15, №3. P. 227—234.

57. *Morton W.L.* The Canadian identity. Madison, 1961.

58. *Morton W.L.* The Kingdom of Canada: A General History from Earliest Times. Toronto, 1963.

59. *Parkman F.* France and England in North America: A series of historical narratives : in 7 parts. Boston, 1893.

60. *Penlington N.* Canada and imperialism. Toronto, 1971.

61. *Rumilly R.* Quinze années de réalisations: Les faits parlent. Montréal, 1956.

62. *See S.W.* The intellectual construction of Canada's 'Peaceable Kingdom' ideal // Journal of Canadian Studies. 2018. №52. P. 510—517.

63. *Shortt A., Doughty A.G.* Canada and its provinces. A history of the Canadian people and their institutions : in 23 vols. Toronto, 1914.

64. *Smith A.D.* Chosen peoples: Sacred sources of national identity. Oxford, 2004.

65. *Sulte B.* Histoire des Canadiens-Français, 1608—1880: origine, histoire, religion, guerres, découvertes, colonisation, coutumes, vie domestique, sociale et politique, développement, avenir : en 8 t. Montréal, 1882—1884.

66. *Tuttle Ch. R.* Short history of the Dominion of Canada, from 1500 to 1878. Boston, 1878.

67. *Wade M.* The French Canadians, 1760—1945. N.Y., 1955.

68. *Wallace S.W.* The growth of Canadian national feeling // The Canadian Historical Review. 1920. Vol. 1, №2. P. 136—164.

69. *Watson S. J.* The constitutional history of Canada. Toronto, 1874.

70. *Wells S.M.D.* Imperialism and the national question in Canada. Toronto, 1975.

71. *Withrow W.H.* A popular history of the Dominion of Canada. Toronto, 1878.

Об авторе

Иван Михайлович Нохрин — канд. ист. наук, доц., доц. кафедры политических наук и международных отношений, историко-филологический факультет, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия.

ORCID: 0000-0001-6319-3661

E-mail: ivan-nokhrin@yandex.ru

I.M. Nokhrin

SEARCH FOR NATIONAL IDENTITY IN CANADIAN HISTORY AS REFLECTED IN 19TH—20TH-CENTURY CANADIAN HISTORIOGRAPHY

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Received 19 July 2025
Accepted 31 August 2026
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-5

To cite this article: Nokhrin I.M. 2026, Search for national identity in Canadian history as reflected in 19th—20th-century Canadian historiography, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 51—66. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-5.

Discussions about the historical destiny of a nation are an inexhaustible source of pride, giving rise to symbols and ideas that underpin national identity in its varied manifestations. As A. Smith rightly argued, no historiographical tradition exists in which the native nation is not regarded as a 'chosen people', nor its history viewed as a succession of triumphs providing definitive evidence of its superiority over other nations. However, the question arises as to how seminal—or indeed pivotal—historical events are selected from the vast expanse of the past. This article seeks to uncover, within the body of Canadian historiography, the relationship between the image of a nation prevailing in a certain era, i.e., the set of ideas and symbols defined as national, and the dominant analytical frameworks governing historical scholarship. The main conclusion is that the Canadian intellectual community went through three successive stages of interpreting the image of the Canadian nation. As national consciousness evolved, historians formulated three distinct concepts of national history. The first of these was built around the idea of Anglo-Saxon racial superiority. The second one was centered on the theory of the frontier, which allowed historians to consider the economic system of the

Canadian colonies as the most effective on the American continent, and the socio-political organisation as the most democratic. Finally, a very original and distinctive source of national pride was the image of Canada as a 'peaceful kingdom', which emerged in the second half of the 20th century and has persisted to this day. Its core symbol is the 'Canadian mosaic' closely tied to the belief in the purported superiority of the Canadian social model in fostering peaceful coexistence across diverse ethnic and social groups. Each of these concepts served at a certain stage as a source of national pride and inspiration for both historians and the public before evolving under the influence of new historiographical trends, which reshaped perceptions of the nation's virtues and historical destiny.

Keywords: history of Canada, Canadian historiography, Canadian national specificity, Canadian nationalism

The author

Dr. Ivan M. Nokhrin, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.

ORCID: 0000-0001-6319-3661

E-mail: ivan-nokhrin@yandex.ru

УДК 94(430).08

И. О. Дементьев

«ГРАНИЦЫ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ»: К «ДРУГОЙ ИСТОРИИ» КЁНИГСБЕРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЧАСТЬ 1. ПОЗДНЕКАЙЗЕРОВСКИЙ ПЕРИОД (ДО 1918 ГОДА)

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия
Поступила в редакцию 17.04.2026 г.
Принята к публикации 20.05.2026 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-6

Для цитирования: *Дементьев И.О.* «Границы женского образования»: к «другой истории» Кёнигсбергского университета. Часть 1. Позднекайзеровский период (до 1918 года) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №3. С. 67—84. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-6.

Статья посвящена одному аспекту «женской истории» Кёнигсбергского университета (Альбертины) — практике защит докторских диссертаций женщинами. Просопографическое исследование этой темы осложнено дефицитом источников и консервативностью историографической традиции, почти не уделяющей внимания этому аспекту. В первой части восстановлен общий контекст женской эмансипации в Кёнигсбергском университете позднекайзеровского времени: охарактеризованы публичные дискуссии вокруг этой проблемы, показан противоречивый характер управленческих решений университетского руководства, представлены фрагментарные статистические данные. Также представлены сведения о 37 диссертациях, защищенных женщинами в 1904—1918 гг. (57% из них — по медицине). Кратко освещены биографии докторанток, определены перспективы исследования.

Ключевые слова: Германия, женская история, Кёнигсбергский университет, Панкритиус, Фромм-Райхман

Введение

Современный подход к истории европейского университета предполагает отказ от монопольного положения традиционных нарративов, в центре которых последовательное развитие институции, руководимой представителями академической элиты — непременно мужчинами, представителями титульной нации и официальной церкви. Фокус внимания историков рубежа XX—XXI вв. под влиянием общей демократизации исторической науки и антропологизации гуманитарного знания в целом смещается на другие аспекты университетского прошлого: изучается социальная история университета; внимание исследователей наряду с преподавателями привлекают студенты (прежде

© Дементьев И.О., 2026

всего в просопографическом ключе); актуализируется опыт женской эмансипации, симптомом и фактором которой становится открытие женщинам доступа к высшему образованию; проблематизируется роль университетов в продвижении официальной идеологии или, к примеру, колониального дискурса.

В этом смысле история каждого университета нуждается в ревизии с точки зрения выявления типичного и особенного, определения места высшей школы в процессах модернизации общества. Кёнигсбергский университет (Альбертина), просуществовавший четыре столетия (1544—1944) на востоке германского мира, до сих пор не стал предметом такой ревизии (см. об этом подробнее: [2]). Работы по истории университета, даже будучи очень тщательными, насыщенными фактурой исследованиями, во многом воспроизводят традиционные нарративы, сложившиеся еще в прусской традиции (сказанное во многом характерно и для российской историографии [5], и даже для современных немецких авторов, квинтэссенцией достижений которых по праву можно считать первый том фундаментальной работы К. Тилицки [47]). В 1991 г. историк медицины М. А. Гемков констатировал, что «об обучении женщин в Кёнигсберге научной литературы нет» [19, S. 198], и к настоящему времени положение дел принципиально не изменилось.

В настоящей статье будут подведены предварительные итоги исследования женской истории Альбертины на основе анализа статистики защит диссертаций в первой половине XX в. Полного перечня диссертаций, защищенных в Кёнигсберге, пока нет. В ходе работы были изучены каталоги ведущих библиотек Германии (включая крупнейшие университетские библиотеки), Польши, США, Великобритании и Франции, а также онлайн-базы «Женщины-врачи в Германской империи» и «Немецкое общество детской и подростковой медицины» [11; 16]. Исследование ограничивается одним аспектом и, разумеется, не исчерпывает всю многогранную проблематику гендерной истории образовательной институции. В то же время вектор развития современной историографии позволяет рассчитывать на то, что это исследование станет одним из элементов будущей «другой истории» Альбертины[1]. В первой части будет рассмотрен контекст, в котором разворачивалась эмансипация женщин, на примере университета в Кёнигсберге, а также охарактеризован ряд научных достижений докторанток, защитивших здесь диссертации в период до конца Первой мировой войны.

Тема расширения доступа женщин к высшему образованию достаточно хорошо исследована и в европейском масштабе, и на примере позднекайзеровской Германии. Первой женщиной в Германии, снискавшей докторскую степень, была Доротея Эрслебен (Dorothea Christiane Erxleben, 1715—1762). Дочь врача, она практиковала, опираясь на

[1] Понятие «другая история», предполагающее радикальную перемену оптики по сравнению с традиционной историографией, получило распространение под влиянием труда Ж. Ле Гоффа «Другое Средневековье» (1977) [6]. За без малого полвека появилось множество «других историй»: от интеллектуальной биографии самого Ле Гоффа [48] до обзора советской «периферийной» историографии Античности [4].

хорошее домашнее образование, пока не была вынуждена легализовать свои занятия путем защиты докторской диссертации в Галле-Виттенбергском университете в 1754 г. [7, с. 143]. Во второй половине XVIII — XIX в. наблюдались и другие единичные примеры присуждения в немецких землях ученой степени женщинам, причем не только по медицине. Один из самых ярких примеров — степень доктора философии, которую получила в Гёттингене в 1874 г. С.В. Ковалевская (1850—1891), первая в мире женщина — профессор математики.

Защита диссертации, однако, оставалась экстраординарным событием за отсутствием легальной возможности для женщин получать систематическое образование наравне с мужчинами. В 1874—1908 гг. в Германии развернулась внутринациональная дискуссия по вопросу допуска женщин к высшему образованию (см. подробнее: [34, p. 85—151]).

Эхо этих дебатов достигло и Кёнигсберга. Ханс Прутц, подводя итоги развитию Альбертины в XIX в., констатировал, что в двери университета стучалось «движение, стремящееся открыть женщинам путь к академическому образованию, а значит, и к ряду должностей» [41, S. 215]. Историк отказался от сопоставления аргументов за и против[1], но обозначил нюансы проблемы: к концу столетия с возможностями женщин изучать медицину уже, похоже, приходилось мириться, тогда как, например, теологическое или юридическое образование вообще не рассматривалось в силу ограничений законодательства, регулировавшего занятость в сферах религии и права. Основные споры вызывали перспективы обучения женщин на философском факультете, отличавшемся разнообразием дисциплин.

Впервые медицинский факультет обратился к Генеральному совету Альбертины с просьбой ходатайствовать перед министерством о внесении поправки в университетский устав и разрешить лицам женского пола с согласия проректора и преподавателя посещать лекции еще в 1871 г. [Ibid., S. 216]. Министерство, однако, отказало под предлогом отсутствия потребности в женщинах-врачах.

Нет сомнения, что среди преподавателей Альбертины были и горячие противники женского равноправия. К ним относился, в частности, профессор теологии Герман Якоби (Hermann Jacoby, 1836—1917), выпустивший в 1871 г. в ответ на публикацию перевода сочинения Дж. Ст. Милля «О подчинении женщины» (1869) памфлет «Границы женского образования» [28]. Якоби опровергал подходы известного английского либерала, настаивая на том, что женщины слишком эмоциональны, неспособны отказаться от комфорта, а главное —

> если даже сейчас в Германии так много молодых женщин, выбирающих профессию воспитательницы или учительницы, страдают от крушения здоровья, хотя предъявляемые к ним требования едва достигают уровня

[1] Хотя все же кратко изложил мнение противников эмансипации, отвергавших женское образование как несовместимое с немецкими традициями и противоречащее природным особенностям женщин и сущности германских университетов с их специфическими методами преподавания [41, S. 215].

> науки и фактически соответствуют стандартам несколько улучшенного общего образования, то какое разрушительное воздействие на здоровье женского пола будет иметь серьезная научная работа! Однако, если предположить, что когда женский организм созреет в более поздние годы и приобретет большую устойчивость, может начаться время для научных исследований, совершенно упускается из виду тот факт, что только молодость обладает гибкостью ума, необходимой для освоения основ научных исследований, и что молодость женского пола заканчивается раньше, чем мужского [28, S. 12].

Отказывая женщинам в доступе к научной деятельности, Якоби вовсе не отрицал необходимость расширения областей применения женских способностей: хотя женщинам наиболее комфортно дома, они всё же достигают успехов в качестве преподавателей музыки. Якоби был не против дать им возможность преподавать девочкам в начальных школах (ведь для педагога важно иметь не научное, а общее духовное образование). Наблюдая за появлением женщин-медсестер, фармацевтов и помощниц врачей, он был готов даже расширить возможности женского медицинского образования, потому что «встретило бы всеобщее одобрение, если бы женщины-врачи лечили женские болезни» [Ibid., S. 16]. Конечно, они не должны были бы занимать ключевые позиции в медицине, их удел — везде служить помощницами мужчин, что отвечает духу Библии. Якоби уверенно отказывал женщинам в военной карьере и сильно сомневался в их способности к управлению:

> Все силы женского духа должны развиваться, но степень их оправданного развития обусловлена гармоничным общим состоянием их умственного и физического организма. Поэтому женщинам следует отказывать в любой деятельности, требующей больших, продолжительных физических усилий; любая работа, втягивающая их в конфликты общественной жизни, требующая постоянного отвлечения от конкретных явлений реальности, должна быть им недоступна [Ibid., S. 19].

Лишь в марте 1892 г. вопрос допуска женщин к образованию вновь оказался на повестке: правительство делегировало решение вопроса о целесообразности исправления ситуации университетам. Медицинский факультет Альбертины единогласно, а философский — большинством голосов высказались за внесение поправок, разрешавших женщинам учиться на равных с мужчинами. Тем не менее Генеральный совет, проявивший себя более консервативным, чем преподавательский состав, поддержал меньшинство и признал, что прием женщин все же несовместим как с историей, так и с предназначением немецких университетов [41, S. 216].

Наступивший двадцатый век, однако, изменил все. Уже с 1899 г. женщины в Германии были наделены правом сдавать экзамены по медицине и смежным дисциплинам при условии получения ими образования в зарубежных университетах. Характерно, что первой женщиной, получившей образование и сдавшей государственный экзамен в том же университете Галле стала в 1901 г. отучившаяся в Цюрихе уро-

женка Восточной Пруссии Ида Демох (Ida Democh, 1877—1950; родилась в Штатцене, ныне гмина Калиново в Варминьско-Мазурском воеводстве Польши). Защитив докторскую диссертацию 18 марта 1901 г., Демох вошла в историю как первая в Германии женщина с лицензией врача [11]. Через несколько месяцев, 17 июля 1901 г., аналогичный экзамен в Альбертине сдала Этель Блюме (Ethel Blume, 1875—1918) после нескольких лет обучения в Галле, Берлине и Кёнигсберге. В 1902 г. она защитила диссертацию уже в Лейпциге [11; 19, S. 198].

В Альбертине женщины начали обучение на медицинском факультете в 1900 г. В летнем семестре этого года их было 15, в зимнем семестре 1901/02 г. — 32, летом 1902 г. — 36, зимой 1903/04 г. — 34 [Ibid., S. 198]. Пробелы в хронологии связаны с тем, что процесс вовлечения женщин был небезболезненным. Судя по всему, мужчины-профессора продолжали дискуссии по поводу целесообразности расширения возможностей для женщин. При внимательном рассмотрении оказывается, что наряду с крайними позициями встречались и более затейливые точки зрения на вопрос гендерного равенства. Так, среди профессоров, негативно отнесшихся к совместному обучению мужчин и женщин, выделяется фигура Людвига Штиды (Ludwig Stieda, 1837—1918) [47, S. 630]. Штида сначала преподавал в российском университете в Дерпте, а в 1886—1912 гг. был ординарным профессором анатомии в Альбертине. В дискуссиях начала XX в. он занимал ту же позицию, что, по его словам, и в дерптский период: «Равные условия для поступления в университет, равные условия обучения, равные права после сдачи экзамена», но предпочитал отстаивать идею открытия отдельного учебного заведения для изучающих медицину женщин. М. А. Гемков приходит к заключению, что Штида, выступая публично, пытался не выглядеть принципиальным противником женского высшего образования, но на практике же его позиция усложняла жизнь студенток в Кёнигсберге [19, S. 80].

В ноябре 1901 г. несколько профессоров, включая Штиду, объявили о закрытии своих лекций для женщин. В результате этого демарша в 1902 г. женщин не зачислили в университет; в зимнем семестре 1904/05 г. студенткам было разрешено посещать занятия (в частности, по анатомии) отдельно от студентов [Ibid., S. 198—199].

Позиция Штиды была подкреплена позднее, в 1903 г., его письмом в «Мюнхенский медицинский еженедельник», где он вновь ссылался на свой опыт работы в России, полемизируя с мнением другого автора, утверждавшего, что в России в 1870-е гг. все университеты, кроме Москвы и Дерпта, выступали за допуск женщин к медицинскому образованию. Штида заявил, что и в 1870 г., и позже в обоих университетах была четко заявлена та же позиция в пользу эмансипации. В 1883 г. ее официально высказал и декан медицинского факультета Московского университета Н. В. Склифосовский (1863—1904), и сам Штида, руководивший тогда факультетом того же профиля в Дерпте. Штида отмечал, что разделял позицию московского коллеги, но выступал за раздельное обучение. Вот фрагмент его отчета 1883 г.:

> В том, что женщины способны изучать медицину и заниматься медицинской практикой, больше сомневаться нельзя. Аналогично больше нельзя сомневаться в том, что женщины-врачи при определенных условиях могут быть полезны там, где помощь мужчин невозможна. Я привожу в пример привлечение женщин-врачей к лечению в мусульманских странах. <…>
>
> Женщинам должна быть предоставлена возможность пройти полный курс медицинского образования в соответствии с университетской программой.
>
> По завершении медицинского образования женщинам должно быть предоставлено право заниматься медицинской практикой без ограничений, имея звание врача или доктора медицины.
>
> Женщины, обучающиеся медицине, должны получать образование так же, как и другие студенты: они должны иметь свидетельство об окончании женской средней школы, но в любом случае должны обладать определенными знаниями латыни и греческого языка. <…>
>
> Медицинский факультет для женщин должен располагаться в месте, где не существует ни университета, ни факультета, ни какого-либо другого учреждения высшего образования для мужчин. …Смешанное обучение представителей мужского и женского пола в одном и том же учреждении, а также существование мужских и женских институтов для взрослых в одном и том же месте всегда оказывало негативное и развращающее влияние на женский пол здесь, в России.
>
> Кроме того, женский медицинский факультет должен иметь своих собственных преподавателей (профессоров). <…> [46, S. 1215].

Приведя длинную выдержку из своего отчета, Штида продолжил рассуждать:

> Неуместно рассматривать причины, по которым российское правительство так долго колебалось с восстановлением у женщин утраченного права на обучение медицине. Лишь в 1897 году женщинам было вновь предоставлено это право, но в ограниченном объеме: в Санкт-Петербурге был открыт женский медицинский институт. В России женщинам не разрешалось учиться медицине вместе с мужчинами, а только в специально созданном для них учебном заведении.
>
> 4 декабря 1902 года первые выпускницы этого женского медицинского института получили дипломы врачей [Ibid., S. 1216].

М. А. Гемков, пересказывая письмо Штиды, саркастически замечает: «Наверное, показалось циничным, по крайней мере желавшим изучать медицину в Кёнигсберге в 1901 году женщинам, что Штида завершал свою публикацию упоминанием Санкт-Петербургского женского медицинского института: “4 декабря 1902 года первые студентки этого женского медицинского института получили дипломы врачей”» [19, S. 199].

Однако остановить эмансипацию уже было невозможно. В том же мюнхенском издании звучат и голоса критиков — в 1903 г. аргументы Штиды в пользу раздельного обучения со всей жесткостью были от-

вергнуты в письме Хелены Фридерики Штельцнер[1] (Helene Friederike Stelzner, 1861—1937) [45]. Она оспорила догматизм Штиды и осмеяла его уверенность в «развращающем» характере совместного обучения. Более того, российский пример, который Штида предлагал брать на вооружение, Штельцнер сочла неубедительным:

> Автор утверждает, что Россия и ее университеты уже 30 лет назад были более прогрессивны в своих взглядах на женские исследования, чем западноевропейские образовательные учреждения, и тем не менее женский университет был основан в Санкт-Петербурге лишь в 1897 году. В этой связи я хотела бы прежде всего отметить, что основные требования, которые автор предъявляет к женскому университету, там не выполняются. Медицинский институт для женщин в Санкт-Петербурге, как официально называется это учреждение, не только расположен в том же месте, что и мужской университет, но и имеет тех же преподавателей, то есть профессоров и лекторов. Причины, по которым в России существует раздельное обучение полов, вряд ли могут быть связаны с моральными соображениями [Ibid., S. 1469—1470].

Штельцнер призывала обратить внимание на другой позитивный пример — совместного обучения в Швейцарии. В завершение письма она прямо обвинила Штиду в архаичности взглядов:

> …мне трудно опровергнуть опыт профессора Штиды в части негативного и развращающего влияния совместного обучения на женщин. Он говорит о России и периоде до 1883 года; мои наблюдения были сделаны в немецких и швейцарских университетах и относятся к последним восьмидесяти годам [Ibid., S. 1470].

В заочной дискуссии победила женщина: с зимнего семестра 1908/09 учебного года женщины получили возможность учиться наравне с мужчинами во всех университетах Германии. К этому моменту в Альбертине было защищено уже 3 диссертации. Статистика показывает неуклонный рост количества студенток с 13 чел. в зимнем семестре 1910/11 г. до 39 в предвоенном зимнем семестре 1913/14 г. [19, S. 199].

Количество защит (1904—1918)

Количество диссертаций, защищенных женщинами в Альбертине на закате существования Германской империи, пока не поддается точному определению. Историк образования в Пруссии М. Хинц насчитывает 14 диссертаций за 1904—1915 гг. (при этом называет 10 фамилий)

[1] Одна из первых немецких студенток-медиков, Штельцнер активно публиковалась в печати по проблематике допуска женщин к образованию с 1899 г. В 1897—1902 гг. она получила медицинское образование (сначала в Цюрихе, потом в Галле, где и сдала государственный экзамен), впоследствии стала авторитетным психиатром, первой женщиной — членом Немецкой ассоциации психиатров [11].

[23, S. 167]. По разным источникам список удалось дополнить и довести число докторанток этого периода до 25. Историк медицины М. А. Гемков упомянул о присвоении женщинам в Альбертине 7 докторских степеней по медицине до 1913 г. включительно [19, S. 199—200], упустив из виду как минимум одну работу.

Общее число диссертаций кайзеровского периода составляет не менее 37, причем в случае Шарлотты Якоб мы имеем дело с редким случаем защиты двух диссертаций по разным специальностям. Обращает на себя внимание, что за весь период защищена 21 работа по медицине (57 %), тогда как по гуманитарным и социальным наукам — 10 (по социальным среди них всего две), а по математике и естественным наукам — 6 (табл.; астериском отмечены авторы, указанные в монографии Хинц, обелиском — в диссертации М. А. Гемкова).

Защиты диссертаций в Альбертине в 1904—1918 гг.

Докторантка	Год защиты	Область знания
* Мария Панкритиус (Marie Pancritius, 1857 — после 1932)	1904	Древняя история
Эва Джонстон (Eva Johnston, 1865—1941)	1905	Классическая филология
Кэте Калиски (Käthe Kalisky, 1875—?)	1907	Социология труда
† Иоганна Берг (Johanna Berg,?)	1908	Медицина
* Хелена Якобиус (Helene Jacobius,?)	1908	Романистика
* Мария Кадо (Maria Kado, 1878—?)	1910	Германистика
* Элиза Михель (Elise Michel,?)	1910	Химия
† Мартина Фибах (Martina Fiebach, урожд. Штиль / Stiehl, 1886, Кёнигсберг — не ранее 1938)[1]	1911 (или 1912)	Медицина
† Лея Клачкин (Leia Klatschkin,?)	1911	Медицина
* Шарлотта Якоб (Charlotte Jacob, 1884—1956; см. также ниже)	1912	Физика
† Адель Гинзбург (Adele Ginsburg,?)	1912	Медицина
† Тамара Романовски (Tamara Romanowsky,?)	1912	Медицина
Эльза Кауфман (Elsa Kauffmann, 1876—1939)	1913	Медицина
* Клара Кункель (Clara Kunckel, 1871—?)	1913	Романистика
† Густава Лишкевич (Gustava Lischkewitsch[2], 1874—?)	1913	Медицина
Фрида Райхман (Frieda Reichmann, в браке Фромм-Райхман / Fromm-Reichmann, 1889—1957)	1913	Медицина
† Эстер Френкель (Esther Frenkel, 1890—?)	1913	Медицина
* Эва Хензель (Eva Hensel,?)	1914	Философия
* Анна Никлас (Anna Nicklas, 1876—?)	1914	Религиоведение

[1] Составителями базы данных медиков уверенно идентифицирована как первая немецкая женщина-врач, защитившая диссертацию в Кёнигсбергском университете [11], что противоречит мнению М. А. Гемкова, считающего первой диссертацией работу И. Берг об этиологии врожденной косолапости (сентябрь 1908 г.).

[2] У Гемкова ошибочно: Lischkowitsch.

Окончание табл.

Докторантка	Год защиты	Область знания
Эрика Гедвига Юлия Петерс (Erika Hedwig Julia Peters, в браке Хайзинг / Heising; 1886—?)	1914	Медицина
Элизабет Штеффлер (Elisabeth Steffler, 1888—)	1914	Медицина
* Мария Маргарете Бласс (Maria Margarete Blass, 1887—?)	1915	Математика
* Ирма фон Герике (Irma von Guericke, 1879—?)	1915	Германистика
Лотта фон Гурвиц (Lotte von Hurwitz, 1889 — после 1943)	1915	Математика
Мария Хензель (Marie Hensel, 1891—1949)	1915	Медицина
Регина Едвабник (Regina Jedwabnick, 1890, Ширвиндт — после 1938)	1916	Медицина
Роза Олейник (Rosa Oleynick, в браке Шиллер / Schiller, 1890, Слуцк под Минском — 1966, Нью-Йорк)	1916	Медицина
Эдит Оске (Edith Oske, 1890—?)	1916	Социология труда
Маргарете Байер (Margarete Beyer, 1892—?)	1917	Химия
Флора Боэнхайм (Flora Boenheim, урожд. Карпен / Karpen, 1883, Гнезно — 1976, Нью-Йорк; ассистент врача в клинике психических и нервных заболеваний в Кёнигсберге на 1917 г. [15])	1917	Медицина
Эллинор Грау (Ellynor Grau, 1891—?)	1917	Биология
Элла Дёринг (Ella Doehring, 1877—?)[1]	1917	Медицина
Фрида Кронквист (Frieda Cronqwist, в браке Баум / Baumm, 1889, Кёнигсберг — 1964; дочь кёнигсбергского торговца)	1917	Медицина
*Шарлотта Якоб (Charlotte Jacob, 1884—1956)	1917	Медицина
Маргарете Бютов (Margarete Bütow, 1891—1943)	1918	Медицина
Мария Калау фом Хофе (Marie Kalau vom Hofe, урожд. Вильмс / Willms, 1891—1976?)	1918	Медицина
Марта Шульц (Martha Schulz, 1880—1939); в 1917—1939 гг. проживала в Кёнигсберге)	1918	Медицина

Женщины-гуманитарии

Первая диссертация в этом списке, принадлежавшая **Марии Панкритиус**, была защищена 20 января 1904 г. — в этот день открылась новая эра в истории Альбертины. Как ни парадоксально, эта работа раскрывала совсем не женскую, с точки зрения критиков равноправия, тему — военную историю Ассирии [38]. Имеет смысл присмотреться внимательнее к биографии исследовательницы. Она родилась 20 ноября

[1] Работа Дёринг, посвященная смертности в Кёнигсберге в 1770—1772 гг., была междисциплинарной — по медицине и исторической демографии, но защищалась на медицинском факультете [17].

1857 г. в Инстербурге (ныне Черняховск) в семье финансиста, которого в 1867 г. перевели в Кёнигсберг. Получив начальное образование в школе для девочек, которой заведовала фройляйн М. Пжирембель (Przyrembel), Мария с 1873 г. занималась самообразованием и посещала частные уроки по широкому кругу предметов — новым языкам, литературе, естественным наукам, этнологии, фольклористике, сравнительной мифологии. Об этом она пишет в автобиографии, которая в обязательном порядке по немецкой традиции помещалась в конце диссертации [38, S. 146]. К сожалению, у нас нет более точной информации о том, кто именно в Кёнигсберге давал частные уроки по столь специфическим предметам. С апреля 1899 г., воспользовавшись законодательными послаблениями, Мария начала присутствовать на лекциях по древней истории в Альбертине; в 1903 г. сдала выпускной экзамен. Список преподавателей, которых она упоминает в конце своей работы, внушителен, но главную роль в ее профессиональном становлении сыграли двое — антиковед Франц Рюль (Franz Rühl, 1845—1915) и ориенталист Феликс Эрнст Пайзер (Felix Ernst Peiser, 1862—1921).

Панкритиус добилась ученой степени в 47 лет, но далее в течение следующих трех десятилетий она с успехом продолжала научную деятельность. В 1906 г. она выпустила монографию о битве при Кунаксе. На эту работу отозвался крупный военный историк Ганс Дельбрюк, отметивший, что Панкритиус «удачно опровергает многие ложные положения, высказанные за последнее время учеными о Ксенофонте и "десяти тысячах"; однако и она не сумела дать правильную оценку стратегических и тактических моментов, так как исходит из ложных предпосылок» [1, с. 123]. Дальнейшие публикации в журнале *Orientalistische Litteratur-Zeitung*, который редактировал Ф. Э. Пайзер, и, позднее, в журнале *Anthropos* (последняя ее статья датирована 1932 г. [40]) отражают смещение научных интересов Панкритиус. От востоковедения она перешла к изучению фольклористики, первобытных форм религиозности, культуры и социальной организации первобытности, в частности проблем матриархата. Знаменательно, что она сохранила до конца своей академической карьеры интерес к тематике материнского права, присоединяясь к тем исследователям, которые связывали развитие матриархата с неолитом [Ibid., S. 743]. В некоторых областях этого широкого исследовательского поля М. Панкритиус обратила на себя внимание знаменитых исследователей — так, например, на ее работу о магическом полете в фольклоре почти как на классику ссылается Мирча Элиаде [10, с. 115].

В советской историографии работы М. Панкритиус также не остались незамеченными: Д. К. Зеленин сочувственно ссылался на нее при обсуждении пережитков тотемизма в Западной Европе [3, с. 72] (ср.: [39]), а Е. А. Рыдзевская, напротив, критиковала ее среди прочих «буржуазных ученых» за утверждения, будто «Эдда в своих женских образах прямым образом связана с женской психологией эпохи викингов» [8, с. 41], а также за недооценку начал материнского рода у германцев [Там

же, с. 43]. Крайне любопытен контекст, в котором Рыдзевская разворачивает свою критику: «Политическая подоплека похода фашистов против теории матриархата собственно ясна: поскольку в глазах гитлеровцев высшее призвание женщины — узкая сфера домашнего хозяйства, они пытаются и здесь фальсификацией истории "освятить" свое глубоко реакционное, проникнутое мракобесием отношение к женщине» [Там же]. Стоит ли говорить, что упрек в стремлении замкнуть женщину в рамках домохозяйства менее всего был корректен в отношении Марии Панкритиус — первой женщины с докторской степенью в Кёнигсберге.

Второй и не менее яркой фигурой в ряду женщин-докторов стала **Эва Джонстон**[1]. Филолог-классик, она окончила Университет Миссури, потом училась в Берлинском университете у Рихарда Хайнце (Richard Heinze, 1867—1930) и преподавала в Миссури латынь [29, p. 79]. Джонстон была евангелического вероисповедания, что, вероятно, облегчало ей коммуникацию с коллегами в Пруссии. Решение подготовить диссертацию заставило ее вернуться в Европу, однако Хайнце работал уже в Кёнигсберге (профессура в 1903—1906 гг.), поэтому и она прибыла на берега Балтики. Во время обучения в Альбертине она была единственной американкой, а потом стала первой американкой — доктором наук в Кёнигсберге. Диссертация Джонстон была посвящена стилистике Теренция. По возвращении на родину она приложила много усилий к распространению высшего образования среди женщин, продолжала преподавать и вышла на пенсию в 1933 г. В ее честь в Университете Миссури названо общежитие для первокурсниц (Eva Johnston Hall).

Характерно, что в ряде диссертаций по гуманитарным и социальным наукам проскальзывает интерес к женской тематике. Так, **Хелена Якобиус** защитила работу «Воспитание знатных девушек в старой Франции по поэзии XII, XIII и XIV вв.» [27]. Интерес к этой проблематике был поддержан ее профессором в Альбертине — специалистом по романской филологии Оскаром Шульцем-Гора (Oskar Schultz-Gora, 1860—1942). Бесспорно, следы женской эмансипации отпечатались и на работе **Кэте Калиски** «Кустарная промышленность в Кёнигсберге в Пр[уссии] с акцентом на положении работников и работниц» [31] — это первая работа по социальным наукам, защищенная женщиной в Альбертине. Неожиданным может показаться выбор темы **Клары Кункель** — творчество малопопулярного французского писателя XVII в. Шарля Котена, сатирически изображенного Ж.-Б. Мольером в комедии «Ученые женщины» под именем Триссотена — в выборе темы также можно при желании усмотреть легкий оттенок гендерной проблематики [32].

Остальные диссертации отражали разнообразие интересов гуманитариев Альбертины — вероятно, как самих докторанток, так и их руководителей. Работа **Ирмы фон Герике** была посвящена развитию древ-

[1] Портрет доступен на странице в Википедии https://en.wikipedia.org/wiki/Eva_Johnston (распространение ограничено правообладателем).

неверхненемецких причастий под влиянием латинского языка [21], Мария Кадо рассматривала поэтическое искусство А. Ч. Суинберна [30]. **Анна Никлас** проанализировала терминологию немецкого средневекового мистика Генриха Сузо [36], а исследование **Евы Хензель** называлось «Позитивизм Ницше: его рождение и преодоление» [22].

В годы Первой мировой войны со всей очевидностью проявляется рост интереса к медицине — многие женщины были мобилизованы для работы в лазаретах. Однако неизбежное изменение гендерных ролей повлекло за собой и перемены в академических интересах. Так, характерна работа **Эдит Оске**, пришедшей в науку с осознанием своей миссии по продвижению идеалов эмансипации. «В студенческих братствах оценивают академического гражданина (akademischen Bürger) по пивной кружке и дуэльному клинку», — жаловалась она еще в бытность студенткой в 1913 г. в журнале Союза немецких студенток *Die Studentin* (цит. по: [33, S. 176]). По мнению Оске, женщины сталкивались с трудностями в части признания их как полноправных членов академической среды, поскольку не могли или не хотели следовать ритуалам, цементировавшим мужские братства, — распитию спиртных напитков и фехтованию. Эта аргументация парадоксальным образом несколько усиливала аргументацию Л. Штиды, однако процесс эмансипации уже приобрел необратимый характер. В науке Оске выбрала социальную проблематику — ее диссертация, защищенная в Альбертине в 1916 г., была посвящена оплачиваемому детскому труду [37]. Оске еще некоторое время оставалась в академической науке, но в веймарский период ее следы теряются.

На позднем этапе Первой мировой войны (1916—1918) других защит по гуманитарным и социальным наукам в Альбертине не было. Женщины сфокусировались на практических аспектах научных исследований, прежде всего на медицине. К гуманитарной проблематике они вернутся уже после Ноябрьской революции.

Исследования в области медицины и естественных наук

В таблице выше указаны 12 работ по медицине, защищенных в 1908—1915 гг. В годы Первой мировой войны количество студенток заметно выросло, достигнув в 1915—1916 гг. трети от общего числа обучающихся [47, S. 440], что было обусловлено естественными причинами — мобилизацией мужского населения страны. Медицинский факультет вовсе прекратил свою деятельность в годы войны, хотя защиты продолжались: с 1916 по 1918 г. 10 диссертаций из 66 были подготовлены женщинами, в основном практиками, трудившимися в госпиталях [Ibid., S. 455]. К настоящему моменту на основе сопоставления данных библиотечных каталогов удалось установить авторов 9 работ поздневоенного времени.

Сведения о дальнейшей биографии докторанток за рядом исключений фрагментарны. Практически все медики продолжили свою

профессиональную деятельность в веймарский и нацистский периоды, и судьба их сложилась по-разному. Некоторые пострадали из-за своего еврейского происхождения. Так, **Эльза Кауфман**, практиковавшая как педиатр, была доведена действиями нацистских властей до суицида в 1939 г.; **Регина Едвабник** была депортирована нацистами в Польшу, где и погибла (дата смерти неизвестна); педиатр **Маргарете Бютов** погибла в 1943 г. в Аушвице [11]. Счастливее сложилась судьба **Розы Олейник**, которой удалось эмигрировать в США. Были среди докторанток Альбертины и те, кто смог адаптироваться к условиям нацистской Германии: например, **Мария Калау фом Хофе**, психотерапевт и невролог, продолжала практику и занимала различные посты в германской системе здравоохранения [11]. Биография Калау фом Хофе еще не ясна в деталях, есть даже глухие упоминания ее усилий по спасению некоторых соотечественников от концлагерей [42], но достоверно известно пока мало.

Наибольшую известность в истории науки приобрела **Фрида Райхман** (Фромм-Райхман с 1926 г.), которая стала известным психоаналитиком. Фрида происходила из Карлсруэ, ее семья переехала в Кёнигсберг в 1895 г. Отец Фриды был банкиром, мать же, Клара Райхман, активно пропагандировала идеи образования для девочек и организовала частную среднюю школу в восточнопрусской столице. В ней и получила первоначальное образование Фрида. Далее она планировала стать филологом, но отец настоял на выборе медицинской специальности [44, S. 4].

Начав обучение в 1909 г. в Кёнигсберге, она, вероятно, также училась в Мюнхене, но завершила курс в Альбертине в 1912 г. Диссертация Райхман «О нарушениях зрачков при ранней деменции» была защищена под руководством известного психиатра Курта Гольдштейна (Kurt Goldstein, 1878—1965) и опубликована в 1913 г. (одобрена в 1914 г.) [43]. Будучи глубоко потрясенной Первой мировой войной, она сильно продвинулась в нейротравматологии, работая в университетской клинике с солдатами, у которых были черепно-мозговые травмы. В 1918—1920 гг. она продолжала исследования под началом Гольдштейна во Франкфурте-на-Майне. К фрейдизму Фрида пришла вследствие драматичных жизненных обстоятельствах — она пережила насилие в студенческие годы, после чего прошла курс психоанализа в Берлине и затем сама стала практикующим психоаналитиком [18, S. 61—62]. Большую роль в ее профессиональном росте сыграла встреча в 1920 г. с будущим знаменитым психологом и философом Эрихом Фроммом (Erich Fromm, 1904—1980). В 1926 г. они вступили в брак, который остался бездетным. В 1931 г. супруги расстались[1]. В 1933 г. Фрида эмигрировала из Германии, с 1935 г. проживала в США, где приобрела большую известность в качестве ученого.

[1] После развода Э. Фромм сохранил уважение к бывшей жене, в том числе как к ученому: в 1941 г. он ссылался на ее работу о шизофрении, иллюстрируя тезис об одном из механизмов «бегства от свободы» [9, с. 158]. Ее теоретический вклад он признавал и в других сочинениях.

Особо следует отметить **Шарлотту Якоб** [11]. Уроженка Тапиау и дочь торговца, она училась в школе для девочек в Кёнигсберге, затем во Фридрихсколлегиуме (окончила в 1905), потом изучала математику, физику, химию и медицину в нескольких университетах — Фрайбурга, Мюнхена, Берна, Кёнигсберга. В 1911 г. в Альбертине защитила первую диссертацию по физике (о явлении трения) [25], в годы Первой мировой войны практиковала как медик в лазарете в Данциге, затем в Кёнигсберге. В 1917 г. защитила вторую диссертацию по медицине (о респираторной аритмии) также в Альбертине, работала в психиатрических клиниках [26]. Якоб, таким образом, внесла вклад в развитие как естественных, так и медицинских наук, оставшись на протяжении этого периода единственным примером преуспевания в двух исследовательских областях.

По естественным наукам, проблематика которых была заметно важнее для военных нужд, состоялись как минимум две защиты до 1914 г. (Ш. Якоб и **Эльза Михель** [35]) и две — во время Первой мировой войны: **Маргарете Байер** защитила работу по химии, посвященную назначению мышьяка и сурьмы [12], а **Эллинор Грау** — по ботанике [20]. Таким образом, доля работ по медицине составила не менее 75 % от всех диссертаций поздневоенного времени. Диссертаций по математике за весь кайзеровский период было защищено две — обе в 1915 г. **Лотта фон Гурвиц** (Lotte von Hurwitz, 1889 — не ранее 1943) представила диссертацию по геометрии. Ее руководителем был авторитетный математик, профессор Альбертины Франц Майер (Friedrich Wilhelm Franz Meyer, 1856—1934) [24; 47, S. 335]. Мария **Маргарете Бласс** защитила работу по математическому анализу [13]. Следует констатировать, что женщины преимущественно тяготели к исследовательской деятельности в сфере медицины и социально-гуманитарных наук. Эта тенденция с еще большей четкостью обнаружит себя на следующем этапе — в веймарской Германии.

Заключение

Кёнигсбергскому университету в перспективе самореализации женщин в науке и образовании в целом были присущи общегерманские тенденции. Под давлением феминистского движения немецкое государство существенно расширило возможности для вовлечения женщин в образование и науку еще до начала Первой мировой войны. Среди профессоров Альбертины встречались как активные сторонники, так и открытые противники женской эмансипации; некоторые профессора, как Л. Штида, занимали промежуточную позицию, выступая за раздельное обучение медицине, что, возможно, было прогрессивным во второй трети XIX в., но уже не отвечало трендам нового столетия. Тем не менее кёнигсбергские профессора в некоторой степени участвовали в общенациональной дискуссии по вопросам женского образования.

В годы Первой мировой войны женщины были мобилизованы на работу для нужд фронта, в том числе заняв мужские позиции, что вы-

разилось в случае Альбертины в росте количества диссертаций по медицине. Современная историография дает достаточно сдержанные оценки процессу женской эмансипации в годы Первой мировой войны [14, p. 13—62]. С одной стороны, женщины объективно заменили мужчин на многих нетипичных для себя ранее позициях в обществе, с другой — власти пристально следили за тем, чтобы сохранялся образ немецкой матери как защитницы традиционных ценностей, за которые сражались немецкие мужчины на фронте. Ноябрьская революция привела к легальному расширению прав женщин, и возникшее напряжение между этими новыми возможностями и желанием многих людей (как мужчин, так и, кстати, женщин) реставрировать прежний гендерный порядок образовало своеобразный фон для жизни женщин на следующем этапе германской истории [Ibid., p. 40]. Бурный рост «женской науки» в первые же годы Веймарской республики был объективно подготовлен в позднекайзеровский период и ускорен в условиях Великой войны.

Среди женщин, получивших докторские степени в Альбертине, есть немало ярких исследовательниц, чьи таланты обеспечили им прорыв через общественные барьеры. Историк Мария Панкритиус, физик и медик Шарлотта Якоб, экономист Кэте Калиски, социолог Эдит Оске смогли формально закрепить свой статус одаренных ученых именно в Кёнигсберге. Сохранить и усилить свои позиции в академии удалось очень немногим — как, например, психологу Фриде Фромм-Райхман. В отношении многих других остаются различные вопросы — что конкретно повлияло на их уход из науки, как сложилась их биография, когда и где они умерли. Кёнигсбергский университет обеспечил некоторые возможности самореализации для женщин, склонных к научной деятельности, и этот опыт получил развитие на следующем этапе, который станет предметом рассмотрения во второй части настоящей статьи.

Список источников и литературы

1. *Дельбрюк Г.* История военного искусства. СПб., 1999. Т. 1.

2. *Дементьев И.О.* В поисках утраченной Альбертины: Кёнигсбергский университет в современной историографии // Известия Смоленского государственного университета. 2020. №2 (50). С. 203—218. https://doi.org/10.35785/2072-9464-2020-50-2-203-218. EDN: SGIIKE

3. *Зеленин Д.К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М. ; Л., 1937.

4. *Крих С.Б.* Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. М., 2020.

5. *Лавринович К.К.* Альбертина: Очерки истории Кёнигсбергского университета. Калининград, 1995.

6. *Ле Гофф Ж.* Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2002.

7. *Маурер Т.* «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015.

8. *Рыдзевская Е.А.* О пережитках матриархата у скандинавов по данным древнесеверной литературы // Советская этнография. 1937. №2-3. С. 15—44.

9. *Фромм Э.* Бегство от свободы / пер. Г.Ф. Швейника. М., 1995.

10. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М. ; Киев, 1996.

11. *Ärztinnen* im Kaiserreich. URL: https://geschichte.charite.de (дата обращения: 24.11.2025).

12. *Beyer M.* Beiträge zur Bestimmung von Arsen und Antimon. Weida, 1917.

13. *Blass M.* Über ein Problem der Integration von Differentialfunktionen mit zwei unabhängigen Veränderlichen : Inaugural-Diss. Leipzig, 1915.

14. *Boak H.* Women in the Weimar Republic. Manchester, 2013.

15. *Boenheim F.* Ueber Dissimulation // Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten. 1917. Bd. 57. S. 457—477.

16. *Deutsche* Gesellschaft für Kinder- und Jugendmedizin e. V. URL: https://www.dgkj.de/ (дата обращения: 24.11.2025).

17. *Doehring E.* Die Sterblichkeit in Königsberg i. Pr. in den Jahren 1770—1772: Inaugural-Diss. Königsberg, 1917.

18. *Friedman L.J.* Was man gibt, verliert man nicht: Erich Fromm — Die Biografie. Bern, 2013.

19. *Gemkow M.A.* Ärztinnen und Studentinnen in der Münchener Medizinischen Wochenschrift (Aerztliches Intelligenz-Blatt) 1870—1914 : Inaugural-Dissertation. Münster, 1991.

20. *Grau E.* Untersuchungen über die Regeneration der Vegetationspunkte an abgeschnittenen Sprossen im Hinblick auf die Bildung der Pfropfbastarde : Diss. Königsberg, 1917.

21. *Guericke I.* Die Entwicklung des althochdeutschen Participiums unter dem Einflüsse des Lateinischen : Inaugural-Diss. Königsberg, 1915.

22. *Hensel E.* Der Positivismus Nietzsches, sein Ursprung und seine Überwindung : Diss. Königsberg, 1914.

23. *Hinz M.* Das höhere Schulwesen der Stadt Königsberg in Preußen 1800 bis 1915. Berlin, 1921.

24. *Hurwitz H.* Ueber den Zusammenhang der Drehungen des Raumes mit dem Kugelkreise : Inaugural-Diss. Königsberg, 1915.

25. *Jacob Ch.* Über gleitende Reibung : Inaugural-Diss. Königsberg, 1911.

26. *Jacob Ch.* Uber respiratorische Arhythmie und ihre Bedeutung für die Diagnose der Vagotonie : Inaugural-Diss. Königsberg, 1917.

27. *Jacobius H.* Die Erziehung des Edelfräuleins im alten Frankreich nach Dichtungen des XII., XIII. und XIV. Jahrhunderts. Halle, 1908.

28. *Jakoby H.* Die Grenzen der weiblichen Bildung. Gütersloh, 1871.

29. *Johnston E.* De sermone Terentiano quaestiones due : dissertatio inauguralis. Regimonti, 1905.

30. *Kado M.* Swinburnes Verskunst. Berlin, 1910.

31. *Kalisky K.* Die Hausindustrie in Königsberg i. Pr. mit besonderer Berücksichtigung der Lage der Arbeiter und Arbeiterinnen : Inaugural-Diss. Königsberg, 1907.

32. *Kunckel C.* Charles Cotin : Inaugural-Diss. Königsberg, 1913.

33. *Levsen S.* Männliche Bierbäuche oder männliche Muskeln? Studenten, Männlichkeit und Gesundheit zwischen 1900 und 1930 // Männlichkeit und Gesundheit im historischen Wandel, ca. 1800 — ca. 2000. / hrsg. von M. Dinges. Stuttgart, 2007. S. 175—190.

34. *Mazon P.M.* Gender and the modern research university. The admission of women to German higher education, 1865—1914. Stanford, 2003.

35. *Michel E.* Studien über die Tetraphenylenbernsteinsäure und über ein Kondensationsprodukt des Diphenylenchloressigsäurechlorides mit Resorcin : Inaugural-Diss. Königsberg, 1910.

36. *Nicklas A.* Die Terminologie des Mystikers Heinrich Seuse unter besonderer Berücksichtigung der psychologischen, logischen, metaphyfisichen und mystischen Ausdrücke : Inaugural-Diss. Königsberg, 1914.

37. *Oske E.* Gewerbliche Kinderarbeit : Inaugural-Diss. Königsberg, 1916.

38. *Pancritius M.* Assyrische Kriegführung von Tiglat-pileser I. bis auf Šamši-adad III : Inaugural-Diss. Königsberg, 1904.

39. *Pancritius M.* Europäischer Totemismus // Anthropos. 1917/1918. Bd. 12/13. S. 338—350.

40. *Pancritius M.* Aus mutterrechtlicher Zeit // Anthropos. 1932. Bd. 27, H. 5/6. S. 743—778.

41. *Prutz H.* Die Königliche Albertus-Universität zu Königsberg i. Pr. im neunzehnten Jahrhundert. Königsberg, 1894.

42. *Psychoanalytikerinnen*. Biografisches Lexikon. URL: https://www.psychoanalytikerinnen.de/deutschland_biografien.html#Kalau (дата обращения: 01.02.2025).

43. *Reichmann F.* Ueber Pupillenstörungen bei Dementia praecox : Diss. Königsberg, 1913.

44. *Schönhagen A.* Frieda Fromm-Reichmann: Leben und Werk : Inaug.-Diss. Mainz, 1980.

45. *Stelzner H.F.* Stellung der Frauen zu den Frauenuniversitäten // Münchener medizinische Wochenschrift. 1903. 25. Aug. S. 1469—1470.

46. *Stieda L.* Einige Worte über die Zulassung der Frauen zum medizinischen Studium // Münchener medizinische Wochenschrift. 1903. 14. Juli. S. 1214—1216.

47. *Tilitzki Chr.* Die Albertus-Universität Königsberg. Berlin, 2012. Bd. 1 : 1871—1918.

48. *Une autre* histoire. Jacques Le Goff (1924—2014) / sous la dir. de J. Revel, J.-C. Schmitt. P., 2016.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-5530-1108

SPIN-код: 5748-8084

E-mail: idementev@kantiana.ru, io.dementiev@gmail.com

I. O. Dementev

‘THE LIMITS OF WOMEN’S EDUCATION’: TOWARDS ‘OTHER HISTORY’ OF THE UNIVERSITY OF KÖNIGSBERG. PART 1. THE LATE KAISERREICH PERIOD (PRE-1918)

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 17 April 2026
Accepted 20 May 2026
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-6

To cite this article: Dementev I.O. 2026, ‘The limits of women’s education’: towards ‘other history’ of the University of Königsberg. Part 1. The late Kaiserreich period (pre-1918), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 67—84. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-6.

The article reconstructs one aspect of the ‘women’s history’ of the University of Königsberg (Albertina) — the practice of women defending doctoral dissertations. Prosopographic research on this topic is complicated by the scarcity of sources and the conservative historiographic tradition, which has paid scant attention to this aspect. The first part of the study

reconstructs the general context of women's emancipation at the University of Königsberg during the late Kaiser era: it characterises public debates surrounding this issue, demonstrates the contradictory nature of the university leadership's management decisions and presents fragmentary statistical data. Information on 37 dissertations defended between 1904 and 1918 – 57 % of which were in medicine – is also provided, alongside brief doctoral biographies and an outline of prospective research directions.

Keywords: Germany, women's history, University of Königsberg, Marie Pancritius, Frieda Fromm-Reichmann

The author

Dr. Ilya O. Dementev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.
ORCID ID: 0000-0001-5530-1108
E-mail: idementev@kantiana.ru, io.dementiev@gmail.com

УДК 93; 68; 908 (470.26)

Н. Г. Лузянин

ЛЕГКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ: ОТ МАСТЕРСКИХ И АРТЕЛЕЙ К ФАБРИКАМ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия
Поступила в редакцию 10.03.2026 г.
Принята к публикации 20.05.2026 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-7

Для цитирования: *Лузянин Н. Г.* Легкая промышленность Калининградской области в советскую эпоху: от мастерских и артелей к фабрикам // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №3. С. 85—103. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-7.

На основе неопубликованных материалов Государственного архива Калининградской области, общедоступных публикаций местной прессы, а также краеведческой литературы в рамках локального подхода реконструируется история легкой промышленности Калининградской области с момента образования региона в 1946 г. и до середины 1970-х гг. — в период формирования отрасли. Цель исследования — заполнить историографический пробел, связанный с отсутствием комплексных исследований по данной теме, и выстроить общую картину эволюции отрасли от мелких мастерских и артелей послевоенного периода до полноценных фабрик с филиалами. Кратко охарактеризованы этапы развития отрасли в регионе, выявлены проблемы и достижения на пути становления легкопромышленных объектов края. Уделено внимание проблемам материально-технической базы фабрик. Дана оценка эволюции производственных связей и социальной роли отрасли. Сделан вывод о том, что, несмотря на системные трудности, предприятия легкой промышленности, обеспечивая занятость населения и насыщая рынок товарами массового спроса, стали неотъемлемой частью экономики региона.

Ключевые слова: Калининградская область, легкая промышленность, локальная история, промысловая кооперация, товары народного потребления, экономика

Введение

На сегодняшний день многие историки занимаются изучением прошлого Калининградской области. Написан ряд научных работ, затронувших развитие промышленности региона — как в целом, так и отдельных направлений. Многие авторы отдают предпочтение машиностроительной, рыбной, янтарной отрасли. При этом до сих пор отсутствуют комплексные исследования пищевой или легкой промыш-

© Лузянин Н.Г., 2026

ленности на территории Калининградской области. А ведь объекты этих отраслей играли жизненно необходимую роль в удовлетворении потребностей местного населения в товарах массового спроса, а также обеспечивали работой определенную часть жителей региона. Важной задачей является заполнение этого историографического пробела.

В качестве историографии по данной теме можно выделить публикации краеведческого характера [8; 16; 29]. В работах подобного рода освещаются отдельные сюжеты, касающиеся как легкой промышленности региона в целом, так и ее предприятий в частности. Они включены в общую канву повествования об истории Калининградской области и могут помочь в формировании общего представления об объекте исследования.

Особо следует отметить историко-документальный очерк «Именная книга организаторов становления и развития Калининградской области» [13], в котором выделена небольшая по объему глава «Товары для народа». В ней не только изложены фактические сведения об образовании и размещении некоторых предприятий легкой промышленности, но и упомянуты особенности ведомственного переподчинения, производственного расширения и модернизации, достижения фабричных коллективов и отдельных передовиков, а также в общих чертах охарактеризована кадровые и социальные аспекты управления отраслью.

Помимо этого, следует выделить ряд краеведческих работ, которые посвящены некоторым городам Янтарного края и содержат материалы по истории образования и развития конкретных легкопромышленных предприятий области [3; 5—7; 32].

Огромную ценность для разработки исследований по истории легкопромышленной отрасли региона и ее предприятий имеют документы Государственного архива Калининградской области (ГАКО) — различного рода постановления, распоряжения и приказы, справки и отчеты, докладные и объяснительные записки и т.д. Эти источники, сосредоточенные прежде всего в фонде «Коммерческий центр “Калининградлегпром”», помогают пролить свет как на общую картину становления и развития отрасли, так и на отдельные детали ее деятельности.

Еще один комплекс источников представляет региональная пресса 1946—1990 гг. Это материалы местной периодической печати, в которых наряду с текстовой информацией (статьи, заметки, репортажи, биографические справки, отчеты, интервью, обзоры и др.) имеется и визуальная (фотографии предприятий, производственных процессов, товаров, рабочих и служащих фабрик). К такой группе источников относятся, в частности, областная газета «Калининградская правда», а также 7 районных и городских газет («Коммунист» в Черняховске, «Знамя Ильича» в Гвардейске, «Ленинское знамя» в Зеленоградске и др.).

Корпус источников по истории легкой промышленности Калининградской области, не ограничиваясь архивными материалами и прессой, действительно является довольно широким и информативно богатым. Дополняя друг друга, разнообразные материалы (опубликованные статистические и документальные сборники, визуальные материа-

лы, в том числе из музейных фондов, источники личного происхождения и справочные издания) составляют вполне репрезентативную источниковую базу для развития исследовательской деятельности в выбранном тематическом направлении.

Основная часть

Возникновение легкой промышленности на территории Калининградской области было не одномоментным событием, а длительным и весьма непростым процессом. Комплекс предприятий данной отрасли сложился в регионе к 1970-м гг., однако зарождение ее отдельных объектов началось значительно раньше.

Начало пути легкой промышленности края советского периода следует связывать с образованием самой Калининградской области, которое произошло по завершении Второй мировой войны. В 1946 г. после решений Ялтинской и Потсдамской конференций, когда часть территории бывшей Восточной Пруссии стала принадлежать СССР, была образована Кёнигсбергская область, переименованная 4 июля того же года в Калининградскую.

Для скорейшего формирования благоприятных условий жизни в новом регионе было принято решение о восстановлении и использовании промышленного потенциала бывшей немецкой земли. Но на деле оказалось, что немецкий фонд зданий не только сильно пострадал в ходе боевых действий, но и был малопригоден для развертывания полноценных производств. По сути, это означало, что вся система (промышленных предприятий, экономической и социальной инфраструктуры и т. п.) создавалась практически заново.

Бесспорно, этот процесс был связан с полноценным переносом на данную территорию советской системы хозяйствования [28, с. 169]. А учитывая, что одной из основных задач государства в новом регионе объявлялось обеспечение населения (советских военных, переселенцев и др.) продовольствием и предметами первой необходимости, упомянутый перенос не обошелся без открытия в городах и районах области объектов местной и кооперативной промышленности. Ведь, с одной стороны, обозначенные производственные единицы были характерны для всего народного хозяйства Советского Союза, следовательно должны были функционировать и в Калининградской области (подробнее см.: [27; 28]), а с другой — их открытие полностью отвечало требованиям и задачам становления Янтарного края. К примеру, промысловые артели и небольшие, но работоспособные предприятия местной промышленности способствовали трудоустройству формирующегося населения, а также налаживанию выпуска товаров народного потребления для жителей данного региона.

Естественно, среди обеих групп промышленных объектов были и те, в задачи которых входило изготовление швейных, трикотажных, галантерейных, обувных и кожевенных изделий. А это, в свою очередь, свидетельствует о начале легкопромышленного дела в регионе.

В истории легкой промышленности Калининградской области можно выделить три крупных этапа. Первый связан с созданием промысловой и местной промышленности в регионе (1946—1959). Второй (1960-е — 1976 г.) охватывает время становления полноценных легкопромышленных предприятий края и всей отраслевой системы региона. На этом этапе произошли структурные реорганизации управления объектами отрасли. Важную роль сыграли реформа управления народным хозяйством 1957—1965 гг. и Литовский СНХ (подробнее см.: [20]), который курировал предприятия легкой промышленности области и оставил весьма неоднозначный след в ее истории. Были созданы новые предприятия, а к концу этапа их филиалы и — первое и единственное — производственное швейное объединение. Третий этап (со второй половины 1970-х гг. до распада СССР) характеризовался нарастанием кризисных явлений в легкой промышленности и снижением эффективности функционирования ее предприятий в рамках советской системы ведения хозяйства.

Как справедливо отмечено в «Именной книге организаторов становления и развития Калининградской области», «в трудных и сложных условиях шло становление и развитие легкой промышленности области…» [13, с. 103]. На первых порах новые корпуса не возводились, так что отрасль была обречена на вынужденное использование того, что осталось после войны. В итоге общей проблемой, с которой столкнулись практически все предприятия отрасли, стало их размещение в относительно пригодных и приспособленных помещениях. Производственные объекты располагались в разрушенных или полуразрушенных зданиях — фактически развалинах, а также в строениях, изначально имевших иное назначение: жилых домах, хозяйственных постройках (мастерские, сараи, конюшни), бывших социальных учреждениях и т. п. Помимо обветшалого состояния фондов, характерными недостатками общего положения дел были неудовлетворительная логистика и отсутствие единого технологического пространства (цехи находились на разных этажах либо на значительном удалении друг от друга).

Трудности в работе формируемых предприятий отрасли объяснялись тем, что боевые действия, проходившие на территории региона, нанесли ему колоссальный урон. Отступая, немецкие войска полностью разрушали индустриальные объекты. К тому же большое количество зданий, в том числе промышленных, не только пострадало во время боев, но и было демонтировано уже по решению советских руководителей [24, с. 71; 8, с. 45—46; 11, ф. Р-519, оп. 3, д. 12, л. 21]. В свою очередь, ресурсов и сил для полноценного нового строительства легкопромышленных объектов попросту не было, имевшиеся использовались в первую очередь на других направлениях. Учитывая тяжелое послевоенное положение и снабжение отрасли по остаточному принципу, органы власти в целях большей экономии средств посчитали, что предприятия смогут приспособиться и начать работу без строительства новых корпусов.

За весь советский период единственным легкопромышленным предприятием Калининградской области, для открытия которого изначально было спроектировано и с нуля построено производственное здание, стала Советская швейная фабрика, открытая в 1974 г.

Проблема материальной базы, являясь одной из главных, не была единственной на пути становления отрасли. Она порождала различные трудности в стабильном функционировании промышленных объектов, их последующем техническом оснащении и т. п. Это приводило к неправильной планировке цехов и участков, протеканию взаимосвязанных процессов на разных этажах и в разных зданиях [11, ф. Р-643, оп. 1, д. 31, л. 18; ф. Р-1060, оп. 1, д. 1, л. 309; ф. Р-398, оп. 1, д. 4, л. 356—371]. Нарушалась нормальная производственная логистика [Там же, ф. Р-398, оп. 1, д. 86, л. 98], что препятствовало организации единых технологических потоков, увеличивало время и трудозатраты на транспортировку сырья, полуфабрикатов и готовой продукции между производственными участками.

Малые размеры и плохая приспособленность помещений обусловливали скученность оборудования, загромождение проходов, отсутствие необходимых складских и вспомогательных помещений [11, ф. П-1, оп. 54, д. 41, л. 42—43; ф. Р-47, оп. 2, д. 492, л. 58], что в конечном итоге сдерживало возможности наращивания мощности предприятий. Кроме того, различные дополнительные затраты (например, на ремонт ветхих участков) отбирали немалую долю средств, сокращая количество финансовых ресурсов, необходимых для развития. Совокупность этих и других факторов закономерно приводила к спаду производства и невозможности без коренных изменений нормально конкурировать с другими предприятиями отрасли.

Помимо этого, проявлялась проблема технической оснащенности фабрик легкой промышленности Калининградской области, заключавшаяся в отсутствии или плохом состоянии станков и машин [11, ф. П-1, оп. 42, д. 12, л. 96; оп. 47, д. 36, л. 39; ф. Р-1027, оп. 1, д. 11, л. 1—14]. Мало того, что изначально в регионе крайне не хватало промышленного оборудования, так еще и оставшееся зачастую бесхозяйственно разбазаривалось — вывозилось за пределы области и продавалось по заниженным ценам в целях спекулятивной наживы [Там же, ф. Р-519, оп. 3, д. 12, л. 21]. Позже дело осложнялось поставками некачественных или устаревших [Там же, ф. Р-1027, оп. 1, д. 86, л. 1] фабричных машин с других предприятий и использованием плохо продуманного и кустарно сделанного оборудования [Там же, ф. Р-643, оп. 1, д. 16, л. 6], а также его длительной или неправильной эксплуатацией (быстрый износ, неудовлетворительное обслуживание, использование новичками) [Там же, ф. Р-398, оп. 1, д. 86, л. 20; ф. Р-1027, оп. 1, д. 10, л. 4]. В итоге необходимо было ремонтировать или искать новое оборудование, договариваться с поставщиками, «выбивать» дополнительные средства на эти цели [Там же, ф. Р-398, оп. 1, д. 86, л. 6; ф. Р-1027, оп. 1, д. 11, л. 14]. Все это не облегчало жизнь молодых, еще не окрепших предприятий и существенно

повышало их издержки. Ни артели, ни фабрики не могли сразу начать нормальное производство, а иногда через пару лет уже вынуждены были обновлять и без того скудный машинный парк. Страдала сама способность легкопромышленных объектов выполнять поставленные государством планы и задания [Там же, ф. Р-1027, оп. 1, д. 86, л. 5]: снижались темпы производства, падало качество продукции, рос процент бракованных товаров и др. А с учетом ранее выделенной проблемы материальной базы обострялась ситуация, связанная с размещением необходимого оборудования в нестандартных (ограниченных) пространственных условиях. Зачастую либо было невозможно вписать имевшиеся станки и новые высокопроизводительные агрегаты в отведенные помещения, либо их количество в процессе использования приходилось сильно сокращать, что приводило к накоплению оборудования на складах, его многолетнему простою, моральному и физическому старению. Лишенные перспектив технического обновления, внедрения дополнительных средств механизации и автоматизации, предприятия оказывались фактически «заперты» в рамках устаревшей инфраструктуры и требовали коренных преобразований (капитальная реконструкция цехов и участков, строительство новых корпусов и т. д.). Тем самым при образовании легкопромышленных предприятий было заложено множество скрытых проблем, которые приходилось решать в будущем.

Дополнительные сложности создавали и ведомственные реорганизации и переподчинения, происходившие в русле общесоюзных реформ и поисков оптимальных путей развития народного хозяйства страны (подробнее см.: [20]). Однако названные и иные трудности не остановили процесса становления отрасли, и развитие ее фабрик в регионе не было свернуто.

Так, из числа объектов местной промышленности, относившихся к легкопромышленному производству, самым первым был создан Черняховский кожевенный завод. Предприятие разместили в здании бывшего частного полукустарного немецкого кожевенного производства. На его базе 24 августа 1946 г. Управлением по гражданским делам Калининградской области для обслуживания нужд населения области и был образован завод [11, ф. Р-1074, оп. 1, д. 12, л. 1; ф. Р-1074, оп. 1, д. 18, л. 1; 34].

Из всех довоенных кожевенных объектов края (в Гвардейске, Гусеве, Советске, Черняховске) лишь Черняховский завод был восстановлен и продолжил работу на новой организационной базе.

Изначально перед кожевенниками поставили задачи по изготовлению хрома, сыромяти, обувной подошвы, продукции из местных отходов производства и животноводства [11, ф. Р-47, оп. 2, д. 492, л. 58; ф. Р-249, оп. 4, д. 56, л. 1]. Позже ассортимент дополнили выпуском столярного клея и обуви, в том числе валяной [Там же, ф. Р-1074, оп. 1, д. 13, л. 8]. Однако первые несколько лет ввиду малой пригодности цехов, отсутствия оборудования и силовой электроэнергии назвать данный объект полноценным заводом было крайне трудно [23].

Начал свою деятельность кожзавод спустя 5 месяцев подготовки — запуск был приурочен к выборам в Верховный Совет РСФСР: 28 января 1947 г. приступили к работе два заквасочных цеха и сушилка. К февралю был намечен выход первой готовой продукции — хрома и подошвенной кожи [30], но из-за трудностей в освоении и преобладания ручного труда первые партии высокосортной подошвенной кожи удалось получить лишь в марте. За месяц было выработано более 2 тыс. дм кожтовара [26]. Попутно коллектив стал использовать фабричные отходы для выпуска товаров, необходимых местному населению, — хозяйственного мыла, сбруи, щеток и т. д.

В первые годы завод фондированного сырья не имел, а перерабатывал то, что получал от давальцев — заказчиков, предоставлявших свой материал для изготовления какого-либо продукта. Однако такое кожсырье являлось некачественным, что отражалось на конечных изделиях. Помимо этого, на предприятии отсутствовали специалисты-кожевенники. До массового заселения города советскими гражданами на кожзаводе по большей части трудились представители оставшегося немецкого населения подросткового возраста [34]. Например, за первое полугодие 1948 г. на предприятии сумели подготовить 7 кожевенников из немцев, однако они были еще малоквалифицированными и работали плохо. В дальнейшем набор рабочей силы производился и вне области, для чего закладывались необходимые средства и был подготовлен собственный жилой фонд.

В начале пути кожевенный завод находился в крайне тяжелом финансовом состоянии и, по сути, не мог нормально функционировать. Нехватка оборотных средств усугублялась дебиторской и кредиторской задолженностью [11, Р-1074, оп. 1, д. 7, л. 6]. Наряду с этим наблюдались трудности в учете готовой продукции. Кожевенное сырье, поступавшее от давальцев, по документам принималось в штуках, а готовая продукция выдавалась в дециметрах или килограммах. Это создавало путаницу и толкало часть работников на преступления [Там же]. В итоге предприятию понадобилось около 30 лет, чтобы решить все проблемы и нормализовать финансовое положение [5, с. 31—32]. До конца 1960-х гг. в различных документах и газетных статьях периодически фиксировались медленное развитие, плохое состояние завода, кустарность работ и т. п.: «…завод долгое время входит в число отстающих предприятий местной промышленности» [1]; «…за 10 лет валовый выпуск продукции завода остается примерно на одном уровне» [15]; «…завод является планово-убыточным предприятием» [11, ф. Р-1074, оп. 1, д. 118, л. 1].

Если кожзавод был образован на базе немецкого предприятия, то для большей части легкопромышленных фабрик края основой послужили объекты, которые после ликвидации системы промкооперации в 1960 г. перешли государству [25]. Промысловая кооперация области состояла из небольших артелей, занятых в производстве продукции различных отраслей и обслуживании местного населения. Их создание объяснялось не только формальными причинами, но и стремлением оказать помощь местной промышленности в удовлетворении повсе-

дневных потребностей населения в товарах массового спроса, а также предоставить гражданам услуги по индивидуальному пошиву одежды, изготовлению обуви, ремонту и химической очистке различных вещей.

Формирование артелей началось также в 1946 г. Первые объекты были образованы в Калининграде, а следом, по мере создания минимальных условий труда, их стали открывать и в других городах (подробнее см.: [18]). Зачастую для этого отбирались действовавшие производственные мастерские [11, ф. Р-519, оп. 3, д. 3, л. 15].

Как и на кожзаводе, в работе промысловых артелей поначалу было задействовано преимущественно немецкое население (более 90 %) [Там же, д. 1, л. 1—7; д. 3, л. 8—27]. Ситуация изменилась только после переселения советских граждан на данную территорию и депортации немцев. За первый год удалось создать 11 промартелей, производивших в том числе швейные, галантерейные, кожевенные, обувные, меховые и иные легкопромышленные товары. К 1950 г. их было уже более 20 [Там же, д. 37].

Часть артелей в конечном итоге послужила производственной базой для легкопромышленных фабрик, образованных преимущественно в первой половине 1960-х гг. Такие промартели поначалу являлись многоотраслевыми объектами с преимущественно кустарным производством, располагались в полуразрушенных, малопригодных помещениях. Легкопромышленная деятельность стала преобладать лишь со временем.

Так, промысловая артель им. Ильича в Калининграде являлась одним из первых объектов кооперации, организованных в городе в 1946 г. [Там же, д. 12, л. 3]. Она состояла из карликовых цехов [Там же, л. 4; д. 131, л. 26], созданных с целью дать работу каждому труженику данного производства. Со временем в артели развивались наиболее успешные участки, а убыточные — ликвидировались или отделялись. Артель выпускала головные и носовые платки, игрушки, лентоткацкие изделия, школьные портфели, различные хозяйственные щетки [Там же, д. 37, л. 112 об; д. 131, л. 26; д. 248, л. 27]. В результате на базе данной артели 10 октября 1960 г. была организована Калининградская галантерейная фабрика, которая занялась производством галантерейных, хлорвиниловых изделий и игрушек. В ноябре 1961 г. выпуск хлорвиниловых изделий был прекращен, и фабрику перевели на выпуск кожгалантерейных изделий — дорожных и хозяйственных сумок, чемоданов и т. п. [14].

Другим примером может послужить калининградская артель инвалидов «Победа», которая к концу 1950-х гг. сосредоточила в своих руках основной объем работ по ремонту и пошиву обуви в городе [11, ф. Р-519, оп. 3, д. 248, л. 24]. Деятельность она вела в небольшом, пострадавшем во время войны цеху жилого здания комбината бытового обслуживания и не отличалась особыми успехами на фоне других промартелей. Вместе с тем именно на ее базе в октябре 1960 г. удалось создать фабрику пошива и ремонта обуви «Обувщик». С 1962 г. объект начал специализироваться на пошиве новой обуви — выпускали женские летние туф-

ли с верхом из хромовых кож, мужские сандалеты с верхом из искусственной кожи, а также тапочки с верхом из текстильных материалов. В январе 1963 г. предприятие переименовали в Калининградскую обувную фабрику, которая с 1964 г. специализировалась на изготовлении комнатной обуви. Во второй половине 1970-х гг. запланировали строительство нового полноценного производственного корпуса и вывод фабрики из жилого массива. В начале 1980-х гг. приступили к работам, а в 1984 г. предприятие смогло переехать в новый корпус. Итоговая мощность фабрики — около 2,5 млн пар обуви в год [Там же, ф. Р-398, оп. 1, д. 106, л. 205; д. 962а, л. 1—2].

Еще одна промысловая артель — «Победа» — находилась в Советске. Ее сформировали 8 августа 1946 г. на базе бывшего немецкого больничного корпуса [Там же, ф. Р-519, оп. 3, д. 3, л. 14]. Будучи одним из «пионеров» экономики Советска, артель занималась пошивом обуви, выпуском швейных товаров и т.п., а также включала ряд мастерских бытового обслуживания [Там же; 22, с. 266]. Со временем был организован выпуск зеркал, люстр и ковровых изделий. К концу 1950-х гг. «Победа» стала крупнейшим производственным объектом области своего типа. После ликвидации системы промысловой кооперации в начале ноября 1960 г. она продолжила работу — сначала как фабрика «Победа», затем как промкомбинат «Победа» (1962), ковровая фабрика (с 10 января 1963 г.) и, наконец, Советская чулочная фабрика «Дружба» (с октября 1965 г.) [6, с. 27; 11, ф. Р-644, оп. 1, д. 1, л. 1—2; 29, с. 48]. При организации чулочного производства его мощность определялась в 3 млн пар изделий в год [11, ф. П-1, оп. 42, д. 42, л. 10]. К 1980-м гг. «Дружба», специализируясь на выпуске чулочно-носочных изделий из хлопчатобумажной пряжи [Там же, ф. Р-644, оп. 1, д. 473, л. 4], изготавливала более 8 млн пар изделий в год.

Также следует сказать о калининградской артели «Швейник» швейно-трикотажного профиля производства [Там же, ф. Р-519, оп. 3, д. 37, л. 151]. Деятельность она осуществляла в ветхом трехэтажном здании, но при всех проблемах считалась передовой [Там же, л. 12]. В ходе ликвидации промысловой системы она стала частью, образованной 1 октября 1960 г. Калининградской швейной фабрики [Там же, ф. Р-28, оп. 1, д. 132, л. 13], которая вскоре в свою очередь подверглась изменениям. Реорганизация затронула также Калининградский горпромкомбинат, и в итоге в городе появились три полноценных предприятия легкой промышленности — Калининградская трикотажная фабрика и швейные фабрики №1 и №2 [Там же, д. 3, л. 1—96; ф. Р-967, оп. 1, д. 1, л. 1; ф. Р-275, оп. 14, д. 24, л. 45].

Переломным моментом в истории легкой промышленности региона стала организация в годы совнархозовской реформы (1957—1965) сети предприятий принципиально нового типа, отличных от прежних артелей. Управление отраслью в это время осуществлялось сначала Советом народного хозяйства Калининградского экономического административного района, а с 1963 г. — Литовским совнархозом (подробнее см.: [17]). Нельзя однозначно сказать, что именно благодаря их дей-

ствиям в области увеличилось количество легкопромышленных фабрик, ведь различные архивные материалы свидетельствуют о наличии давних замыслов по созданию некоторых объектов легкой отрасли в регионе [11, ф. Р-249, оп. 4, д. 13, л. 2—5; д. 81, л. 1—2]. Однако, судя по документам, из года в год реализация таких планов всячески откладывалась. В итоге с изменениями и доработками к ним вернулся сначала Калининградский, а затем Литовский СНХ (подробнее см.: [20]). До 1963 г. отрасль пополнилась пятью предприятиями, созданными на базе артелей, городских и районных промкомбинатов. В их числе была и Зеленоградская фабрика щеточных изделий, которую организовали в конце 1962 г. на базе цеха промышленного комбината [22, с. 100]. Она выпускала товары культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода: щетинно-щеточные изделия (зубные и хозяйственные щетки, художественные кисти), мужское и детское нижнее белье, рабочие куртки, халаты, комбинезоны [11, ф. Р-47, оп. 2, д. 492, л. 59—60; ф. Р-398, оп. 1, д. 106, л. 5; ф. П-1, оп. 57, д. 37, л. 1—3]. Во время руководства Литовского СНХ организовали еще три фабрики, две из которых — с нуля. Гусевская трикотажная фабрика «Чайка» появилась в 1964 г. в здании мебельного цеха (филиал) Черняховского деревообделочного комбината, работавшего в восстановленном из руин здании немецкого пивзавода [29, с. 58; 19]. В том же году была образована Гвардейская текстильно-галантерейная фабрика, для которой выделили площади молочного завода (бывшие конюшни) [13, с. 103; 22, с. 40]. Первая изготавливала верхний хлопчатобумажный трикотаж из полотна собственного производства (детские жакеты, мужские пуловеры, женские джемперы, брюки и рейтузы, спортивные костюмы и фуфайки) [11, ф. Р-1027, оп. 1, д. 3, 10], вторая — хлопчатобумажные платки, гардинно-тюлевое полотно [Там же, ф. Р-643, оп. 1, д. 86, л. 6; д. 201, л. 1—2; ф. Р-398, оп. 1, д. 82, л. 2]. Третьей фабрикой была Советская чулочная фабрика «Дружба», о которой говорилось выше.

В результате к началу 1970-х гг. в Калининградской области функционировало 10 легкопромышленных предприятий различной специализации — Черняховский кожевенный завод, калининградские фабрики (трикотажная, галантерейная, обувная, швейные №1 и №2), Зеленоградская фабрика щеточных изделий, советская «Дружба»; гусевская «Чайка» и Гвардейская текстильно-галантерейная фабрика. Часть этих предприятий в силу проблем на начальном этапе достигла к данному времени пределов развития. В свою очередь, меры интенсификации производства, которые и так исполнялись по большей части формально, не помогали кардинально изменить ситуацию. В связи с этим управление легкой промышленности Калининградской области приняло решение о необходимости экстенсивного развития отрасли, и действующие фабрики постепенно стали открывать новые производственные объекты под своим головным управлением. Так на втором этапе развития легкой отрасли края начало 1970-х гг. стало временем образования сети филиалов. Важно отметить, что эта стратегия позволила создать дополнительные рабочие места в тех населенных пунктах, где

скопилось трудоспособное, но незанятое население. В итоге к 1976 г. на территории Калининградской области удалось открыть 6 филиалов предприятий легкой промышленности и приобщить к производству более 500 чел. [Там же, ф. П-1, оп. 63, д. 62, л. 69—71; ф. Р-398, оп. 1, д. 318, л. 44]. Ввод в эксплуатацию новых промышленных объектов в Полесском районе (цех Калининградской обувной фабрики), Багратионовске (отделение Калининградской швейной №2), Правдинске (второй филиал обувной фабрики Калининграда), пос. Чернышевское (филиал фабрики «Чайка»), пос. Рыбачьем (сначала филиал Калининградской галантерейной, затем швейной фабрики №1), пос. Матросово (филиал Калининградской швейной фабрики №1) способствовал значительному увеличению как ассортимента, так и объема выпускаемых товаров народного потребления [Там же, ф. П-1, оп. 57, д. 36, л. 12—13]. Открытие филиалов содействовало как дальнейшему развитию отрасли, так и вовлечению новых тружеников в производство товаров народного потребления. Позволив сначала разгрузить наиболее загруженные участки головных производств, образованные филиалы помогли им приступить к наращиванию дополнительных мощностей.

На первый взгляд может показаться, что столь активное развитие легкой промышленности было продиктовано исключительно заботой о местном потребителе и стремлением полнее удовлетворить его нужды. С уверенностью можно говорить, что легкопромышленные объекты Янтарного края конца 1940—1950-х гг. действительно ориентировались лишь на удовлетворение внутренних нужд городов, районов, максимум всей области [16, с. 36—37]. На этом этапе продукция отрасли в силу малых объемов выпуска полностью потреблялась внутри региона, и вопрос о внешних поставках не возникал. Однако анализ источников и литературы позволяет увидеть и другую, не менее важную сторону этого процесса.

В 1960-х гг. с развитием легкой отрасли и наращиванием объемов производства новыми предприятиями, а также благодаря увеличению поставок из других регионов страны стали полнее удовлетворяться потребности местного населения во многих товарах массового спроса. Устанавливая межрегиональные экономические связи, легкопромышленные фабрики края начали вывозить часть своей продукции в другие регионы РСФСР [31, с. 9].

Тенденции к активизации товарообмена продукцией рассматриваемых фабрик с другими регионами и даже странами, обусловленные как потребностями производства (получение сырья, материалов, оборудования), так и стремлением к повышению рентабельности за счет выхода на более широкий (всесоюзный) рынок сбыта, получили дополнительный импульс в русле общесоюзной политики. В частности, благоприятный фон для расширения кооперационных связей создавали решения ЦК КПСС, направленные на улучшение деятельности легкой и пищевой промышленности, торговли и бытового обслуживания. Показательна в этом смысле позиция министра легкой промышленности СССР Николая Никифоровича Тарасова. В 1972 г. он констатировал:

«Нельзя заставлять предприятия всё шить только для одной области, края. Это не всегда обеспечивает должную рентабельность» [11, ф. П-1, оп. 57, д. 36. л. 14—20]. Тем самым подчеркивалась целесообразность преодоления узких территориальных рамок и развития на этой основе межрегиональной кооперации.

В итоге к середине 1970-х гг. география поставок калининградской продукции охватывала десятки регионов страны. К примеру, помимо Москвы, с которой сотрудничали все фабрики, ковры с маркой советской «Победы» поставляли на продажу в Кемерово, Луганск, Днепропетровск, Одессу, Казань, Воркуту [32, с. 17]. Женские чулки «Дружбы» пользовались спросом в Куйбышеве, Пензе [4]. Продукция Калининградской обувной фабрики шла в Ярославль, Иваново, Смоленск, Великие Луки, Псков, Мурманск [9] и т.д. Крупнейшими товарополучателями и распределителями хозяйственных и дорожных сумок Калининградской галантерейной фабрики были торговые базы Ленинграда, Вологды и Архангельска [36]. «Продукцию хорошо знают в Магадане», «на Диксоне и Камчатке» [10], «с успехом реализуются хозяйственные сумки в Минске, Ростове-на-Дону, Саратове» [12]. Торговые организации из сорока областей заказывали товары Гвардейской текстильно-галантерейной фабрики [35; 37]. Их везли в Киев, Новосибирск, Ленинград, Барнаул, Саратов, Свердловск… [21]. «Чайка» отправляла продукцию (малыми партиями) разным потребителям в центральную часть РСФСР (Калуга, Ярославль, Кострома, Иваново, Тула), на север (Вологда, Котлас, Архангельск, Мурманск, Карелия, Коми АССР (Воркута и Инта)), а также в Якутию (Мирный, Якутск), Магадан, на Камчатку и Сахалин [3, с. 29; 11, ф. Р-398, оп. 1, д. 371, л. 69]. Швейная фабрика №1 сотрудничала, например, с Омском и Саратовом [Там же, д. 194, л. 43]. Кожзавод отгружал полуфабрикат (спилок) Курганскому обувному объединению, Кировскому комбинату искусственных кож, Липецкому производственному объединению, Осташевскому кожзаводу; продукция Зеленоградской щеточной фабрики (медицинские щетки, малярные кисти и т.п.) расходилась далеко за пределы области. Как отмечалось в прессе, ее отправляли «во все уголки нашей необъятной Родины — на Чукотку и в Среднюю Азию, в Сибирь и на Украину…» [33]. А построенная в 1974 г. Советская швейная фабрика и вовсе была ориентирована на отправку основной части своей продукции за пределы области — в Ставрополь, Карелию, Кировск, Пермь, Псков, Мурманск, Архангельск, Пятигорск, Петрозаводск (всего более 20 баз) [11, ф. Р-1041, оп. 1, д. 8, л. 3—4; д. 40, л. 20].

В 1970-х — середине 1980-х гг. легкопромышленные фабрики Калининградской области поставляли в торговую сеть товары, удовлетворявшие лишь около 30 % запросов потребителей края в товарах народного потребления. Основная масса продукции (более 70 %) для нужд населения завозилась в область из других городов и регионов страны [Там же, ф. П-1, оп. 52, д. 51, л. 11, 14]. Калининградский обком КПСС не раз отмечал, что многие изделия целесообразнее было производить

на месте [Там же, л. 11]. Однако такие идеи не отвечали интересам фабрик — ведь чтобы совершенствовать производство и получать больше прибыли, выгоднее было заключать договоры на поставку больших объемов легкопромышленных товаров в другие регионы СССР.

В итоге легкая промышленность, создававшаяся изначально с ориентацией на местного потребителя, со временем в условиях плановой экономики встроилась в межрегиональную кооперацию и стала по большей части отправлять свои товары в глубь страны и даже на экспорт. Взамен в область завозили недостающий ассортимент, закупали новое отечественное и даже заграничное сырье и оборудование. Таким образом, развивались и обратные логистические потоки—ширились контакты фабрик с поставщиками сырья и материалов для производства. Их наряду с Москвой и Московской областью поставляли производственные комбинаты и фабрики Пермской, Калининской (с 1990 г. Тверской), Волгоградской, Ростовской областей, Хакасской автономной области (с 1991 г. — автономной республики), Белорусской, Латвийской, Литовской и Украинской ССР [Там же, ф. Р-398, оп. 1, д. 194, л. 154; д. 241, л. 68; д. 371, л. 41; д. 560, л. 15].

Главную роль в снабжении калининградских легкопромышленных предприятий играли отечественные поставщики, однако местные фабрики получали и импортные материалы и оборудование. Так, к примеру, на Калининградскую трикотажную фабрику поступала пряжа из Египта. При этом достаточный объем присылаемого сырья обесценивался его крайне низким качеством, вследствие чего на фабрике было много брака по вязке полотна [Там же, д. 271, л. 79].

Если рассматривать техническую сторону (обеспечение предприятий импортными станками, машинами и т.д.), то наглядным примером может служить Советская швейная фабрика. После освоения проектной мощности в 24,4 млн руб. швейных изделий в год [Там же, ф. П-1, оп. 61, д. 59, л. 20; 22, с. 271], она стала одним из самых современных легкопромышленных предприятий региона. Причем станки и иное оборудование для своих цехов и технологических потоков фабрика получала в том числе из других стран. Так, из ГДР поступали машины фирмы «Текстима» [11, ф. Р-398, оп. 1, д. 371, л. 7]. На швейной фабрике №1 работали японские швейные машины фирмы «Джуки». Машины из ЧССР, в том числе петельные, устанавливали, например, на швейной фабрике №2 [Там же, д. 90, л. 10]. К концу 1970-х гг. легкопромышленные предприятия края располагали 285 единицами импортного оборудования из Японии, ГДР, ЧССР [Там же, д. 371, л. 15]. Однако доля зарубежных станков и механизмов в общем объеме технического перевооружения оставалась незначительной, что подтверждает преимущественную ориентацию на отечественное машиностроение и ограниченные возможности импорта.

Легкая промышленность вносила вклад не только в экономику Калининградской области, но и в ее социально-культурное развитие. В условиях послевоенного восстановления и последующего роста деятельность предприятий отрасли не ограничивалась производственными за-

дачами. Важным направлением их работы стало участие в строительстве и развитии социальной инфраструктуры. В конце 1940-х — 1950-х гг. из-за нехватки средств масштабы этой деятельности были крайне малы и сводились преимущественно к восстановлению, пострадавших после войны жилых домов, предназначенных для тружеников отрасли [Там же, ф. Р-1074, оп. 1, д. 58, л. 4; ф. Р-519, оп. 3, д. 1, л. 37; д. 12, л. 24, 27]. В отдельных случаях велось строительство общежитий [Там же, ф. Р-249, оп. 4, д. 140, л. 28].

Со второй половины 1960-х гг., в том числе по итогам косыгинской реформы, предприятия смогли оставлять в своем распоряжении часть прибыли и формировать из нее специальные фонды. Фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства позволил направлять средства на строительство жилых домов, детских садов, пионерлагерей, профилакториев, клубов, столовых [2, с. 94]. Благодаря ему легкопромышленные фабрики края не только совместно с предприятиями других отраслей, но и самостоятельно стали активнее включаться в строительство новых мало- и многоквартирных домов и общежитий для своих работников [11, ф. Р-1027, оп. 1, д. 212, л. 210—211; ф. Р-1041, оп. 1, д. 505, л. 19; ф. П-1, оп. 52, д. 2, л. 53—55; ф. Р-398, оп. 1, д. 194, л. 46, 133—134; д. 220, л. 10, 29]. Кроме того, руководители производств открывали и содержали ведомственные ясли и детские сады — «детские комбинаты» [Там же, ф. Р-1027, оп. 1, д. 212, л. 209; д. 215, л. 3; ф. Р-398, оп. 1, д. 194, л. 133—134; д. 304, л. 12—13; д. 371, л. 87; д. 524, л. 48]. Важной вехой в этом направлении стало строительство в 1974—1976 гг. в Ладушкинском лесничестве пионерского лагеря (совр. база отдыха «Березка») [Там же, д. 220, л. 48, 216; д. 271, л. 63; д. 304, л. 1—11; д. 307, л. 61; д. 308, л. 50; д. 318, л. 10], предназначавшегося в первую очередь для детей работников легкой промышленности. Лагерь удалось построить целиком на средства предприятий легкой промышленности.

Несмотря на успехи в социальной сфере, сохранялись и многочисленные проблемы системного характера. Нередко строительство сталкивалось с неудовлетворительной работой подрядных организаций, острой нехваткой стройматериалов и крайне ограниченными финансовыми возможностями самих предприятий легкой промышленности. В результате продолжительность строительства нередко в 2—3 раза превышала нормативную, а качество работ оставляло желать лучшего — на вновь построенных объектах часто обнаруживались дефекты и недоделки [Там же, д. 318, л. 13; д. 514, л. 42; д. 614, л. 13—14; д. 756, л. 48]. Что касается социально-бытовых учреждений, то даже когда удавалось все же открыть ясли или детские сады, их мощность оказывалась несопоставимой с потребностями работников (могло значительно увеличиться число работников с детьми за время строительства, а проектные мощности изначально могли не отвечать реальным потребностям). Несмотря на работу в несколько смен, ведомственные дошкольные учреждения не могли принять всех детей. В итоге постоянно ощущалась нехватка таких учреждений, что наряду с отсутствием жилья влияло на

текучесть рабочей силы в отрасли [Там же, д. 318, л. 12; д. 371, л. 41; д. 610, л. 12; д. 623, л. 27; ф. Р-1060, оп. 1, д. 1, л. 218; д. 133, л. 175, 271; ф. Р-644, оп. 1, д. 188, л. 8; д. 210, л. 10].

Другим важным, но неоднозначным направлением работы предприятий легкой промышленности области была шефская деятельность. Оказывая разностороннюю помощь организациям, подшефным колхозам и совхозам, детским учреждениям и даже пограничным заставам, фабрики расходовали на это собственные ресурсы [Там же, ф. Р-967, оп. 1, д. 181, л. 23; д. 182, л. 3; ф. Р-1027, оп. 1, д. 128, л. 224]. Такая поддержка зачастую осуществлялась в ущерб основной работе [Там же, ф. Р-398, оп. 1, д. 924, л. 2], что неоднократно отмечалось в документах: «Большие потери трудового времени имеют место в результате необоснованного привлечения рабочих и служащих с предприятий на уборку урожая, в заготовительные организации, на строительство, благоустройство и т.д. <…> необходимо не допускать фактов необоснованного отвлечения трудящихся в рабочее время на разного рода мероприятия, не связанные с их производственной деятельностью» [Там же, ф. П-1, оп. 82, д. 96, л. 1—4].

Выступая не просто производителями товаров, но и участниками формирования культурной среды региона, легкопромышленные фабрики вели работу с населением. Совместно с магазинами «Маяк», «Спутник», «Радуга», «Детский мир», «Березка» и др. они на своих площадках и в городских пространствах периодически организовывали выставки-продажи и демонстрации моделей одежды, покупательские конференции и лекции о направлениях моды, свойствах новых тканей и технологиях пошива. На таких мероприятиях специалисты не только просвещали граждан, но и выслушивали мнения покупателей о базовых изделиях и новинках своих предприятий [Там же, ф. Р-398, оп. 1, д. 90, л. 11, 13; д. 106, л. 71; д. 685, л. 9; д. 966, л. 8]. Подобная практика, с одной стороны, помогала изучать потребительский спрос и корректировать ассортимент, а с другой — играла просветительскую роль, повышая уровень информированности населения о современных тенденциях в легкой промышленности и культуре потребления. Сложно сказать, каков был реальный эффект от подобных мероприятий, учитывая, что нередко они сводились к формализму и показухе.

В целом к середине 1970-х гг. в отрасли трудилось свыше 6500 чел. [Там же, ф. Р-398, оп. 1, д. 271, л. 18]. Благодаря их усилиям и комплексу общесоюзных мер на фабриках, подконтрольных управлению легкой промышленности Калининградской области («Калининградлегпрому»), была проделана серьезная работа по расширению производств, улучшению качества изделий, обновлению ассортимента и освоению новых видов продукции. За 1971—1975 гг. основные производственные фонды возросли вдвое и составили 9 млн руб. [Там же, ф. П-1, оп. 63, д. 62, л. 69; оп. 69, д. 92, л. 1]. Наибольший удельный вес в общем объеме производства (около 75 %) отрасли занимали швейные и трикотажные фабрики [Там же, оп. 54, д. 41, л. 38]. К 1975 г. удалось полностью обно-

вить машинный парк швейного оборудования, а трикотажного и обувного на 70 % [Там же, ф. Р-398, оп. 1, д. 271, л. 15—16]. Было установлено более 1400 единиц технологического оборудования, 8 конвейерных механизированных линий, что позволило существенно повысить производительность труда. Уровень механизации в среднем по отрасли достиг 68 %, а на самой молодой швейной фабрике (Советской) 76 % [Там же, ф. П-1, оп. 63, д. 62, л. 69]. Новые технологии изготовления продукции внедрялись на Черняховском кожзаводе, Калининградской обувной, Зеленоградской щеточной и Гвардейской текстильно-галантерейной фабриках. В 1973—1974 гг. проводилась специализация Калининградской швейной фабрики №2, Кожевенного завода, Галантерейной фабрики Калининграда и Советской швейной фабрики на выпуск более узкого ассортимента изделий [Там же, д. 61, л. 61].

В итоге мероприятия по специализации, техническому перевооружению, совершенствованию организации труда и производства, а также открытию филиалов действующих предприятий, хотя и сопровождались негативными проявлениями, однако позволили увеличить выпуск продукции отрасли к 1976 г. в 1,7 раза по сравнению с 1970 г. На 1975 г. объем реализации легкопромышленных товаров составил 61 млн руб. [Там же, л. 61—63; ф. Р-398, оп. 1, д. 271, л. 18]. За 5 лет удалось изготовить более 2400 новых моделей швейных, 180 трикотажных, 40 новых видов рисунков чулочно-носочных изделий, по 70 моделей кожгалантереи и обуви [Там же, оп. 63, д. 62, л. 70].

Заключение

Возникнув в сложных условиях послевоенного времени, легкая промышленность Калининградской области прошла длительный путь от разрозненных кустарных артелей до формирования к середине 1970-х гг. целостного производственного комплекса, представленного специализированными предприятиями и сетью филиалов.

Ключевыми проблемами, сдерживавшими развитие отрасли на всем протяжении ее истории, являлись неудовлетворительная материальная база, техническая отсталость и дефицит оборудования, кадровая проблема. Несмотря на эти трудности, легкая промышленность внесла посильный вклад в развитие Калининградской области. В экономическом плане она обеспечивала занятость сотен женщин, выпускала широкий ассортимент товаров народного потребления как для местной, так и для общесоюзной торговли.

В социальном плане предприятия отрасли выступали не просто работодателями, но и участниками развития городской среды. Используя возможности, предоставленные хозяйственной реформой 1965 г., фабрики направляли средства на строительство жилья и детских дошкольных учреждений. Они вели шефскую и просветительскую работу, выезжая в различные населенные пункты области, организуя выставки-продажи, демонстрации моделей и лекции для населения.

Таким образом, история легкой промышленности Калининградской области представляет собой яркий пример становления и функционирования важной отрасли в специфических условиях новообразованного региона. Она вобрала в себя как общие черты развития советской промышленности, так и региональные особенности, связанные с послевоенным восстановлением и необходимостью адаптации к местным условиям. Динамично развиваясь, предприятия легкой промышленности стали неотъемлемой частью экономики и жизни Янтарного края советского времени.

Список литературы

1. *Андреев И.* Реконструкция кожевенного завода // Коммунист. 1961. 24 марта. С. 3.

2. *Бабкина Н.М.* Экономическая реформа 1965 г. в СССР: формирование фондов экономического стимулирования на предприятиях, переведенных на новые условия работы // Вестник Московского университета. Сер.: Управление (государство и общество). 2017. №4. С. 90—104. EDN: ZWDKJZ.

3. *Баевский И.Я., Иванов А.М.* Гусев. Калининград, 1969.

4. *Банов А.* Флагман юбилейной вахты // Калининградская правда. 1967. 11 июня. С. 1.

5. *Белан Н.А.* Черняховск. Калининград, 1964.

6. *Беляев Ю.В.* Советск. Калининград, 1977.

7. *Бирковский В.Г.* Советск. Калининград, 1967.

8. *Бирковский В.Г., Исупов В.С., Фарутин И.А.* История нашего края. Калининград, 1990.

9. *Буров А.* Пятимесячный план — досрочно // Калининградская правда. 1969. 24 мая. С. 1.

10. *Ветров Ю.* Новые модели // Калининградская правда. 1980. 12 февр. С. 2.

11. *Государственный* архив Калининградской области.

12. *Для вас*, покупатели… // Калининградская правда. 1962. 26 июня. С. 3.

13. *Именная* книга организаторов становления и развития Калининградской области : ист.-документальный очерк. Калининград, 2002.

14. *Калининградская* галантерейная фабрика. Архивы Калининградской области. URL: https://archives.gov39.ru/archive8/funds/10000043434 (дата обращения: 27.02.2026).

15. *Кобяков Б.* Резервы — в действии // Калининградская правда. 1957. 16 янв. С. 3.

16. *Колганова Э.М., Колганов И.П.* Самая западная: Краткий очерк о Калининградской области. Калининград, 1959.

17. *Кретинин Г.В.* В составе Литовского совнархоза // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2006. Вып. 6. С. 36—46. EDN: HVPXGR.

18. *Лузянин Н.Г.* Легкопромышленные объекты промысловой кооперации Калининградской области во второй половине 1940-х — 1950-е гг. // Историческая наука и современный мир : сб. ст. по итогам конф. Калининград, 2025. С. 144—152.

19. *Лузянин Н.Г.* Становление гусевской трикотажной фабрики «Чайка» под контролем Литовского совнархоза // Калининградские архивы. Калининград, 2024. Вып. 21. С. 121—131.

20. *Лузянин Н.Г.* Организационные формы и управление объектами легкопромышленного производства Калининградской области в 1940—1970-х годах //

Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №3. С. 65—81. https://doi.org/10.5922/vestnikhum-2025-3-6. EDN: WRUUHP.

21. *Макаров М.* Вести из Гвардейска // Калининградская правда. 1967. 6 июня. С. 4.

22. *Малые* города Калининградской области / под ред. А.Н. Попадина. Калининград, 2011.

23. *Мельников М.* Растет завод, крепнет коллектив // Коммунист. 1966. 13 февр. С. 3.

24. *Митина Е.С.* Восстановительный период в истории градостроительства в Калининградской области (1945 — середина 1950-х годов) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. Калининград, 2010. №12. С. 71—76.

25. *Пасс А.А., Рыжий П.А.* Огосударствление промысловой кооперации в СССР во второй половине 1950-х гг.: причины и последствия // Социум и власть. 2012. №5. С. 114—122. EDN: PMSNAV.

26. *Первые* партии высокосортной кожи // Калининградская правда. 1947. 20 марта. С. 1.

27. *Полх П.П.* Учреждения кооперации инвалидов в Калининградской области в 1946—1953 годах // Калининградские архивы. Калининград, 2021. Вып. 18. С. 79—90. EDN: EFZGBB.

28. *Полх П.П.* Женщины и становление промкооперации в Калининградской области в 1945—1960 годах // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего : материалы XII Междунар. науч. конф. Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН : в 2 ч. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, И.О. Дементьев, М.Г. Шендерюк. Калининград, 2019. Ч. 1. С. 169—172. EDN: SOIZEE.

29. *Продолжение* подвига / под ред. К.Ф. Щекина. Калининград, 1967.

30. *Пущен* кожевенный завод // Калининградская правда. 1947. 28 янв. С. 1.

31. *Пчелкин Д.К.* Калининградская область в цифрах (1946—1967). Калининград, 1967.

32. *Рубанович В.Я., Исупов В.С.* Советск. Калининград, 1961.

33. *Соколов М.* На вахте мастера щеточных изделий // Ленинское знамя. 1965. 14 нояб. С. 1.

34. *Черняховский* кожевенный завод Калининградского производственного объединения легкой промышленности. Архивы Калининградской области. URL: https://archives.gov39.ru/archive22/funds/10000036254 (дата обращения: 27.02.2026).

35. *Шейнин А.* Новые поставки // Калининградская правда. 1971. 11 нояб. С. 4.

36. *Шибакова Т.* Стратегия ассортимента // Калининградская правда. 1979. 14 июля. С. 2.

37. *Янкин И.* В сорок адресов // Калининградская правда. 1971. 14 марта. С. 1.

Об авторе

Никита Германович Лузянин — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

SPIN-код: 2793-0547

ORCID: 0009-0001-7504-6922

E-mail: n-luzyanin@mail.ru

N. G. Luzyanin

THE KALININGRAD REGION'S LIGHT INDUSTRY IN THE SOVIET ERA: FROM WORKSHOPS AND ARTELS TO FACTORIES

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
Received 10 March 2026
Accepted 20 May 2026
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-7

To cite this article: Luzyanin N.G. 2026, The Kaliningrad region's light industry in the Soviet era: from workshops and artels to factories, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 85—103. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-7.

Drawing upon unpublished materials from the State Archives of the Kaliningrad Region, open-access local press materials and regional historical scholarship, this study employs a local historical approach to reconstruct the development of light industry in the Kaliningrad region. The selected timeframe spans from the region's establishment in 1946 to the mid-1970s, by which point this industrial sector had largely taken shape. Aiming to address the absence of comprehensive studies in the field, this paper delineates the broad evolution of the industry from post-war artisanal workshops to large-scale factories with widespread branch networks. The article briefly analyses the stages of industrial development in the region, identifying the challenges faced and achievements attained in establishing its light industrial facilities. Beyond addressing the problems surrounding the factories' material resources and infrastructure, the study characterises the evolution of production linkages and the social role of the industry. It is concluded that, despite systemic difficulties, light industry enterprises became an integral part of the region's economy as employers and providers of consumer goods for the market.

Keywords: Kaliningrad region, light industry, local history, industrial co-operation, consumer goods, economy

The author

Nikita G. Luzyanin, Doctoral Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.
ORCID: 0009-0001-7504-6922
E-mail: n-luzyanin@mail.ru

УДК 327.7:351.74

С. А. Тишков

ТЕНДЕНЦИЯ «ПОЛИЦЕИЗАЦИИ» МИРОТВОРЧЕСТВА ООН: ОТ КОНЦЕПЦИИ К ПРАКТИКЕ

Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова,
Орел, Россия
Поступила в редакцию 18.03.2026 г.
Принята к публикации 31.08.2026 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-8

Для цитирования: *Тишков С. А.* Тенденция «полицеизации» миротворчества ООН: от концепции к практике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №3. С. 104—114. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-8.

Переход к поддержанию мира и внутренней безопасности миротворческими силами ООН следует рассматривать как часть масштабной тенденции применения международных стабилизационных мер принудительного реагирования на широкий спектр внутригосударственных проблем, получившей название «полицеизация» миротворчества ООН. Поворот ООН к «полицейскому миротворчеству» (policekeeping) проявляется как в наблюдавшемся в первые десятилетия XXI в. увеличении численности полицейских контингентов полевых миссий, так и в расширении спектра задач в сфере полицейской деятельности. Цель исследования — выявить потенциальные эффекты проецирования опыта применения методов принуждения во имя мира, полученного миротворцами в ходе стабилизационных действий под флагом ООН, на общие подходы к миротворчеству и формирование методов обеспечения безопасности и правил применения силы в странах, направивших миротворческие контингенты на территории постконфликтных государств. В исследовании использованы институциональный подход, метод кейс-стади и сравнительный анализ. В настоящее время миротворческие операции ООН, по сути, являются формой международной полицейской деятельности. Практики, апробированные в ходе международного вмешательства под флагом ООН, в дальнейшем распространяются в странах, направивших свои контингенты для участия в миротворческих операциях. Вместе с тем приобретенный опыт силовых действий во имя мира не всегда применим к условиям демократических государств, поскольку ведет к милитаризации полицейских форм работы на национальном уровне.

Ключевые слова: ООН, миротворчество, полицейский компонент, поддержание внутреннего порядка, Гаити, Бразилия

© Тишков С. А., 2026

Введение

Известный австралийский политолог и эксперт в области миротворчества Чальз Т. Хант выдвинул тезис о том, что «операции в пользу мира можно рассматривать как форму международной полицейской деятельности…» [19, p. 609]. Такое суждение связано с тем, что силовые компоненты (включая военный и полицейский) операций и миссий Организации Объединенных Наций (ООН) всё чаще вовлечены в выполнение полицейских функций на территориях постконфликтных государств (например, в охрану лагерей проживания внутренне перемещенных лиц, противодействие массовым беспорядкам). Наряду с этими задачами операции ООН по поддержанию мира (ОПМ) регулярно участвуют в государственном строительстве, помогая набирать и обучать местные полицейские силы и предоставляя им институциональную поддержку.

Отмечая важность полицейских мандатов для урегулирования конфликтов и постконфликтного восстановления, генеральный секретарь ООН А. Гутерриш в выступлении перед Вторым саммитом начальников полиции ООН заявил, что «специализированная помощь, оказываемая в полицейской сфере в качестве инструмента для предотвращения конфликтов, может помочь избежать необходимости в более масштабных мерах в будущем» [6]. Анализ современных миротворческих практик показывает, что в контексте обеспечения верховенства права поддержка местных полицейских сил сопровождается масштабными и дорогостоящими усилиями, направленными на укрепление всей системы национальных правоохранительных органов принимающих государств.

Роль полиции ООН: защита гражданского населения или поддержание внутренней безопасности?

Полицейская деятельность в ОПМ ООН играет важную роль в сложных нелинейных процессах обеспечения внутренней безопасности постконфликтных государств. Возросшее значение полицейских задач для выполнения миротворческих мандатов в целом положительно воспринимается как в политических, так и в академических кругах.

Например, американский исследователь Р. Блэр делает вывод о том, что полицейская деятельность в рамках операций ООН является необходимым условием восстановления верховенства права, и «имеет большое значение для устойчивого мира, должного государственного управления и экономического роста» [13, p. 2].

Мы считаем, что полицейская деятельность в миротворчестве ООН все более представляет собой гражданский инструмент вмешательства во внутренние конфликты, который благодаря своей независимости, беспристрастности, приверженности ценностям ООН и соблюдению

международных прав человека полицейскими лучше подходит для выполнения мандатов по защите гражданских лиц и воссозданию / реформированию местных полицейских сил (см.: [8, с. 97]).

При этом, несомненно, внимания заслуживает мнение Л. Пенжо о том, что новые тенденции в деятельности ОПМ не следует ассоциировать только с изменениями в их составе и организационном построении или с увеличением количества выполняемых полицейских мандатов [25, p. 85].

Активизация полицейской деятельности в рамках ОПМ отражает более широкий концептуальный сдвиг в миротворчестве ООН, который происходит от заявленной защиты гражданских лиц в условиях конфликта к действиям по постконфликтной стабилизации.

Полиция ООН по праву играет важную роль в нестабильной постконфликтной обстановке, в которой местные силы безопасности не могут защитить гражданских лиц, а нередко представляют собой определенную угрозу для населения. Поэтому восстановление или реформирование национальной полиции, способной защищать граждан, поддерживать верховенство права и обеспечивать общественный порядок с минимальным применением силового принуждения, необходимо рассматривать как непременные условия перехода от гражданской войны к гражданскому миру [12, p. 221].

Следует отметить, что на деятельность полиции в рамках ОПМ оказывают влияние правовые традиции, институциональные условия и правоприменительные практики, существующие в странах, которые предоставляют военно-полицейский персонал для ООН. Соглашаясь с тезисом о том, что логика правоохранительной деятельности на национальном уровне характеризуется фундаментальным противоречием между общепризнанной миссией полиции «служить и защищать» и ее государственным мандатом на применение мер принуждения в целях обеспечения внутреннего порядка и безопасности, необходимо уяснить, как эти противоречия влияют на выполнение полицейских мандатов в рамках ОПМ.

Операции ООН, как правило, развертываются в условиях, когда мир, который необходимо сохранить, еще не достигнут. Поэтому миротворцы все чаще активно поддерживают правительство принимающей страны в борьбе с незаконными формированиями, фракциями или криминальными группами, что может рассматриваться как стабилизация обстановки и обеспечение внутренней безопасности на национальном уровне. Легитимность международного вмешательства под флагом ООН в глазах местного населения в значительной степени связана с их способностью защитить гражданских лиц от разноплановых угроз внутреннего конфликта. Возникает закономерный вопрос о соответствии обеспечения стабильности постконфликтного общества целям защиты гражданского населения при проведении ОПМ или о возникающих противоречиях в случае, если отдельные группы населения представляют реальную угрозу национальной стабильности (например, городские банды Гаити).

Как правило, миротворческая деятельность связана с внешним вмешательством во внутренний конфликт с применением политико-дипломатических, военных и иных форм и методов коллективных международных усилий для достижения сторонами конфликта мирного соглашения. Ранее мы отмечали, что «в современном миротворчестве сохраняется влияние силового фактора, совершенствуются механизмы принуждения к миру, развивается концепция "гуманитарной интервенции" в целях защиты гражданского населения» [7, с. 10].

На национальном уровне полиция вмешивается в ситуацию, связанную с нарушением конституционных или иных норм, принимая меры к восстановлению порядка и наказанию нарушителей закона. Переход к охране правопорядка международными силами в условиях внутреннего конфликта представляет собой не только иной инструмент вмешательства, но и иной подход к пониманию и урегулированию внутренних конфликтов.

«Полицейское миротворчество» деполитизирует конфликт и криминализирует его участников. Интерес к полицейским методам в миротворчестве ООН связан не только с криминализацией конфликта или наличием взаимосвязи преступности и конфликта. По нашему мнению, международная полицейская деятельность в условиях ОПМ ООН не является прямым ответом на преступность, поскольку в более широком понимании эта деятельность представляет собой стратегию обеспечения внутренней безопасности и правопорядка на постконфликтных территориях.

Поддержание мира и «полицейские полномочия»

Уникальность опыта миротворчества связана с масштабами операций ООН, в которых с 1948 г. участвовало более миллиона военнослужащих, полицейских и гражданских сотрудников из десятков стран [27]. ОПМ ООН не просто отражают и воспроизводят существующий мировой порядок, они в определенной степени порождают этот порядок. Неслучайно Л. Пенжо обоснованно предлагает рассматривать миротворческие операции как социально обусловленное явление, которое оказывает собственное воздействие на мировую политику [25, p. 25].

По нашему мнению, ОПМ ООН целесообразно исследовать в контексте более широкой сферы международной полицейской деятельности на глобальном уровне. Формируя многонациональные компоненты, ОПМ ООН выступают в качестве наднациональных акторов, в деятельности которых не только распространяются общепринятые в западных обществах подходы и практики, но и генерируется новый опыт международного вмешательства, способный в дальнейшем распространиться по всему миру. С учетом широкого международного представительства и постоянной ротации миротворцев практики полицейской деятельности ООН выходят за рамки конкретных мест развертывания миссий. Мы полагаем, что миротворческие операции в большей степени представляют собой транснациональную систему, позволяющую

осуществлять разнонаправленный обмен теоретическими подходами и правоприменительными практиками. Деятельность миротворцев ООН не только воспроизводит существующие национальные и региональные модели полицейской работы, но и опосредованно формирует универсальную модель полицейской деятельности.

Вместе с тем появление новых задач в сфере миротворчества (например, борьба с транснациональной организованной преступностью) существенно расширяет арсенал силовых (robust) методов работы миротворцев. Дж. Карлсруд отмечает, что переход к силовым действиям в целях поддержания мира и стабилизации предусматривает применение силы не только для самообороны или защиты гражданского населения, но и в поддержку принимающего правительства [20, p. 85—105].

Критический взгляд на структуру и методы работы полицейских контингентов на местах позволяет предположить, что построение нового порядка зачастую порождает «эффект бумеранга», который сопровождается распространением на национальном уровне насилия, связанного с практикой применения силы во имя мира. ОПМ ООН всё чаще отвергают традиционные нормы нейтралитета и беспристрастности, принимая позицию одной из сторон конфликта. Такие непредвиденные последствия должны вызывать серьезные вопросы о природе либерального миропорядка, в современных условиях постепенно уступающего прагматичному подходу в мировой политике [5, с. 40].

По мнению К. Кенкеля, силы ООН вмешиваются во внутренний конфликт во имя защиты прав человека, но при этом именно юридические нормы их обеспечения позволяют узаконить в постконфликтных условиях исключительные меры полицейских полномочий миротворцев, включая применение силы [22, p. 225—227]. Такой подход актуализирует дискуссию о возможности использования миротворческим персоналом стран-участниц полученного опыта в своих государствах, влиянии применяемых миротворцами методов принуждения во имя мира на формирование внутренней безопасности и правопорядка на территории принимающих государств и проецировании этих процессов на наднациональный уровень.

Полицейские, сотрудники жандармерии, а в некоторых случаях и военнослужащие могут использовать полученный в ООН опыт силовых действий при проведении внутренних правоохранительных операций, что чревато рисками милитаризации методов работы на национальном уровне. Наиболее известным примером такой практики является участие бразильских подразделений, которые служили в Гаити, в «умиротворении» фавел Рио-де-Жанейро. Опыт Бразилии не уникален. Так, в 2019 г. южноафриканские военнослужащие применяли приобретенный в миссии ООН в Демократической Республике Конго опыт для поддержки полиции в операциях по борьбе с бандитизмом в Западно-Капской провинции. Мотопехотный батальон Национальных сил обороны Южной Африки численностью 1302 военнослужащих участвовал в патрулировании, обеспечении блокпостов, проведении поисковых операциях [21].

В подобных обстоятельствах опыт миротворчества может быть использован для «обеления» силовых структур, нарушающих права человека во имя справедливой цели. В более широком понимании эта тенденция может привести к ослаблению гражданского контроля над национальным силовым аппаратом, как это произошло, например, в Бангладеш, Фиджи и Непале, активно предоставлявших свой военно-полицейский персонал для ООН [11, p. 524; 15, p. 219—224].

Для ответа на вопрос, насколько опыт ОПМ ООН может быть применим в качестве модели внутренней полицейской деятельности, считаем возможным использовать пример многолетнего миротворческого участия ООН в делах Гаити.

Уроки Гаити как модель «городского миротворчества»

Среди операций ООН именно миссии в Гаити показали значение полицейских мандатов по обеспечению безопасного реформирования и повышения потенциала местной полиции для общего успеха миротворческого процесса.

Рассматривая деятельность девяти разноплановых операций ООН в Гаити, нетрудно заметить, что их мандаты в значительной мере были нацелены на создание институциональных условий для мирного урегулирования споров и предотвращения распространения конфликта [24, p. 121]. Однако количество миссий и их последовательные развертывания свидетельствуют о том, что эта цель не была полностью достигнута из-за нестабильной обстановки в сфере безопасности. После принятия решения о прекращении очередной полевой операции ситуация в Гаити заставляла СБ ООН в кратчайшие сроки одобрить новую международную интервенцию. При этом некоторые операции напрямую имели полицейские мандаты [9, с. 81] и значительную численность подразделений спецполиции.

Исследователи проблем миротворчества отмечают, что достаточно значимых успехов в противодействии организованной преступности и городским бандам удалось добиться Миссии ООН по стабилизации в Гаити (МООНСГ), реализация мандата которой протекала в крайне сложных и недружественных условиях [14, p. 736—738; 16, p. 805—807]. На начальном этапе МООНСГ угрозы в сфере безопасности представляли как вооруженные городские банды и бывшие военнослужащие, так и гаитянская полиция. А. Андреева отмечает, что «после февраля 2004 г. в рядах последней мог оказаться кто угодно, многие из ее членов подозревались в коррупции и неправомерном использовании силы, повлекшем за собой смерть людей» [1, с. 56]. Заметим, что опыт МООНСГ получил неоднозначную оценку в международной среде. С положительной стороны, несомненно, возможно отметить снижение уровня вооруженной преступности в условиях урбанизации [10, с. 180], а также ряд социальных, гуманитарных и инфраструктурных проектов с привлечением международной помощи [2, с. 58; 4, с. 169—170].

Отдельного внимания заслуживает опыт этой миссии в использовании оперативных данных разведки (peacekeeping intelligence) и развитии тактики операций в условиях вооруженных нападений на территории городских кварталов. Этот опыт стал основой практик «городского миротворчества» (urban peacekeeping). В 2006—2007 гг. подготовленные на основании полученных оперативных данных военно-полицейские операции позволили МООНСГ ограничить контроль банд над гаитянскими городами, включая Порт-о-Пренс.

«Полицейское миротворчество» ООН в Гаити было нацелено на обеспечение безопасности гаитянского общества и противодействие городским бандам, которые угрожали существованию государства, его устройству и общественному порядку. Дальнейшие действия ООН по восстановлению функционирования полицейских органов Гаити в определенной мере способствовали созданию условий для обеспечения социального порядка и общественной безопасности. Операции ООН в Гаити подтверждают тезис о том, что полицейская миссия ОПМ ООН в широком смысле заключается в обеспечении внутренней безопасности и порядка и не может ассоциироваться только с борьбой с преступностью. При этом критике подлежат участие миротворцев в сексуальной эксплуатации [23, p. 177—181], ухудшение эпидемиологической обстановки в результате вспышки холеры, а также излишне жесткие силовые действия миротворцев и использование ими летального оружия.

Отметим, что МООНСГ способствовала воспроизводству крайне неравноправного социального порядка в Гаити, санкционируя насилие и принимая агрессивную позицию по отношению к общественным протестам. А. Сотомайор отмечает, что участие силовиков стран Латинской Америки в ОПМ в Гаити существенно расширило арсенал полицейских методов работы, но не привело к трансформации их мышления в направлении либерально-демократических ценностей [26, p. 200]. Тенденция активного привлечения военнослужащих к выполнению полицейских задач («полицеизация» вооруженных сил. — *С. Т.*) в странах Латинской Америки сопровождается «ростом насилия и нарушений прав человека в ходе внутренних операций» [17, p. 533].

Как было отмечено выше, бразильские военнослужащие активно привлекались к проведению операций по борьбе с преступностью. Опыт силовых операций в соответствии с главой VII Устава ООН в бедных районах гаитянского Порт-о-Пренса вызвал требования военного руководства в отношении аналогичных правил применения силы в Бразилии, включая возможность превентивного использования летального оружия. Таким образом, «опыт миссии в Гаити создал у силовиков ожидания, которые вряд ли могут быть согласованы с принципами верховенства права в условиях демократических государств» [18, p. 144].

Опыт МООНСГ является ярким выражением новых тенденций в миротворческой деятельности ООН и может рассматриваться в качестве вероятной модели «городского миротворчества» в условиях социального конфликта криминальной природы. Подтверждением этого тезиса может стать привлечение бразильских силовиков к операциям в

фавелах Рио-де-Жанейро в октябре 2025 г. В правоохранительной операции «Сдерживание» по ликвидации криминальной группировки «Красная команда» приняло участие около 2500 полицейских и военнослужащих. В результате было арестовано более 80 человек, изъято свыше 70 автоматов, десятки пистолетов и несколько гранат. Во время ожесточенных столкновений с применением огнестрельного оружия и дронов погибли не менее 64 человек, включая четырех правоохранителей, что стало самыми крупными потерями в истории региона. Губернатор штата Рио-де-Жанейро К. Кастро, признав, что операция «Сдерживание» вышла за рамки его полномочий, обратился к федеральному правительству с просьбой о более серьезной поддержке со стороны вооруженных сил Бразилии для борьбы с хорошо вооруженными преступными группировками [3].

Заключение

Длительное миротворческое присутствие в Гаити иллюстрирует масштабные процессы трансформации миротворческой деятельности ООН. Один из ключевых выводов предпринятого исследования заключается в том, что тенденция «полицеизации» миротворчества ООН связана с активным применением международных стабилизационных мер принудительного реагирования на широкий спектр внутригосударственных проблем. Миротворческие операции ООН целесообразно рассматривать как транснациональные институты внешнего управления, формирующие наднациональную сферу полицейской деятельности через создание и распространение новых подходов, методов и практик.

В этом смысле полицейская деятельность — не просто логичный ответ на сращивание преступности и внутренних конфликтов. Она вписана в глобальные исторические процессы: в ходе конкретной миротворческой операции ООН рождаются и распространяются опыт и практики, последствия которых дают о себе знать очень быстро.

Вмешательство ООН во внутренние конфликты не только использует существующие подходы и полицейские практики, но и способствует их формированию. Благодаря развитию городского миротворчества полицейские методы и подходы, применяемые на территории постконфликтных государств, постепенно выходят за рамки действий под руководством ООН и распространяются по всему миру, проецируясь на страны, находящиеся вне зоны конфликта, из-за постоянной ротации миротворческого персонала. При этом опыт силовых действий во имя мира не всегда применим к условиям демократических государств, поскольку таит угрозу милитаризации полицейских форм работы на национальном уровне.

Эти системные эффекты, проявившиеся, в частности, в странах Латинской Америки, должны вызвать вопросы о соответствующих компромиссах. Может ли вмешательство для стабилизации в одной стране

проецировать негативные последствия в сфере правоохранительной деятельности в другой стране, связанные с потенциальным ростом нарушений прав человека? Для решения этой проблемы роль миротворческих операций в борьбе с внутренним насилием целесообразно рассматривать вне традиционной бинарности состояний войны (внутреннего конфликта как разновидности гражданской войны) и мира, поскольку приоритетное внимание предотвращению активной вооруженной стадии внутреннего конфликта может отвлечь от проблем ответственности миротворцев ООН за распространение насилия как на международном, так и на национальном уровне.

Список литературы

1. *Андреева А.А.* Миротворческие процессы в Латинской Америке: роль Испании // Латинская Америка. 2019. №12. С. 49—60. EDN: KZKPHP. https://doi.org/10.31857/S0044748X0007340-3.

2. *Борзова А.Ю., Кузьмина А.В.* Подходы Бразилии к урегулированию международных конфликтов // Вестник РУДН. Международные отношения. 2015. Т. 15, №4. С. 56—65.

3. *Власти* Рио-де-Жанейро провели масштабную операцию против бандитов в фавелах // Российская газета. 2025. 29 окт. URL: https://rg.ru/2025/10/29/vlasti-rio-de-zhanejro-proveli-masshtabnuiu-operaciiu-protiv-banditov-v-favelah.html (дата обращения: 10.02.2026).

4. *Мадрис Рито С.А.* Латиноамериканская «мягкая сила» в действии: Бразилия и Чили как столпы МООНСГ (2004—2017) // Конфликтология / Nota Bene. 2025. №4. С. 166—177. https://doi.org/10.7256/2454-0617.2025.4.76924.

5. *Миротворчество* в многополярном мире / под ред. С.А. Бокерия, Д.А. Дегтерева. М., 2024.

6. *Полиция* ООН // ООН. URL: https://peacekeeping.un.org/ru/un-police (дата обращения: 14.02.2026).

7. *Тишков С.А.* Деятельность многокомпонентных миротворческих миссий ООН: современная парадигма, императивы совершенствования : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2011.

8. *Тишков С.А.* Использование потенциала полицейского компонента ООН. Стратегические аспекты // Обозреватель. 2016. №7(318). С. 94—107.

9. *Тишков С.А.* Миротворческое участие ООН в стабилизации обстановки в Республике Гаити в конце XX века // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15, №1. С. 72—86. EDN: LBMYVA.

10. *Тишков С.А.* Опыт и уроки миссии ООН по стабилизации в Гаити (МООНСГ) по сокращению насилия и преступности в процессе формирования основ постконфликтного восстановления // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2017. Вып. 43, №15 (264). С. 175—182.

11. *Adhikari M.* "Discreet dominance": peacekeeping deployments and international security force assistance, and their impact on civil—military relations in Nepal // Defence Studies. 2026. Vol. 26, №3. P. 517—540. https://doi.org/10.1080/14702436.2026.2664460.

12. *Andersen L.R.* Something's gotta give: Security sector reform and United Nations peace operations // African Security. 2012. Vol. 5, №3-4. pp. 217—235. https://doi.org/10.1080/19392206.2012.732894.

13. *Blair R.A.* Peacekeeping, policing, and the rule of law after Civil War. Cambridge, 2020.

14. *Cockayne J.* The futility of force? Strategic lessons for dealing with unconventional armed groups from the UN's war on Haiti's gangs // Journal of Strategic Studies. 2014. Vol. 37, №5. P. 736–769. https://doi.org/10.1080/01402390.2014.901911.

15. *Cunliffe P.* From peacekeepers to praetorians — how participating in peacekeeping operations may subvert democracy // International Relations. 2018. Vol. 32, №2. P. 218–239. https://doi.org/10.1177/0047117817740728.

16. *Dorn A.W.* Intelligence-led peacekeeping: The United Nations Stabilization Mission in Haiti (MINUSTAH), 2006–07 // Intelligence and National Security. 2009. Vol. 24, №6. P. 805–835. https://doi.org/10.1080/02684520903320410.

17. *Flores-Macías G.A., Zarkin J.* The militarization of law enforcement: Evidence from Latin America // Perspectives on Politics. 2021. Vol. 19, №2. P. 519–538. https://doi.org/10.1017/S1537592719003906.

18. *Harig C.* Re-importing the 'Robust Turn' in UN peacekeeping: Internal public security missions of Brazil's military // International Peacekeeping. 2019. Vol. 26, №2. P. 137–164. https://doi.org/10.1080/13533312.2018.1554442.

19. *Hunt C.T.* Rhetoric versus reality in the rise of policing in UN peace operations: "More blue, less green"? // Australian Journal of International Affairs. 2019. Vol. 73, №6. P. 609–627. https://doi.org/10.1080/10357718.2019.1685936.

20. *Karlsrud J.* The UN at war: Peace operations in a new era. N.Y., 2017.

21. *Katzenellenbogen J.* SANDF deployment in Western Cape giving space for politicians and police // DefenceWeb. 2019. 30 July. URL: https://www.defenceweb.co.za/featured/sandf-deployment-in-western-cape-giving-space-for-politicians-and-police/ (дата обращения: 08.02.2026).

22. *Kenkel K.M.* Stability abroad, instability at home? Changing UN peace operations and civil–military relations in Global South troop contributing countries // Contemporary Security Policy. 2021. Vol. 42, №2. P. 225–240. https://doi.org/10.1080/13523260.2021.1883276.

23. *Lee S., Bartels S.* "They put a few coins in your hand to drop a baby in you": A study of peacekeeper-fathered children in Haiti // International Peacekeeping. 2020. Vol. 27, №2. P. 177–209. https://doi.org/10.1080/13533312.2019.1698297.

24. *Ortega García D., Yepes Hernández C., Mesa Bedoya J.C.* Haití: la gestión de su crisis bajo el mandato de la ONU // Revista Científica General José María Córdova. 2024. Vol. 22, №45. P. 109–131. https://doi.org/10.21830/19006586.1218.

25. *Pingeot L.* Police peacekeeping: The UN, Haiti, and the production of global social order. Oxford, 2023.

26. *Sotomayor A.C.* The myth of the democratic peacekeeper: Civil-military relations and the United Nations. Baltimore, 2014.

27. *UN* Peacekeeping. 70 years of service and sacrifice // UN. URL: https://peacekeeping.un.org/en/un-peacekeeping-70-years-of-service-sacrifice (дата обращения: 02.06.2022).

Об авторе

Сергей Александрович Тишков — канд. полит. наук, доц., заместитель начальника кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, Орел, Россия.

SPIN-код: 3391-1028

ORCID: 0000-0003-0406-0900

E-mail: stishkov@list.ru

S.A. Tishkov

THE 'POLICISATION' TREND IN UN PEACEKEEPING: FROM CONCEPT TO PRACTICE

V.V. Lukyanov Law Institute in Orel under the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Orel, Russia
Received 18 March 2026
Accepted 31 August 2026
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-8

To cite this article: Tishkov S.A. 2026, The 'policisation' trend in UN peacekeeping: from concept to practice, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 104—114. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-8.

UN peacekeeping support for maintaining peace and internal security should be regarded as part of a large-scale trend toward the use of international stabilisation measures involving coercive responses to a wide range of intra-state problems — a trend known as the 'policisation' of UN peacekeeping. The UN's turn towards 'policekeeping' is reflected both in the growing number of police contingents deployed to field missions during the early 21st century and in the expanding scope of policing tasks. This study aims to identify the potential effects of projecting coercive practices in the name of peace pursued during stabilisation operations under the UN flag, onto general approaches to peacekeeping and the development of security protocols and rules of engagement in troop-contributing countries. An institutional approach, the case study method and comparative analysis were used to this end. At present, UN peacekeeping operations are essentially a form of international policing, with practices tested during international intervention under the UN flag subsequently disseminating across troop-contributing states. Yet, the acquired experience of coercive actions in the name of peace is not always applicable in democratic states since it leads to the militarisation of policing practices at a national level.

Keywords: UN, peacekeeping, police component, internal security provision, Haiti, Brazil

The author

Dr. Sergey A. Tishkov**,** Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation at Internal Affairs Offices, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia.
ORCID: 0000-0003-0406-0900
E-mail: stishkov@list.ru

УДК 32.019.51:37

А. А. Свистунов

СПЕЦИФИКА И РИСКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Российский новый университет, Москва, Россия

Поступила в редакцию 18.06.2026 г.
Принята к публикации 30.07.2026 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-9

Для цитирования: *Свистунов А. А.* Специфика и риски этнополитической социализации в условиях цифровизации образования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №3. С. 115—129. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-9.

Статья посвящена анализу специфики трансформации этнополитической социализации молодежи в условиях цифровизации образования как ключевого института вторичной социализации. Актуальность исследования обусловлена усилением роли цифровой среды в формировании политических и этнических идентичностей, а также возрастанием значения образовательных институтов в обеспечении межэтнического согласия и устойчивости социально-политических процессов в современной России. Цель исследования состоит в выявлении особенностей и рисков этнополитической социализации молодежи в образовательных институтах в условиях цифровизации, а также определении пределов допустимой политизации этнической идентичности в рамках процессов социализации. Методологической основой исследования выступает конструктивистский подход, в соответствии с которым этничность и ее политическое измерение рассматриваются как мифо-символические конструкты, формируемые в процессе институционально опосредованной коммуникации. В рамках данного подхода социализация интерпретируется как механизм интериоризации социальных конструктов, задающих способы категоризации социальной реальности. В результате показано, что уже присущие вторичной социализации риски воспроизводства стереотипных и конфликтогенных этнополитических конструктов в образовательной среде в условиях цифровизации приобретают иные формы и каналы проявления. Цифровизация образования трансформирует образовательную ситуацию, ролевые позиции участников образовательного процесса и управленческие модели образования, что порождает риски вторичной социализации. Сделан вывод о необходимости содержательной фиксации формируемого этнополитического конструкта и нормативного определения границ политического поведения в цифровой образовательной среде.

Ключевые слова: вторичная социализация, образование, цифровизация, этнополитическая социализация, образовательный институт

© Свистунов А. А., 2026

Введение

2026 год объявлен президентом России Годом единства народов России. Это символическое решение призвано вновь обратить внимание на необходимость консолидации усилий всех органов государственной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества по поддержанию межнационального мира и согласия в нашей стране. Такой подход делает актуальными научные исследования широкого спектра вопросов, среди которых одним из приоритетных является определение специфики этнополитической социализации молодежи в современном цифровом мире.

При этом стоит обратить внимание на важнейший аспект этой проблемы — роль образовательных институтов. Именно этническая социализация как осознание индивидом своей этнической принадлежности, усвоение культурных и языковых норм поведения, приобщение к обрядовой (культовой) стороне жизни, включение в ритуалы и традиции, а также участие в деятельности, направленной на сохранение этнической идентичности и культурной памяти, вполне может происходить (и преимущественно происходит) в рамках первичной социализации. Здесь приоритетное значение имеют семья и ближайшее бытовое окружение индивида. В первичной социализации доминирует усвоение норм и ценностей, паттернов поведения через межличностные отношения. В школах, колледжах и иных учебных заведениях этнополитическая социализация может протекать значительно интенсивнее, чем в вузе, где доминируют академические и профессиональные треки. В неэтнических университетах процессы этнополитической социализации, как правило, не занимают центрального места в образовательной повестке.

Напротив, осознание политического измерения собственного этноса, фиксация этноса как отправной точки разворачивания политического поля и фундаментальной основы политического дискурса происходит по большей части в рамках вторичной социализации. Теперь уже средой самосознания себя как части этноса становится не межличностное взаимодействие: обретение политического измерения этничности вплетается в сложную сеть социальных отношений и институциональных структур, в числе которых приоритетное значение для социализации приобретают институты образования.

Развитие общества на современном этапе характеризуется высокими темпами процессов цифровизации, которые не просто оказывают некоторое влияние на социальный мир, но качественно, на сущностном уровне трансформируют социальные практики [2; 5]. Как отмечают Г. Киссинджер, Э. Шмидт и Д. Хаттенлокер, «цифровая революция породила не просто более мощные или более эффективные версии того, что уже существовало, а принципиально новые явления» [4, с. 5]. Цифровизация приводит, по мнению К. Шваба, к смене социальной парадигмы, полной трансформации того «как мы работаем и общаемся,

самовыражаемся, получаем информацию и развлекаемся» [18, с. 10], в том числе и проходим социализацию в рамках институтов образования. К. Монтаг подчеркивает, что в мире, подвергшемся цифровизации, «люди удовлетворяют свои социальные потребности» при помощи социальных сетей и иных цифровых технологий [7, с. 254]. В полной мере это касается и специфичных форм политической социализации в цифровой образовательной среде [13; 14].

В свете вышесказанного цель настоящего исследования будет заключаться в анализе специфики процессов этнополитической социализации в рамках образовательных институтов в условиях цифровизации общества. Гипотеза исследования предполагает, что выявление специфики этнополитической социализации молодежи в условиях цифровизации институтов вторичной социализации должна диалектически не только раскрыть собственные сущностные характеристики, но и обозначить свои пределы. Политическая социализация этнического аспекта личности не может вести к разрушительным последствиям для общества в силу того, что подобное будет противоречить самой сути социализации. Однако в целом рост распространенности этнического национализма как саморазрушительной формы политизации этнической идентичности, несомненно, выступающий следствием политической социализации индивида в пространстве собственной этничности, демонстрирует, что этот внутренне противоречивый вариант не просто возможен, но и достаточно часто становится реальностью. И в этом отношении специфика, которую задает цифровое поле для процессов политической социализации, крайне интересна для исследования.

Методы

Методологически это исследование опирается на конструктивизм как представление, «согласно которому социальные явления — это своего рода коллективные верования и, в некотором смысле, фантомы, которые возникают и существуют в ходе и за счет по-разному устроенной коммуникации между людьми» [1, с. 14]. В контексте цифровизации образования конструктивистский подход позволяет рассматривать этнополитические сущности как результат пересечения трех типов коммуникативных практик. Во-первых, это институционально организованные практики (образовательные курсы, программы по межнациональному взаимодействию, нормативные документы вуза). Во-вторых, повседневные цифровые коммуникации студентов (общение в социальных сетях и мессенджерах), где этничность и политика проявляются в форме мемов и эмоциональных и оценочных обсуждений. В-третьих, алгоритмические практики («рекомендации» и «пузыри фильтров»), структурирующие информационное поле и задающие рамки видимости этнополитических нарративов. Анализ этих практик позволяет описать механизмы конструирования этнополитических конструктов как своеобразный итог взаимодействия дискурсивных, технологиче-

ских и институциональных факторов. С этих позиций социализация становится механизмом интериоризации социальной реальности «взрослых», которая и состоит из этих самых верований — конструктов, позволяющих успешно категоризировать мир. Такая трактовка социализации позволяет, с одной стороны, продемонстрировать ее важнейшее значение для утверждения межпоколенной устойчивости, а с другой — четко увидеть, что политическое измерение этничности есть конструкт как продукт социализации.

Исследование носит теоретико-аналитический характер и опирается на критический обзор современной отечественной и зарубежной литературы по проблематике цифровизации образования, политической и этнополитической социализации. В качестве эмпирических иллюстраций привлекаются результаты опубликованных исследований.

Результаты и обсуждение

С позиций конструктивизма социализация представляет собой процесс усвоения мифо-символических конструктов, которые позволяют человеку в дальнейшем уверенно категоризировать встречающиеся ему объекты (прежде всего социальные) и, в свою очередь, транслировать конструкты в процессе коммуникации взаимодействующим с ним людям. В этом смысле этнополитическая социализация представляет собой не просто формирование концепта собственной / иной этничности, а осознание этнического конструкта как ядра для политического самоопределения, фундамента политической ориентации и глубинного мотиватора политического действия. Подобная трактовка не отрицает, а, напротив, подчеркивает тот факт, что этническая идентичность сама по себе также выступает продуктом социализации личности [8, с. 274]. Как подчеркивает С.В. Рыжова, фундаментальной основой этнической идентичности как воплощения конструкта этничности выступает осознание индивидом причастности к группе людей своей национальности, эмоциональное отношение к культуре своего народа [12, с. 118—120], но она не имеет публично-властного измерения. Фиксация этничности как элемента политического поля на этом этапе не отмечается. Этнополитическая социализация является более поздним процессом социализации, реализующейся прежде всего за счет агентов вторичной социализации, из числа которых значительный удельный вес приобретают, применительно к рассматриваемому вопросу, институты образования, так как именно «образование является институтом, реализующим все формы вторичной социализации» [6, с. 86].

При этом следует сразу же отметить, что едва ли полностью адекватным будет представление, в рамках которого этнополитическая идентичность есть производная от личностного опыта этнической дискриминации. Дискриминация вполне может быть пусковой пружиной для фиксации этнической основы в политическом пространстве, однако в целом этнополитическая социализация представляет собой скорее поступательный процесс формирования в широком смысле граждан-

ской идентичности, где необходимым элементом является осознание своей этнической принадлежности в публичном пространстве интересов и властных полей, нежели спонтанно возникающее осознание политического измерения собственной этничности под влиянием психоэмоционального комплекса переживаний дискриминации. Этнополитическая социализация становится следствием длительного процесса политической социализации на основе действия вторичных агентов социализации.

Специфика агентов вторичной социализации, прежде всего институциональная, а в современном мире еще и технико-технологическая, оказывает большое влияние на этнополитическую социализацию. Сегодня эту специфику задает цифровизация социальных институтов, систем, процессов. Значительное трансформирующее воздействие цифровизация оказывает и на образование.

Здесь необходимо отметить, что под процессами цифровизации в образовании (прежде всего в системе высшего образования) мы вслед за В.Н. Мининой понимаем «трансформацию учебно-образовательного и управленческого процесса, повседневных социальных практик в системе высшего образования, обусловленную внедрением технологий создания, обработки, обмена и передачи больших массивов информации на небумажных носителях» [Там же, с. 87]. При этом обязательным элементом процессов цифровизации образования выступает его интеграция с информационными ресурсами, что, как мы покажем ниже, оказывает серьезное влияние на специфику осуществления функции социализации, в том числе этнополитической. Помимо этой специфической черты цифровизация, по мнению исследователей, означает также изменение:

— образовательной ситуации;

— ролевых установок и позиций, которые имеются у акторов образовательного процесса;

— самой концептуальной модели образования;

— менеджмента образования как рациональной системы управления образовательными организациями (см. об этом: [Там же]).

При этом цифровизация воздействует как собственно на технологии обучения — передачи знания, формирования умений и навыков, так и на воспитательный компонент образовательного процесса. Результатом описанного воздействия выступает изменение механизма и среды социализации, осуществляемой в рамках образовательных институтов. Наиболее яркое воплощение рассматриваемая черта находит в возможности для обучающегося формировать «индивидуальные образовательные среды, куда могут входить платформы интернета, которые позволяют обучающемуся индивидуально управлять учебным контентом и лично создавать своего рода виртуальный стол» [15, с. 21]. Н.П. Петрова и Г.А. Бондарева идут еще дальше, утверждая, что цифровизация порождает новый тип обучающегося, отличительной чертой которого выступает его сетевая идентификация, к которой приводит изменение общественных ценностей под влиянием цифровых техноло-

гий, социальных сетей и мессенджеров [11, с. 353]. Придерживаясь сходного ракурса в рассмотрении цифровизации образования, отечественные исследователи указывают на то, что хотя цифровые технологии делают возможной виртуальную трансграничную мобильность «и в то же время сами по себе не гарантируют студентам качественного онлайн-обучения и получения ими не только академических знаний, но и социокультурного опыта и умений» [10, с. 44]. Именно на последний аспект следует обращать пристальное внимание в рамках изучения специфики осуществления институтом образования своей функции вторичной социализации в условиях цифровизации.

Рассмотрим последствия заявленных выше специфических аспектов цифровизации образования применительно к социализации личности. Изменение образовательной среды вплоть до формирования индивидуальной образовательной среды имеет своим необходимым компонентом резкое падение уровня авторитета педагога, который из единственно доступного эксперта в классической модели образования превращается в мириады возможных источников информации. Цифровизация делает ничтожным тот социальный капитал, который прежде в ситуации отсутствия доступа к иным источникам информации и к информационному пространству как таковому обеспечивал педагогу приоритетное положение в системе передачи знания.

Как верно отмечает С. Фуллер, эксперт в цифровую эпоху начинает рассматриваться обучаемыми уже не как авторитетный источник информации, но как «узкое место» информационных потоков [16, с. 15]. Претензия педагога на то, что «истинное» знание может дать только и исключительно он, в цифровом образовательном пространстве начинает восприниматься как угроза ограничения информации, как претензия на контроль доступа к альтернативной информации.

Утрата исключительного статуса педагога в образовательной ситуации чревата размыванием содержания социализации. Если ранее педагог за счет своего экспертного статуса обладал гораздо большими возможностями для формирования мировоззренческих и ценностных основ личности обучающегося, то утрата им указанного статуса ведет к тому, что ценностное, мировоззренческое содержание социализации определяется множеством информационных ресурсов социальных сетей и виртуального пространства в целом, создавая угрозы неопределенности.

Применительно к этнополитической социализации мы должны сказать, что в классической модели образования педагог, обладая особым социальным статусом, имел и возможность утвердить в сознании обучающихся политический конструкт этничности. Экспертный статус гарантировал производимому им дискурсу необходимый фундамент властности, который утверждал и легитимировал этот дискурс как доминирующее, «правильное» описание политического измерения этничности. Педагог и в целом система образования могли в этом смысле как продуцировать националистические нарративы (ярким примером

являются арийские теории Третьего рейха или идеи политической сегрегации и дискриминации в США конца XIX — первой половины XX в.), так и формировать конструкт мирного сосуществования народов.

В любом случае существовал конкретный актор, влияющий в силу институциональных характеристик на процесс этнополитической социализации. Цифровизация образования размывает эту прерогативу педагога, но либеральное видение цифрового мира, при котором свободная личность обучающегося сама окажется способной пройти социализацию в условиях открытости и доступности многообразных конструктов политического измерения этничности и его конкретного содержательного наполнения, также ошибочно.

В ситуации полного отсутствия исключительного положения педагога в системе образования этнополитическая социализация, как и социализация вообще, оборачивается неразборчивостью и бессистемным усвоением самых «диких» этнополитических конструктов. Отказ от любых ограничений приводит к преобладанию негативистских моделей этнополитической идентичности, когда отрицание своей близости к иному народу превалирует над позитивным утверждением собственного народа. Иначе говоря, конструкт собственного народа в политическом пространстве не создается. Его место занимают нигилистические попытки опровержения и отторжения чужих конструктов, что приводит к росту нетерпимости и вражды между народами.

Многообразие доступной информации в социальных сетях и виртуальном мире в целом не приводит к тому, что понимание политического измерения своей этничности становится богаче, приобретает более насыщенное содержание. Скорее наоборот, человек теряется в информационном многообразии, его конструкт собственной этничности становится менее четким, ибо теперь и экспертное положение агентов первичной социализации — семьи — также ставится под сомнение. Если педагог не эксперт, то и родители также не обладают особым правом на «истинность» знания о том, что означает этничность. Но этот отказ от доминирующих центров приводит к равнозначности всех дискурсов и конструктов. Как результат, конструкт собственной этничности размывается, доминирующее положение приобретают конструкты «я — не они», «я — не иной этнос», и политическое измерение этничности формируется через конфликтную установку отрицания.

Вторая из заявленных выше специфических черт влияния цифровизации на институт образования — это изменение ролевых установок и позиций, которые имеются у акторов образовательного процесса. Здесь речь идет о превалировании в рамках цифрового пространства горизонтальных социальных связей над вертикальными. Цифровизация ведет к снижению значения иерархичности в передаче информации, а следовательно, и иерархичности как легитимационной модели утверждения этнополитического конструкта. В цифровом пространстве социальных сетей доминируют одноуровневые связи, количество твоих подписчиков или количество подписчиков того блогера, на которого ты подписан, становится определяющим фактором. Количествен-

ное горизонтальное доминирование приводит к тому, что социальные сети сегментируются на достаточно замкнутые социальные сообщества, которые теперь получают право легитимировать социальные конструкты.

Ярким выражением рассматриваемого аспекта выступают так называемые «пузыри фильтров» — термин, введенный Э. Паризером для обозначения особой ситуации, возникающей в результате доминирования горизонтальных связей [9]. Пузырь фильтров формируется прежде всего на основе того круга общения, который есть у пользователя, а также с учетом его действий (поисковых запросов, лайков, комментариев). Алгоритмы социальных сетей адаптируются к такому горизонтальному сообществу и начинают выдавать его членам информацию определенной направленности, которую те распространяют в своей среде. Тем самым социальные сети подстраиваются под конструкт, возникающий в сетевом пространстве, и дают преимущественно ту информацию, которая будет его поддерживать. Противоречащая конструкту информация привела бы к расколу социального сообщества и утрате горизонтальных социальных связей (количественно фиксируемых «друзей», интенсивности их общения — комментариев, лайков, репостов).

В результате пузыри фильтров приводят к формированию конструктов, основания которых не легитимированы знаниями, но при этом их устойчивость гарантируется фильтрами сетевых алгоритмов и сплоченностью социального сообщества на уровне горизонтальных связей. Применительно к этнополитической социализации тот или иной конкретный конструкт не возникает в результате рационального осмысления реальности или теоретико-аналитического освоения объективной реальности во время образовательного процесса, но является результатом присоединения к цифровому сетевому сообществу. В этой среде вероятность пузыря фильтров, замыкающего молодого человека в пространстве разрушительных моделей национализма, равнозначна варианту гармоничной этнополитической ситуации. Сетевая идентификация, на которую указывали Н.П. Петрова и Г.А. Бондарева, не гарантирует того, что у обучающегося сформируется в процессе обучения такой этнополитический конструкт, который не будет иметь разрушительных последствий [11]. Напротив, угроза подобного негативного сценария достаточно велика, ведь цифровая среда обучения, выводя людей в «дистант», пересоздавая сообщества в виртуальном пространстве, по сути, сама способствует возникновению и превалированию горизонтальных связей, в рамках которых алгоритмизированно формируется и поддерживается тот или иной конструкт.

Сформулированные выше теоретические выводы соотносятся с эмпирическими данными о трансформации академической и цифровой идентичности студенчества в условиях цифровизации высшего образования (по понятным причинам новейшие эмпирические кейсы связаны с использованием ИИ). Исследование В.Е. Драча и Ю.В. Торкуновой, основанное на репрезентативном анкетном опросе студентов нескольких

российских вузов, фиксирует доминирование генеративных ИИ-инструментов в образовательной повседневности (пользуются 93 % респондентов, причем 92 % отмечают улучшение успеваемости благодаря активному использованию цифровых сервисов) [3, с. 64—66]. При этом выявляется нормативный разрыв: около трех четвертей студентов хотя бы эпизодически прибегают к ИИ при выполнении учебных заданий, но только четверть опрошенных считает такие практики этичными [Там же, с. 68—69], что указывает на расхождение между повседневными режимами цифровой социализации и устоявшимися академическими нормами.

Дополнительным следствием становится формирование нового типа образовательного неравенства. Алгоритмическая грамотность соотносится с «цифровым капиталом» (термин в развитие концепции символического капитала П. Бурдьё), обеспечивая академически успешным и технологически грамотным студентам устойчивое преимущество. В ином ракурсе, но в той же логике конструирования цифровой идентичности работают выводы С.А. Храпова, С.Е. Крючковой и И.М. Меликова, показывающие, что цифровая идентичность студента становится ключевым медиатором между архитектурой цифровой образовательной среды и формированием ценностно-нормативных установок, включая представления о границах допустимого поведения и о режимах «гуманистичности» этой среды [17]. В совокупности подобные результаты позволяют рассматривать цифровую образовательную среду как значимый фактор трансформации механизмов вторичной социализации, создающий в том числе условия для стихийного формирования и закрепления этнополитических конструктов вне институциональных рамок.

Важные следствия для социализации имеет и то, что цифровизация трансформирует концептуальную модель образования. Советская система образования, а также, с определенными оговорками, и российская система образования до 2011 г. (момента появления Федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения) предполагала направленность образования на получение индивидом знаний, формирование у него умений и навыков. Эти знания, умения и навыки выступали целевыми ориентирами, закрепленными сначала в государственном заказе, а в постсоветский период — в Государственных образовательных стандартах. Важно, что существовало представление о некоем едином базисе, который образование должно дать, а обучающийся обязан усвоить.

Аналогичным образом в этой модели образования действовал и механизм социализации, в рамках которого по ходу образовательного процесса у обучающегося должно было быть сформировано определенное видение мира, создан вполне определенный и ясный концепт тех или иных, применительно к нашему исследованию, аспектов понимания этноса в политическом пространстве и, как следствие, сформированы навыки политической активности в допустимых для политической же системы пределах. Важно подчеркнуть, что в этом подходе сама

по себе концептуальная модель образования ставила пределы допустимого для этноса как конструкта политического пространства. Границы этого пространства жестко обозначали вариации допустимого и недопустимого политического поведения.

Процесс цифровизации образования протекает уже в рамках качественно иной концептуальной модели образования — компетентностной. Здесь место твердого представления о том, какой набор знаний, умений и навыков должен иметь выпускник и, соответственно, понимания того, какой набор конструктов должен быть сформирован у него в процессе вторичной социализации во время образовательного процесса, занимает общая направленность обучения на формирование способности к усвоению знаний, формированию умений и навыков. Образовательные организации получили сравнительно бóльшую свободу в том, что, собственно, они будут преподавать, целевым показателем вместо конкретных знаний стала способность как интегративная характеристика в ее мотивационных, когнитивных, деятельностных и иных аспектах. Такая модель в наибольшей мере отвечала и отвечает особенностям цифрового мира современности, однако вытекающая из нее модель социализации оказалась заведомо нереалистичной. Возникла ситуация, когда образование как социальный институт отказывается от идеи формирования внятного конструкта и ориентируется на подготовку таких специалистов, которые способны в сложной ситуации провести категоризацию самостоятельно, а в типовой ситуации — воспользоваться устоявшимися (базовыми) конструктами, обнаруженными тоже самостоятельно. Однако этот подход оказался во многом иллюзорным. То, что открывало широкие перспективы творчества, на деле обернулось провалом в социализации.

Применительно к рассматриваемой этнополитической социализации обнаружилось, что конструкты политического измерения этноса не формировались вообще. Индивид оказывался перед рисковой реальностью с множеством неопределенных и переменных факторов и, как следствие, становился легкой добычей политических экстремистов и националистов, которые как раз и сводили политическое измерение этноса к «простым ситуациям», в которых они предлагали «типовые решения», ведущие к росту насилия, политической конфликтности и дискриминации.

Подобная концептуальная модель образования, предоставив бóльшие свободы, обернулась тем, что применительно к социализации стерла любые границы, а это заведомо — путь, ведущий к краху социального единства. Этнополитическая социализация, которая происходит в пространстве без обозначения границ допустимого политического поведения и, тем более, приемлемой профессиональной политической деятельности, способна привести только к одному — росту национализма и межэтнической напряженности.

Наконец, последней специфической сферой трансформации образования под влиянием цифровизации выступает управленческая деятельность в области образования. Внедрение цифровых инструментов в

менеджмент образования имеет своим обязательным сущностным компонентом превалирование количественно измеримого показателя полезности той или иной образовательной организации над качественной. При подобном подходе социализация, как и в целом весь воспитательный процесс, трактуется как вторичная функция образования, а потому и его количественные параметры эффективности становятся также вторичными. Более того, такие показатели социализации, как степень и, главное, качественное наполнение, содержание сформированных у обучающихся конструктов, вообще трудноизмеримы. Если показатели эффективности научной деятельности преподавателя еще можно в принципе свести к количественно учитываемым алгоритмами показателям публикационной активности, цитируемости, грантовой активности, а образовательную деятельность — количественно измерять методическими материалами, посещаемостью, оценками привлекательности, постами и репостами в социальных сетях и иными аспектами KPI (ключевые показатели эффективности), то сфера социализации практически неадаптируема под алгоритмизированный менеджмент. Она может быть оценена только по качественным параметрам. Как следствие, цифровизация образования создает угрозу того, что наиболее эффективным будет тот субъект, который достигнет высоких количественных показателей, в наименьшей степени уделяя внимание сферам деятельности, имеющим сугубо качественное измерение, таким как, например и прежде всего, социализация. В этом случае проведение этнополитической социализации заместится совокупностью количественно учитываемых мероприятий воспитательной направленности, качественный эффект которых не будет не только подлежать измерению, но даже вызывать интерес со стороны проводящих их лиц. Так, организация, скажем, «Дня национальной кухни» вполне засчитывается в количественном отношении как мероприятие, направленное на этнополитическую социализацию, но осознают ли все организаторы подобного мероприятия тот этнополитический конструкт, который они во время этого мероприятия формируют, и, более того, ориентированы ли они на фиксацию его содержания, остается непонятным.

Заключение

Проведенный анализ позволяет выявить несколько важных аспектов протекания социализации в рамках цифрового образовательного пространства. Совершенно очевидно, что технико-технологическая трансформация образования под влиянием широкого внедрения цифровых механизмов в деятельность этого социального института приводит к тому, что прежние модели социализации устаревают и оказываются неприменимыми в новых условиях. Процесс социализации в цифровой среде обладает качественно новыми характеристиками, которые следует учитывать. Этнополитическая социализация как частный случай вторичной социализации, протекая в цифровой образовательной среде, открывает новые перспективы для разработки моделей

и механизмов укрепления межнационального единства народов России и формирования устойчивых политических конструктов этничности у индивидов. Однако та же цифровая трансформация и порождает множество серьезных угроз.

Цифровизация, открывающая свободу творчества, основывается на превалировании горизонтальных связей над иерархически ориентированными вертикальными и предполагает устранение исключительного экспертного положения лиц в вопросах передачи знания, формирования умений и навыков, что обусловливает размывание границ формируемых социально-политических конструктов. Мифо-символические комплексы в мировоззрении обучающихся могут возникать в цифровом пространстве бессистемно, иррационально, подпитываясь алгоритмизированной информацией из «пузыря фильтров».

Более того, отказ от модели ясных границ и ориентиров в части того, чему мы должны научить, в пользу формирования компетентностно грамотного человека, угрожает в сфере социализации отказом от твердых конструктов в пользу конструктов призрачных. И здесь возникает высокая опасность формирования разрушительных для общества и самого индивида моделей поведения.

Особую сложность представляет также внедрение цифровых механизмов в менеджмент образовательной сферы, что потенциально несет угрозу снижения внимания к вопросам социализации, чья качественная природа — конкретное содержание конструкта и степень его сформированности — едва ли может быть оценена на основе алгоритмизированных количественных параметров — показателей эффективности. Эффект социализации в образовании должен быть один — здоровое и гармоничное общество, однако оно представляет собой качественный параметр, несводимый без потери сущности к количественно измеримым аспектам.

Применительно к этнополитической социализации высока опасность того, что в «свободном» цифровом пространстве образования социализация обернется призрачным иррациональным мифом этноса в политическом поле, где не будут определены сущностные характеристики самой этничности, ее политического измерения и, главное, пределы допустимого поведения. Подобная модель приведет не к интеграции народов России в единый организм политического сообщества, а к формированию аморфного политического поля потенциальной или реальной этнической конфликтности.

Таким образом, выявление специфики и рисков этнополитической социализации в условиях цифровизации образования реализуется через последовательное описание изменений институциональной позиции педагога, структуры цифровых коммуникаций, а также смены концептуальной модели образования со знаниевой на компетентностную. Совокупность этих изменений формирует новые конфигурации конструирования этнополитических конструктов. Она определяет и поле рисков, которое требует нормативного оформления границ допустимой политизации этнической идентичности в цифровой образовательной среде.

Полученные выводы обладают особенной значимостью сегодня, когда в российском обществе идет обсуждение и даже пилотная проверка новой, суверенной модели образования. В рамках доступных материалов общественных дискуссий достаточно много говорится об отказе от наследия Болонской системы, однако сравнительно мало внимания уделяется купированию тех рисков, которые порождаются цифровизацией института образования. Разрабатываемая суверенная модель образования, вне всякого сомнения, будет реализовываться в цифровой среде, а потому при ее создании важно учитывать те риски, которые цифровизация несет для механизмов вторичной социализации в рамках образования. Этнополитическая социализация, будучи одним из частных случаев вторичной социализации, локализованной в цифровом образовательном процессе, наглядно показывает всю степень угроз, возникающих в том случае, если мы не определимся с границами и содержанием формируемых конструктов.

Список литературы

1. *Варшавер Е.А.* Эволюционная когнитивистика как ресурс для объяснения этнических явлений «после когнитивного поворота» // Пути России. 2025. Т. 3, №1. С. 9—41.

2. *Гришаева С.А.* Социальные трансформации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2020. Т. 26, №1. С. 70—81. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81.

3. *Драч В.Е., Торкунова Ю.В.* Цифровая турбулентность в высшем образовании: ИИ как вызов академической идентичности // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, №4. С. 61—75. https://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-4-61-75.

4. *Киссинджер Г., Шмидт Э., Хаттенлокер Д.* Искусственный разум и новая эра человечества / пер. с англ. К. Ахметова. М., 2025.

5. *Корчак К.И.* Социально-философский анализ трансформации социальных практик в процессе цифровизации общества // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 106, №5. С. 22—27.

6. *Минина В.Н.* Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13, №1. С. 84—101. https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.106.

7. *Монтаг К.* Новые боги: как онлайн-платформы манипулируют нашим выбором и что вернет нам свободу / пер. с нем. Е. Токовининой. М., 2023.

8. *Моторина П.А., Джембек Ю.И., Ефремова А.В., Басалаева Н.В.* Факторы и механизмы формирования этнической идентичности // Перспективы науки. 2022. №10 (157). С. 273—275. EDN: PTXBWI.

9. *Паризер Э.* За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / пер. с англ. А. Ширикова. М., 2012.

10. *Пашков М.В., Пашкова В.М.* Проблемы и риски цифровизации высшего образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, №3. С. 40—57. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-22-3-40-57.

11. *Петрова Н.П., Бондарева Г.А.* Цифровизация и цифровые технологии в образовании // Мир науки, культуры, образования. 2019. №5 (78). С. 353—355. https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-00138.

12. *Рыжова С.В.* Содержание и динамика этнической идентичности в России // Этническое и религиозное многообразие / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М., 2017. С. 108—124.

13. *Самсонова Т.Н.* Практики политической социализации в современной российской школе: состояние, проблемы и векторы развития // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2023. Т. 29, №1. С. 110—126. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-1-110-126.

14. *Соловьев А.И.* Гражданин в потоках цифровизации: коллизии политики и культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. №67. С. 216—230. https://doi.org/10.17223/1998863X/67/19.

15. *Строков А.А.* Цифровизация образования: проблемы и перспективы // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, №2 (31). С. 15—28. https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-2-15.

16. *Фуллер С.* Постправда: знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Смирнова. М., 2021.

17. *Храпов С.А., Крючкова С.Е., Меликов И.М.* Цифровая идентичность и гуманистическая модель цифровой образовательной среды // Вопросы философии. 2024. №7. С. 29—39. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-7-29-39.

18. *Швааб К.* Четвертая промышленная революция / пер. с англ. ; отв. ред. А.В. Меркурьева. М., 2016.

Об авторе

Алексей Александрович Свистунов — канд. юрид. наук, доц., доц. кафедры частного права, Российский новый университет, Москва, Россия.

SPIN-код: 2685-3530

ORCID: 0009-0009-1847-5550

E-mail: svistunov.aa.1@yandex.ru

A.A. Svistunov

DIGITALISATION IN EDUCATION: KEY FEATURES AND RISKS OF ETHNOPOLITICAL SOCIALISATION

Russian New University, Moscow, Russia
Received 18 June 2026
Accepted 30 July 2026
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-9

To cite this article: Svistunov A.A. 2026, Digitalisation in education: key features and risks of ethnopolitical socialisation, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 115—129. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-9.

This article analyses transformations in the ethnopolitical socialisation of youth driven by the digitalisation of education as a key institution of secondary socialisation. This study's relevance stems from the growing role of the digital environment in shaping political and ethnic identities, alongside the increasing significance of educational institutions in maintaining interethnic harmony and sociopolitical stability in today's Russia. The work aims to identify the distinctive features and risks of ethnopolitical socialisation of youth at educational institutions amid digitalisation, as well as to determine the acceptable limits of politicisation of ethnic identity within socialisation processes. The methodological framework of the research

is based on the constructivist approach, which posits that ethnicity and its political dimension are understood as mytho-symbolic constructs formed through institutionally mediated communication. From this perspective, socialisation is interpreted as a mechanism for internalising social constructs that structure and categorise social reality. The study demonstrates that risks inherent in secondary socialisation – specifically the reproduction of stereotypical and conflict-prone ethnopolitical constructs within educational environments – assume new forms and channels of expression through digitalisation. The digitalisation of education transforms the learning environment, the roles of key stakeholders and educational governance models, thereby creating systemic risks for secondary socialisation. It is concluded that a clear conceptual framework for the emerging ethnopolitical construct is urgently required, alongside a normative delineation of the boundaries of political behaviour within digital educational environments.

Keywords: secondary socialisation, education, digitalisation, ethnopolitical socialisation, educational institution

The author

Dr Alexey A. Svistunov, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Private Law, Russian New University, Moscow, Russia.

ORCID: 0009-0009-1847-5550

E-mail: svistunov.aa.1@yandex.ru

УДК 327:81'27(73+510)

М. И. Ведерникова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМИДЖА РОССИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ КИТАЯ И США (НА МАТЕРИАЛАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

Московский международный университет, Москва, Россия
Поступила в редакцию 18.06.2026 г.
Принята к публикации 07.09.2026 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-10

Для цитирования: *Ведерникова М. И.* Сравнительный анализ имиджа России в медиадискурсе Китая и США (на материалах англоязычных СМИ) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №3. С. 130–142. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-10.

*Статья посвящена сравнительному анализу имиджа России, конструируемого ведущими средствами массовой информации США (*The New York Times, CNN, Fox News*) и Китая («Жэньминь жибао»,* China Daily, Global Times*) в 2014–2025 гг. Актуальность исследования обусловлена тем, что в мире происходят серьезные геополитические изменения, СМИ служат главным инструментом конструирования имиджа государства. Цель работы состоит в выявлении ключевых нарративов, лексических паттернов и стратегий репрезентации России в американских и китайских англоязычных СМИ, а также определение их сходств и различий. Методологической основой исследования стали контент-анализ (включая частотный анализ лексем), сравнительный анализ и дискурс-анализ публикаций. Эмпирическую базу составили материалы, отобранные за 2014–2025 гг. Полученные результаты показали, что в американских и китайских СМИ имидж России значительно отличается. Американские СМИ конструируют имидж России как агрессивного, непредсказуемого актора с высокой степенью персонификации. Китайские СМИ, напротив, формируют последовательно позитивный имидж России как стратегического партнера и союзника, акцентируя внимание на сотрудничестве, взаимодействии в сфере энергетики и совместном противостоянии западной гегемонии. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что имидж России в китайских и американских СМИ различается кардинально. Данное расхождение обусловлено глубинными геополитическими и идеологическими факторами, лежащими в основе функционирования западной и восточной медиасистем.*

Ключевые слова: имидж России, медиадискурс, СМИ США, СМИ Китая, сравнительный анализ

Введение

В глобальном мире СМИ стали полноценными участниками международных процессов. Они создают имиджи стран, управляют общественным мнением и напрямую влияют на характер межгосударствен-

© Ведерникова М. И., 2026

ных отношений. Будучи одним из главных акторов мировой политики, Россия находится под пристальным вниманием как западных, так и восточных СМИ. Восприятие России за рубежом складывается из множества противоречивых факторов [4, с. 59—62]. При этом способ подачи информации о стране различается: он определяется политическим контекстом, установками издания и его читательской аудиторией.

Россия использует международные коммуникации для создания и поддержания своего имиджа [11, с. 70]. Также активное развитие кибер-патриотизма способствует продвижению позитивного имиджа страны [7, с. 71]. Имидж государства является ключевым элементом «мягкой силы» (см. об этом: [6]) и важным инструментом информационного противостояния. Во многом он формируется средствами массовой информации [16, с. 129]. В эпоху информационного противостояния политическое руководство западных государств часто следует политике двойных стандартов, скрывает свои истинные цели, прикрываясь лозунгами о демократии, свободе и других «высших целях» (см.: [1, с. 19]).

Поскольку «мягкая сила» играет все более значимую роль в мировой политике, устойчивые образы стран, сложившиеся в общественном сознании, определяют основу для международного взаимодействия [5, с. 89]. Также имидж может выступать инструментом влияния и стратегическим ресурсом [10, с. 132].

Проведение сравнительного анализа восприятия России в медиа двух ведущих мировых держав, США и Китая, соперничество которых усиливается [13, с. 33] (в связи с возрастающим экономическим и политическим влиянием Китая [3, с. 95]) и которые олицетворяют во многом противоположные медиасистемы и ценностные установки, представляется особенно интересным.

Американские СМИ, такие как *The New York Times*, *CNN* и *Fox News*, традиционно транслируют либерально-демократические ценности и формируют негативный имидж России.

Китайские англоязычные издания (*People's Daily Online, China Daily* и *Global Times*), находящиеся под значительным влиянием государственной идеологии, склонны представлять Россию в качестве стратегического партнера и союзника в противостоянии с западным миром.

Различие в конструировании имиджа России (от «врага» до «союзника») в зависимости от выбранного СМИ делает исследование крайне важным. Понимание того, как конструируется имидж России в двух различных культурно-идеологических системах, позволяет не только выявить устойчивые нарративы, но и разработать более эффективные стратегии международной коммуникации.

Также предпринятое исследование направлено на восполнение пробела в системном сопоставлении имиджей России, транслируемых ключевыми СМИ США и Китая, и призвано внести вклад в понимание механизмов формирования международного имиджа государства в глобальном информационном пространстве. Наша цель состоит в выявлении сходств и различий в конструировании имиджа России в СМИ США и Китая.

Методы и материалы

Отбор материалов из выбранных СМИ (табл.) проводился по следующим критериям:

— опубликованы в период с 01.01.2014 по 31.12.2025;

— в публикации упоминается Россия;

— написаны конкретными авторами (журналистами или колумнистами).

Из отобранных материалов, соответствующих этим критериям, было проанализировано 20 % материалов, охватывающих 80 % тематического фрейма.

Для исследования был выбран метод количественного контент-анализа, который позволяет проанализировать дискурс с помощью количественных данных. Семантический анализ текста был выполнен с помощью сервиса «Адвего». Основное содержание отобранных публикаций отражают ключевые слова, выделенные по методике У Цзыпэна [18, с. 12], которые служат навигационными маркерами тематического ядра исследования и обеспечивают системность анализа. Также в исследовании применялись сравнительный анализ и дискурс-анализ публикаций.

Сопоставительный анализ интерфейса сайтов, выбранных СМИ, показал, что дизайн страниц одного и того же издания часто не унифицирован. Например, различаются композиция, цветовая гамма и шрифты. Поиск тоже устроен по-разному: где-то присутствует фильтр по автору, где-то есть только фильтр по ключевым словам.

Эмпирическая база количественного контент-анализа

Страна	СМИ	Сайт
США	The New York Times	https://www.nytimes.com
	CNN	https://edition.cnn.com
	Fox News	https://www.foxnews.com
Китай	People's Daily Online	https://en.people.cn/
	China Daily	https://www.chinadaily.com.cn/
	Global Times	https://www.globaltimes.cn/

Имидж России в средствах массовой информации США

Средства массовой информации США представляют собой сложную многополярную систему, в которой переплетаются не только различные форматы подачи новостей, но и зачастую противоположные идеологические установки. Для составления полной и объективной картины современного американского медиаландшафта недостаточно анализа какого-либо одного издания. Необходим комплексный подход, охватывающий несколько существующих точек зрения.

Совокупное рассмотрение *The New York Times* [24], *CNN* [20] и *Fox News* [21] дает возможность составить целостную картину восприятия международных событий в Соединённых Штатах Америки и трансляции этих событий на внешнюю аудиторию.

В разделе «Мнения» (Opinion) *The New York Times* публикуются статьи самых разных авторов. Это важная площадка для выражения различных точек зрения. Для проведения настоящего исследования были отобраны статьи следующих авторов: Ольга Руденко, Джон О. Бреннан, Джеймс Клэппер, Дана Х. Аллин, Джонатан Стивенсон, Мария Гессен[1], Гленн Хаббард, Кэтрин Вольфрам, Ханна Нотте, Элис Эдвардс, Томас Л. Фридман, Нэнси Старк. Отобранные материалы представляют различные позиции, что позволяет провести репрезентативный анализ дискурса в разделе «Мнения».

В результате частотного анализа корпуса отобранных материалов (рис. 1) выявлено, что наиболее рекуррентными лексемами являются «Russia», «mr», «war», «Ukraine», «Putin». Высокая частотность обращения «mr» объясняется его систематическим использованием в англоязычном дискурсе применительно к российскому президенту (Mr. Putin), а также, в ряде случаев, к президенту США (Mr. Trump).

Рис. 1. Наиболее часто встречающиеся слова в выбранном массиве текста в издании *The New York Times*

Полученные данные свидетельствуют о высокой степени персонификации образа России в американской прессе, где ключевым маркером российской политики становится фигура главы государства. В разделе «Мнения» *The New York Times*, где авторы обладают большей свободой в формулировании оценок, эта персонификация приобретает

[1] Мария Гессен признана российским судом виновной и заочно осуждена по ст. 207.3 УК РФ.

еще более ярко выраженный характер, поскольку позволяет выстраивать нарративы, в которых Россия предстает не как сложная социально-политическая система, а как проекция решений и качеств одного человека.

Выбор CNN обусловлен значительным влиянием СМИ на формирование международного общественного мнения и способностью задавать глобальную информационную повестку, что в академической литературе получило название «эффект CNN» (CNN effect) [2, с. 130]. Под этим термином понимается способность непрерывного потока визуальных новостей оказывать прямое воздействие на процесс принятия внешнеполитических решений, а также формировать восприятие международных событий по всему миру.

Для настоящего исследования в качестве эмпирической базы были взяты материалы, опубликованные в разделе https://edition. cnn. com официального сайта телекомпании *CNN*. Именно в этом разделе публикуются ключевые аналитические материалы, которые транслируют позицию канала на международной арене (рис. 2).

Рис. 2. Наиболее часто встречающиеся слова в выбранном массиве текста в публикациях *CNN*

Доминирование слов «Russian» и «Ukrainian», а также «Russia» и «Ukraine» подтверждает, что основным тематическим фокусом материалов, посвященных России, является российско-украинский конфликт. При этом высокая частотность глагола «said» («сказал», «заявил») указывает на доминирование жанра цитирования и воспроизведения официальных заявлений, что характерно для новостного, а не аналитического дискурса.

Эта лексическая модель свидетельствует о стремлении *CNN* транслировать зарубежной аудитории картину событий, выстроенную вокруг прямых речей политических и официальных лиц, при этом заметен явный акцент на прилагательных «Russian» и «Ukrainian», который усиливает противопоставление сторон конфликта.

Fox News является одним из наиболее влиятельных и идеологически маркированных средств массовой информации в современной медиасистеме США. Выбор данного СМИ в качестве объекта анализа обусловлен его значительным влиянием на формирование внешнеполитических установок.

Для проведения контент-анализа материалов американского телеканала *Fox News* были отобраны публикации следующих авторов: Алекс Нитцберг, Эфрат Лахтер, Андерс Хагстром, Эшли Карнахан, а также других журналистов, регулярно освещающих международную повестку (рис. 3).

Рис. 3. Наиболее часто встречающиеся слова в выбранном массиве текста в публикациях *Fox News*

Частотный анализ корпуса публикаций *Fox News* выявил, что наиболее рекуррентными лексемами являются «Putin», «Russia», «Ukraine», «President» и «Russian». Это распределение позволяет сделать несколько ключевых выводов. Доминирование фамилии «Putin» на первом месте свидетельствует о высокой степени персонификации образа России в дискурсе *Fox News*. Присутствие лексем «Russia» и «Ukraine» в ядре частотного списка подтверждает, что центральным тематическим узлом является российско-украинский конфликт. При этом лексема «Ukraine» занимает позицию, сопоставимую с «Russia», что указывает на равное акцентирование обеих сторон конфликта. Лексема «President», отсылающая как к российскому, так и к американскому президентам, встраивает образ России в более широкий контекст политического противостояния лидеров двух держав. Это характерно для *Fox News*, где внешнеполитическая повестка часто подается через призму бинарной оппозиции «свой — чужой», усиленной институциональным статусом глав государств.

Fox News конструирует имидж России, в котором доминируют три основных элемента: личность президента Владимира Путина, конфликт с Украиной и институциональное противостояние государств.

Несмотря на идеологические различия, все американские СМИ демонстрируют консенсусную стратегию дискредитации (стоит отметить, что антироссийские пиар-кампании проводились в США на регулярной основе [9]). Россия неизменно представлена как агрессивный и непредсказуемый актор, чьи действия подрывают мировой порядок. Часто Россия предстает не как реальная угроза, а скорее как источник раздражения — страна, чьи действия требуют критики, но не воспринимаются как катастрофические для мирового порядка [17].

Центральной фигурой в американском дискурсе является Владимир Путин, что особенно ярко проявляется в *Fox News* (лексема «Putin» на первом месте) и в разделе «Мнения» *The New York Times*. Это формирует у аудитории упрощенное восприятие России как проекции личности ее лидера, редуцируя многомерность образа страны.

Имидж России в средствах массовой информации КНР

Как отмечается в исследовательской литературе, «на сегодняшний день в КНР есть ряд англоязычных сайтов и газет, цель которых — демонстрация мировой общественности "политики партии"» [12, с. 47]. Данные медиаресурсы выполняют важную внешнеполитическую функцию: они не столько информируют международную аудиторию о текущих событиях, сколько транслируют официальную позицию Коммунистической партии Китая, адаптируя ее для западного читателя. Таким образом, англоязычные издания КНР выступают в роли инструмента «мягкой силы», направленного на формирование благоприятного образа страны и легитимацию ее внутриполитического курса в глазах мировой общественности.

В нашем исследовании анализируется имидж России в англоязычных СМИ Китая («Жэньминь Жибао» (официальное англоязычное название — *People's Daily Online* [23]), *China Daily* [19], *Global Times* [22]) в 2014—2025 гг. Установлено, что все три издания формируют консолидированный позитивный имидж России как стратегического партнера и союзника в противостоянии гегемонии Запада. Особое место отводится сотрудничеству лидеров двух стран.

Так, «Жэньминь жибао»— это флагманское издание КНР [14, с. 131] и одно из наиболее влиятельных печатных СМИ в мире. Газета занимает уникальное место не только в медиасреде Китая, но и в системе мировых СМИ, будучи одним из самых авторитетных источников информации о политическом курсе страны, поскольку является официальным печатным органом ЦК КПК, задающим информационную повестку для всех государственных СМИ [15, с. 195].

В этом издании были проанализированы материалы таких авторов, как, например, Чжан Кайвэй (Zhang Kaiwei), Лян Цзюнь (Liang Jun),

Хуан Кэчао (Huang Kechao), Чжун Вэньсин (Zhong Wenxing), Пэн Юйкай (Peng Yukai), Шэн Чуи (Sheng Chuyi). Поиск статей осуществлялся по сайту https://en.people.cn/ через расширенный поиск (Advanced Search).

Наиболее часто встречающиеся слова в корпусе — Russia, China, Ukraine, Russian, said (рис. 4). Анализ авторских материалов китайского государственного издания «Жэньминь жибао» позволяет сформулировать несколько ключевых выводов.

Рис. 4. Наиболее часто встречающиеся слова в выбранном массиве текста в газете «Жэньминь Жибао» (People's Daily Online)

Частотное распределение лексем «Russia», «China», «Ukraine», «Russian» и «said» подтверждает, что основным тематическим фокусом издания остаются международные отношения, в которых Россия и Украина занимают значимое место. При этом присутствие «China» в числе наиболее частотных слов указывает на то, что даже при освещении внешних конфликтов китайское официальное медиа не упускает возможности обозначить собственную позицию и вовлеченность в глобальную повестку. Высокая частотность глагола «said» свидетельствует о доминировании жанра цитирования и пересказа официальных заявлений.

Изучение образа России в «Жэньминь Жибао», главном партийном издании КНР, позволяет выделить несколько устойчивых характеристик. Во-первых, Россия позиционируется как давний друг Китая. Во-вторых, она представлена как союзник в противодействии глобальной гегемонии Запада. В-третьих, особое значение в формировании позитивного образа придается регулярному общению и сотрудничеству лидеров двух стран.

Ежедневная газета *China Daily* — ведущее англоязычное общественно-политическое издание Китая. Для анализа контента в этом СМИ были выбраны материалы, написанные конкретным автором, напри-

мер, журналистом Ду Цзюанем (Du Juan). Поиск статей осуществлялся по сайту https://www.chinadaily.com.cn/ через расширенный поиск (Advanced Search).

Самые часто встречающиеся слова в корпусе — China, said, Russia, energy, gas (рис. 5). Анализ частотного корпуса материалов *China Daily* позволяет сделать следующие выводы.

Рис. 5. Наиболее часто встречающиеся слова в выбранном массиве текста в газете *China Daily*

Доминирование лексемы «China» указывает на реализацию стратегии, направленной на продвижение китайских интересов. Россия, представленная лексемами «Russia» и (в меньшей степени) «Russian», занимает значимое, но подчиненное по отношению к национальной повестке место. Высокая частотность глагола «said» свидетельствует о широком использовании цитирования (не только официальных лиц, но и экспертов). Это характерно для изданий, стремящихся к объективности и фактологической точности. Такой подход позволяет *China Daily* сохранять репутацию надежного источника для зарубежной аудитории, избегая прямых оценочных суждений. Ключевой особенностью этого издания является присутствие в частотном ядре лексем «energy» и «gas».

Ежедневная газета *Global Times* фокусируется на международных событиях, позиционируя себя как рупор китайского общества, транслирующий взгляд из Китая на глобальные процессы. Для анализа были выбраны материалы через расширенный поиск из раздела «Мнение» (Advanced Search, Opinion) таких авторов, как Ху Сицзинь (Hu Xijin), Лю Цянь (Liu Qian), Чжао Минхао (Zhao Minghao), Эдвард Чесноков (Edvard Chesnokov), Андрей Кортунов (Andrey Kortunov), Марва Яхья (Marwa Yahya), Ли Дун (Li Dong), Чжан И (Zhang Yi) и др.

Наиболее часто встречающиеся слова в корпусе — Russia, China, Russian, Moscow, India (рис. 6). Анализ частотного корпуса материалов *Global Times* позволяет сделать ряд выводов о специфике формирования

образа России в этом издании. Доминирование вышеназванных лексем подтверждает, что Россия рассматривается как один из ключевых международных партнеров Китая. При этом присутствие «India» в пятерке наиболее частотных слов свидетельствует о том, что *Global Times* рассматривает международный контекст через призму многополярности, где Россия и Индия выступают важными, но различными по статусу полюсами влияния.

Рис. 6. Наиболее часто встречающиеся слова в выбранном массиве текста в газете *Global Times*

Помимо текстовых материалов, в публикациях *Global Times* часто встречаются политические карикатуры, которые также выполняют функцию оценивания событий на международной арене [8].

Проведенный анализ позволяет заключить, что три ведущих китайских издания, *People's Daily Online* («Жэньминь Жибао»), *China Daily* и *Global Times*, формируют консолидированный и последовательно позитивный образ России, транслируемый на внешнюю аудиторию. Несмотря на разные целевые аудитории, все три СМИ сходятся в ключевых нарративах и работают в едином идеологическом ключе, формируя у читателя представление о России как о надежном партнере, с которым Китай разделяет общие ценности и совместно отвечает на современные вызовы, в том числе противостоит глобальной гегемонии Запада.

Выводы

Проведенное исследование, основанное на контент-анализе ведущих американских (*The New York Times, CNN, Fox News*) и китайских англоязычных СМИ («Жэньминь жибао», *China Daily*, *Global Times*), выявило два принципиально различных подхода к конструированию имиджа России в глобальном медиапространстве в 2014—2025 гг. и позволило зафиксировать фундаментальную биполярность в медиарепрезентации России.

Американские СМИ конструируют имидж враждебного и персонифицированного актора, чья деятельность сводится к участию в конфликте и нарушению международных норм. Китайские СМИ, напротив, формируют имидж союзника и стратегического партнера, делая акцент на сотрудничестве, экономическом взаимодействии и совместном противостоянии однополярному давлению.

Таким образом, восприятие России современной мировой аудиторией оказывается расколотым вследствие глубоких геополитических и идеологических различий между медиасистемами США и Китая, каждая из которых транслирует свою, последовательную и внутренне непротиворечивую, версию реальности.

Список литературы

1. *Беляков Б.Л., Данюк Н.С., Герасимов В.И.* Гибридная политика как новая системная реальность // Общество: политика, экономика, право. 2025. №2. С. 15—23. https://doi.org/10.24158/pep.2025.2.1.

2. *Бисимбаев Т.Р.* Противостояние Д. Трампа и CNN // Дискурс-Пи. 2019. №1 (34). С. 129—135. https://doi.org/10.17506/dipi.2019.34.1.129135.

3. *Большаков С.Н.* Китай и Россия бросают вызов западноцентричной геополитике в Арктике // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2026. №1. С. 86—100. https://doi.org/10.15211/vestnikieran1202686100.

4. *Ведерникова М.И.* Видение имиджа России европейцами с 2000 по 2014 год // Мировая политика. 2023. №3. С. 59—68. https://doi.org/10.25136/2409-8671.2023.3.43445.

5. *Ведерникова М.И.* Новые векторы международного имиджа России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27, №2. С. 89—102. https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-3/89-102.

6. *Го Юйбо.* Нарративы российско-китайского научно-технологического сотрудничества в медиа КНР в 2020—2025 гг. // Ученые записки НовГУ. 2026. №2 (61). С. 334—345. https://doi.org/10.34680/2411-7951.2026.2(61).334-345.

7. *Горбушина О.П.* Позитивный имидж России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, №2. С. 65—75. https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-2/65-75.

8. *Захарова М.В., Киселева Е.Б.* Зооморфные стереотипы в политических карикатурах *Global Times* // Меди@льманах. 2024. №3. С. 86—95.

9. *Костяев С.С.* Имидж России в США: анализ экзогенных и эндогенных факторов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. №2 (18). С. 14—21.

10. *Крюкова Е.П.* Имидж и бренд государства Российской Федерации в условиях современной международной конкуренции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2026. №2-1. С. 131—136. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2026-2-1-131-136.

11. *Кун Мэннань.* Национальный имидж России в китайских социальных сетях (на примере деятельности аккаунта RT в Weibo) // Филология: научные исследования. 2025. №6. С. 69—81. https://doi.org/10.7256/2454-0749.2025.6.73866.

12. *Ли Л.* «Война слов» между Китаем и США, или Пропаганда СМИ КНР и США // Журналист. Социальные коммуникации. 2022. №4 (48). С. 40—49.

13. *Ли Минжуй.* Стратегическое нарративное конструирование в рамках инициативы «Пояс и Путь» как инструмент формирования позитивного имиджа Китая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2026. №1 (862). С. 32—39.

14. *Линь С.* Конструирование имиджа России в газете «Жэньминь жибао» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. №3 (66). С. 130—140. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/130-140.

15. *Го Лицзюнь, Чжан Цзяхуэй.* Россия в официальной прессе Китая: новостной дискурс «Жэньминь жибао» // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. №2. С. 193—204. https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-2-193-204.

16. *Нурбагомедова З.Р.* Медиаобраз России в зарубежных СМИ в контексте специальной военной операции // Вестник ВУиТ. 2024. №2 (44). С. 128—136.

17. *Туркин И.А.* Символ «ядерная война» в современных СМИ России и США: сравнительный анализ // PolitBook. 2026. №1. С. 87—100. https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-1-87-100.

18. *У Цзыпэн.* Библиометрический анализ современного состояния исследований китайско-российских отношений в Китае // Восточная Азия: факты и аналитика. 2026. Т. 8, №1. С. 6—23. https://doi. org/10.24412/2686-7702-2026-1-6-23.

19. *China* Daily. URL: https://www.chinadaily.com.cn/ (дата обращения: 17.05.2026).

20. *CNN*. URL: https://edition.cnn.com (дата обращения: 07.03.2026).

21. *Fox* News. URL: https://www.foxnews.com (дата обращения: 02.04.2026).

22. *Global* Times. URL: https://www.globaltimes.cn/ (дата обращения: 23.04.2026).

23. *People's* Daily Online. URL: https://en.people.cn/ (дата обращения: 05.04.2026).

24. *The New* York Times. URL: https://www.nytimes.com (дата обращения: 07.06.2026).

Об авторе

Мария Игоревна Ведерникова — ст. преп., кафедра рекламы и связей с общественностью, Московский международный университет, Москва, Россия.

SPIN-код: 1114-4466

ORCID: 0000-0002-6216-3767

E-mail: maria.vedernikowa@yandex.ru

M.I. Vedernikova

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIA'S IMAGE IN CHINESE AND US ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE

Moscow International University, Moscow, Russia
Received 18 June 2026
Accepted 7 September 2026
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-10

To cite this article: Vedernikova M.I. 2026, Comparative analysis of Russia's image in Chinese and US English-language media discourse, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 130—142. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-10.

This article provides a comparative analysis of the image of Russia as constructed by leading mass media outlets from the USA (The New York Times, CNN *and* Fox News) *and China* (People's Daily, China Daily *and* Global *Times*) *between 2014 and 2025. The significance of this study stems from the profound geopolitical shifts currently unfolding in the world, with the media serving as the main tool for projecting images of states. This work aims to identify key narratives, lexical patterns and strategies in representing Russia in the American and Chinese English-language media, as well as to determine their similarities and differences. Methodologically, the study employs content analysis – incorporating lexical frequency analysis – alongside comparative and discourse analyses of the selected publications. The empirical database comprises materials compiled for the period from 2014 to 2025. The findings demonstrate a considerable difference in the images of Russia as seen in the US and Chinese media. While the US media construct the image of Russia as an aggressive, unpredictable actor and rely extensively on personification, the Chinese media form a consistently positive image of the country as a strategic partner and ally, focusing on cooperation, interaction in the energy sector and joint opposition to Western hegemony. It can be concluded that US and Chinese media differ markedly in their presentation of the image of Russia. This divergence stems from profound geopolitical and ideological factors underlying the operation of Western and Eastern media systems.*

Keywords: Russia's image, media discourse, US media, Chinese media, comparative analysis

The author

Maria I. Vedernikova, Senior Lecturer, Department of Advertising and Public Relations, Moscow International University, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0002-6216-3767

E-mail: maria.vedernikowa@yandex.ru

УДК 321.02:004.9(981+983)

Э. И. Авзалова

ЦИФРОВЫЕ ФОРМЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТА: ОПЫТ БРАЗИЛИИ И ЧИЛИ

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
Поступила в редакцию 17.02.2026 г.
Принята к публикации 19.05.2026 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-11

Для цитирования: *Авзалова Э. И.* Цифровые формы участия граждан в деятельности парламента: опыт Бразилии и Чили // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №3. С. 143—154. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-11.

*Рассмотрены цифровые платформы парламентов Бразилии (*e-Cidadania, e-Democracia*) и Чили (*Congreso Virtual*). Основной исследовательский фокус направлен на выявление цифровых форм участия граждан в деятельности парламента. На основе исследования сформулированы выводы о политических последствиях цифровизации парламентов Бразилии и Чили, которые проявляются в формировании новой модели гражданской активности, опирающейся на принципы народовластия. Контент-анализ платформ парламентов Бразилии и Чили позволил определить ключевые цифровые формы участия граждан в деятельности парламента — инициирование законодательных инициатив, проведение голосований, организация опросов и дебатов, механизмы обратной связи с парламентариями. Результаты сравнительного анализа демонстрируют, что в Бразилии и Чили прошли апробацию цифровые инструменты вовлечения граждан в законотворческий процесс. Несмотря на общность целей цифровизации парламентской деятельности, подходы к ее реализации различаются, что обусловлено спецификой развития платформ. В рамках чилийской модели наблюдается эволюция платформы от информирования к диалоговым форматам, что формирует культуру аргументированного обсуждения. Для бразильской модели больше характерна изначальная ориентация на многоаспектный диалог и практику коллективного законотворчества.*

Ключевые слова: цифровизация парламента, электронная демократия, электронное участие, парламент Бразилии, парламент Чили

Введение

Включение граждан в процесс принятия решений — один из наиболее важных индикаторов демократии. Открытость системы к гражданским инициативам обеспечивает эффективность процесса принятия политико-управленческих решений.

© Авзалова Э. И., 2026

Цифровизация создает новые возможности для широкого вовлечения граждан в политические процессы. Активное использование цифровых технологий позволяет расширить количество участников обсуждения проектов решений, дает гражданам возможность выступать с инициативами, создает инструменты контроля за принятыми решениями.

Во многих государствах цифровые технологии успешно внедряются в деятельность органов государственной и муниципальной власти. Модернизация политических институтов, требования открытости политического процесса и включение в процесс принятия решений множества граждан делают цифровые технологии востребованными и значимыми инструментами деятельности органов власти. Развитие цифровых технологий и «перенесение» гражданских инициатив в онлайн-формат позволили оперативно получать предложения и обратную связь от широкой общественности. Пандемия COVID-19 и долгий период социальной изоляции в еще большей степени актуализировали обращение к цифровым платформам. Особую значимость приобрело использование цифровых платформ в деятельности парламентов, так как органы законодательной власти — это фундамент правого государства, обеспечивающий верховенство закона и учет мнения общества при принятии решений.

Следует отметить, что исследование цифровых форм участия граждан в политическом процессе — один из наиболее разработанных аспектов проблематики Интернета и политики. Однако применительно к парламентам латиноамериканских стран этот вопрос изучен слабо. Кейсы этой группы стран представляют особый исследовательский интерес, поскольку демонстрируют устойчивый рост показателей цифровизации экономики и политики, а сами государства занимают ведущие позиции в рейтингах цифровизации политических институтов. Согласно отчету «Цифровой трансформации Латинской Америки», уровень проникновения интернета в Латинской Америке достиг 88 % населения, что сопоставимо с США (91 %) и Китаем (76 %) [4]. Среди стран региона лидирующие позиции по уровню развития цифровых технологий занимают Бразилия и Чили, что подтверждается их высокой позицией в рейтинге развития электронного правительства [5]. Изучение практик латиноамериканских стран полезно для других государств, в том числе для России. Исследователи отмечают, что обмен опытом и сотрудничество между органами власти и управления в сфере информационных технологий может обеспечить благоприятные возможности для выхода российских разработок на латиноамериканский рынок [6, с. 106].

Методы

В научном дискурсе представлены разные исследовательские подходы к изучению цифровизации политики. Среди них выделяется концепция совместного творчества в государственном управлении [7, с. 30]. «Совместное творчество» предлагается понимать как «сотворче-

ство», или процесс «применения практик совместного производства как инструментов для решения проблем гражданского общества» [Там же]. Приоритет государства как поставщика услуг — не столько привлечение ресурсов граждан для производства общественных благ (сопроизводство), сколько их вовлечение в процесс принятия решений (сотворчество) [Там же, с. 31].

Как отмечают исследователи, для совместного создания благ государство обладает ресурсами, а гражданское общество и частный сектор — идеями и мотивацией [Там же, с. 32]. Объединение возможностей всех участников дает максимальный эффект. Так, «Граждане в процессе совместного создания благ могут выполнять следующие функции: 1) обнаруживать и сообщать о беспокоящих их проблемах; 2) генерировать и предлагать идеи (на уровне концепций) по решению обозначенных проблем; 3) разрабатывать конкретные проекты для устранения проблем; 4) продвигать и распространять подготовленные решения среди граждан» [Там же]. Исследователи справедливо отмечают, что цифровизация значительно расширяет спектр инструментов, используемых государственными органами для вовлечения граждан в процесс совместного производства благ. Это могут быть онлайн-форумы, социальные сети, цифровые платформы [Там же]. Концепция «сотворчества» представляется адекватным инструментом для осмысления взаимодействия граждан и органов власти в условиях цифровизации политики.

В статье проводится анализ цифровых платформ парламентов Бразилии и Чили. Цель исследования состоит в выявлении цифровых форм участия граждан в деятельности парламентов Бразилии и Чили. В качестве основного метода использован контент-анализ цифровых платформ *e-Cidadania*, *e-Democracia* (Бразилия) и *Congreso Virtual* (Чили), дополненный сравнительным анализом полученных данных.

Результаты и обсуждения

Цифровизация политических институтов и процессов определяется рядом факторов, которые имеют свою специфику в разных странах и связаны с развитием технологий, демографическими изменениями в обществе, государственной политикой, нормативной базой, экономическими возможностями. Так, в некоторых странах цифровизации способствовали частые выборы (как в Швейцарии), в других — сложная система подсчета голосов (Бельгия, Нидерланды) [1, с. 47]. Часто стимулирующим фактором выступают низкие показатели явки на выборах. В качестве важных факторов цифровизации деятельности парламентов Бразилии и Чили можно отметить низкий уровень доверия населения к государственным институтам и недостаточную укорененность демократических традиций [2, с. 126].

Необходимо констатировать, что законодательный процесс представляет собой сложную процедуру, требующую от участников владения специализированными знаниями и навыками. Можно согласиться

с Т.А. Васильевой: цифровизация позволяет гражданам и экспертам предлагать решения социально-политических проблем, опираясь на жизненный или профессиональный опыт, и объединять их усилия с работой парламентариев [Там же, с. 127]. Это способствует разработке законов, отражающих запросы общества, обеспечивает прозрачность и открытость законотворчества, позволяет повысить его легитимность [8, p. 276]. Таким образом, реализуется концепция совместного творчества — создание нормативно-правовой базы, которая основана на учете мнений всех групп общества — рядовых граждан, институтов гражданского общества и экспертных групп, государственных органов.

«Электронная демократия» и «Электронное гражданство» в Бразилии

Бразилия является одним из лидеров цифровой трансформации парламентов не только в регионе, но и в мировом масштабе. Цифровые платформы интегрированы в законодательный процесс и активно используются депутатами и сенаторами Национального конгресса. Палаты парламента Бразилии развивают собственные сайты — *e-Democracia* Палаты депутатов и *e-Cidadania* Сената Бразилии.

Сайт *e-Democracia* представляет собой многофункциональный интернет-портал, где представлен наиболее полный объем информации о деятельности парламента. Платформа запущена в 2009 г. и призвана наладить диалог между гражданским обществом и законодательной властью [10]. На сайте отмечается, что миссия портала — обеспечение всестороннего доступа к информации о деятельности законодательной власти и содействие активному участию граждан в демократических процессах. Удовлетворенность пользователей выступает ключевым стимулом для дальнейшего совершенствования реализованных решений [22].

Функционал платформы включает интерактивные опросы, дискуссионные форумы и инструменты для совместной работы. На главной странице сайта представлено несколько вкладок с основными инструментами цифрового участия граждан: «Голосование в опросе», «Участие в дебатах», «Получение услуги», «Отслеживание законодательных предложений или получение информации о деятельности депутата».

Инструмент «Голосование в опросе» позволяет интернет-пользователям выразить свое мнение относительно законодательного предложения — отметить его сильные и слабые стороны либо поддержать позицию других участников. Для исходного текста и последующих правок предусмотрены отдельные опросы, поэтому перед голосованием рекомендуется внимательно ознакомиться с материалами [14].

На сайте размещена информация о реализации законодательных инициатив. Граждане вправе вносить законопроекты в Палату депутатов посредством народной инициативы. В соответствии с положениями федеральной Конституции для этого необходимо собрать подписи не

менее 1 % избирателей страны не менее чем в пяти штатах. В каждом штате требуется не менее 0,3 % подписей от общего числа местных избирателей [23].

«Интерактивные дебаты» — это цифровой инструмент для организации общественных обсуждений. Пользователям предоставляется возможность вносить предложения в виде вопросов к участникам мероприятия и выражать поддержку вопросам, инициированным другими пользователями. Приоритетность рассмотрения вопросов определяется количеством отданных за них голосов: вопросы с максимальным числом голосов имеют повышенные шансы быть озвученными председателем собрания [13].

Цифровая платформа позволяет отслеживать законодательные предложения и получать актуальную информацию о его статусе, включая рассмотрение в комитетах и на пленарных заседаниях, внесение в повестку голосования, назначение докладчика и др. Также можно отслеживать все новости по выбранной теме или получать сводку о деятельности депутата — внесенных законопроектах, выступлениях и т. д. [21].

Палата депутатов также внедрила платформу интеллектуального анализа *Ulysses*. Это инструмент, основанный на технологиях искусственного интеллекта и машинного обучения и способный обрабатывать большие массивы документов и данных. С 2018 г. граждане могут анонимно голосовать и оставлять комментарии к законопроектам. Для эффективной обработки массовых обращений (до 30 тыс. комментариев по одному законопроекту) система *Ulysses* применяет алгоритмы обработки и проводит комплексный анализ обратной связи с выделением позитивных и негативных аспектов законопроекта [10].

В 2012 г. Сенат Бразилии запустил онлайн-портал *e-Cidadania*, нацеленный на расширение участия граждан в законодательной, бюджетной, надзорной и представительской деятельности. Основными задачами платформы являются повышение уровня гражданской вовлеченности в деятельность Сената и совершенствование механизмов обратной связи между сенаторами и избирателями [Ibid.]. С 2015 по 2020 г. платформой воспользовались 40 млн чел., то есть около 20 % всего населения Бразилии и 30 % местных интернет-пользователей [Ibid.]. Портал включает четыре раздела («Законодательная идея», «Консультации с общественностью», «Интерактивное мероприятие», «Законодательная мастерская») и отличается удобством использования — содержит краткие описания всех цифровых инструментов и предоставляет открытый доступ к данным для заинтересованных пользователей.

Инструмент «Законодательная идея» позволяет создавать и поддерживать законодательные инициативы. По информации, опубликованной на сайте, 56 инициатив стали законопроектами и поправками к законам [18]. Законодательные инициативы, получившие 20 тыс. голосов за 4 месяца, передаются в Комитет по правам человека и участию в законодательной детальности, где оформляются в виде законодательных предложений [15].

Форма «Консультации с общественностью» позволяет зарегистрированным в системе интернет-пользователям высказывать свое мнение о законопроектах, находящихся на рассмотрении в Сенате. В рамках «Консультаций с общественностью» было рассмотрено более 14 тыс. предложений, в голосованиях приняло участие более 15 млн чел., зарегистрировано более 36 млн голосов [12].

«Интерактивное мероприятие» — инструмент, позволяющий интернет-пользователям принять участие в обсуждениях, задавая вопросы и оставляя комментарии. На сайте отмечается, что отправлять вопросы можно не только до, но и во время мероприятий. Выступающие могут ответить на вопросы в прямом эфире. Во вкладке также есть календарь интерактивных мероприятий [17].

«Законодательная мастерская» — это инициатива, созданная в 2020 г. и направленная на вовлечение учащихся начальной, средней и старшей школы, а также участников программ инклюзивного образования в законодательный процесс. Ее задача — стимулировать обучающихся к осмыслению социальной реальности и выработке идей, которые могут быть оформлены в законопроекты и впоследствии приняты в качестве законов [16].

В условиях начала пандемии COVID-19 Департамент информационных технологий и телекоммуникаций Палаты депутатов осуществил адаптацию приложения *Infoleg*, которое предоставляло информацию о текущей парламентской сессии как депутатам, так и широкой общественности. Это способствовало росту заинтересованности депутатов в цифровых инновациях и повысило их готовность принимать связанные с ними риски [10]. Отмечается, что благодаря существенным инвестициям в развитие цифровой инфраструктуры Палата депутатов и Сенат могут работать как полностью цифровой парламент [Ibid.].

Важным инструментом обеспечения открытости законотворческой деятельности выступают общественные телеканалы палат парламента. В 1998 г. запущен телеканал *TV Câmara*, который ведет круглосуточную трансляцию работы Палаты депутатов. С 1996 г. функционирует общественный канал Сената *TV Senado*. Обе палаты ведут свои интернет-каналы.

Таким образом, в Национальном конгрессе Бразилии активно используются цифровые платформы. Последовательно сопровождая законотворческий процесс в обеих палатах парламента, цифровые инструменты расширяют каналы и формы участия граждан в деятельности парламента, выступают площадками для конструктивного диалога между гражданским обществом и властью.

Цифровые платформы Бразилии демонстрируют ощутимые достижения, однако сохраняется ряд нерешенных вопросов. Прежде всего, онлайн-участие граждан в политической жизни ограничивает цифровой разрыв, который проявляется в неравномерном доступе к Интернету и различиях в уровне цифровой грамотности населения разных регионов. Угрозы кибератак и распространение дезинформации также подрывают доверие пользователей к цифровым платформам [11].

«Виртуальный конгресс» Чили

В Чили также наблюдается активное использование цифровых платформ как инструментов коммуникации парламентариев и граждан. В 2003 г. в стране запущен интернет-сервис *Congreso Virtual*. На сайте отмечается, что это онлайн-система, созданная для участия общественности в деятельности парламента. Изначально предусматривалось использование сайта для информирования общественности. Однако в 2018 г. сайт был доработан, а его возможности расширились до полноценной платформы для взаимодействия граждан и власти.

Аппарат парламента публикует на сайте информацию по рассматриваемым законопроектам, которые выносятся на общественное обсуждение. На платформе зарегистрировалось более 150 тыс. граждан, за шесть месяцев 2022 г. на сайте опубликовано 25 законопроектов и 7 вопросов для общественного обсуждения. По итогам общественного рассмотрения проектов решений от граждан могут поступать десятки и даже сотни предложений, которые анализируются и сводятся в отчеты сотрудниками парламента, после чего рассылаются сенаторам. Платформа позволяет эффективно координировать работу обеих палат парламента и оперативно предоставлять единую информацию для работы членов парламента и граждан [24].

На портале представлено три инструмента для вовлечения граждан в законотворческий процесс — «Законопроекты для голосования», «Общественные консультации», «Законодательные предложения», для доступа к которым на портале необходимо зарегистрироваться [19].

Инструмент «Законопроекты для голосования» дает гражданам возможность участвовать в онлайн-опросах и выражать свое мнение по законопроектам, которые находятся на рассмотрении в Национальном конгрессе Чили. Данные законопроекты можно найти на главной странице сайта платформы *Congreso Virtual*. Там же приведены законопроекты, обсуждения по которым прекратились, однако на сайте можно ознакомиться с их содержанием и распределением голосов. Также можно перейти на страницу с вкладками, где перечислены вопросы по законопроекту, так как сам текст законопроекта представляется интернет-пользователям в упрощенной форме в виде нескольких вопросов. Есть вкладки, которые позволяют ознакомиться с комментариями пользователей, статистикой анализа голосов по законопроекту и заключительным отчетом. Через механизм «Общественные консультации» пользователи могут оставлять комментарии к рассматриваемым предложениям. Через инструмент «Законодательные предложения» можно ознакомиться с имеющимися гражданскими инициативами или зарегистрировать свой проект [20]. Если инициатива наберет не менее 100 подписей, она размещается на портале *Congreso Virtual*, и его обсуждение продолжается [9, p. 29]. Кроме того, следует отметить удобный интерфейс портала и доступное изложение материалов по законопроектам, что упрощает процесс участия граждан в законотворческой деятельности. Таким образом, цифровые инструменты участия граждан в законо-

творческом процессе Чили обогащают законодательный процесс, делают прозрачным процесс принятия решений и позволяют учесть разные точки зрения при разработке законопроектов.

Несмотря на инновационный подход, проект *Congreso Virtual* подвергается обоснованной критике. Отмечается, что платформа не может полноценно решить проблему цифрового неравенства и охватить мнение жителей отдаленных регионов. Также нельзя однозначно оценить степень эффективности цифровых практик и учет мнения общественности при принятии решений. К тому же платформы требуют постоянного улучшения своих модулей [24]. Кроме того, как отмечает Т. А. Васильева, значительную роль в активности интернет-пользователей играют не только личные мотивы, но и освещение вопроса в медиапространстве, а еще одним серьезным препятствием для развития проекта оказалось пассивное отношение сенаторов — они не проявляли заинтересованности в его развитии [2, с. 131].

Выводы и дальнейшие перспективы исследования

Цифровые технологии создают условия для консолидации усилий всех участников процесса принятия решений и совместной выработки общественно значимых результатов. Анализ практик Бразилии и Чили дают основание говорить о нескольких ощутимых эффектах цифровизации парламентов для политики. Как отмечает О. И. Зазнаев, цифровые формы участия граждан в деятельности парламента (онлайн-петиции, обращения, обсуждения законопроектов) бросают вызов традиционному принципу верховенства парламента. В отдельных случаях граждане могут принимать решения еще до их парламентского рассмотрения, что ведет к перераспределению полномочий. Развитие прямых форм электронной демократии приводит к ослаблению традиционного института политического представительства, посредническая функция парламента постепенно утрачивает значимость ввиду появления у граждан инструментов непосредственного воздействия на законотворческий процесс. Социальные сети и онлайн-форумы превращаются в альтернативные площадки для политических дискуссий, оттесняя парламент с позиции единственного центра обсуждения ключевых государственных вопросов. Цифровые технологии позволяют гражданам самим критиковать и контролировать власть, что ослабляет роль парламентской оппозиции. Электронные каналы трансформируют формы и механизмы коммуникации между депутатами и избирателями [3, с. 37]. Можно сказать, что цифровизация законодательной деятельности парламентов Бразилии и Чили способствует становлению новой формы гражданской активности, укорененной в принципах народовластия.

Цифровые платформы парламентов Бразилии и Чили открывают технологические возможности для участия граждан в законодательной деятельности. Все инструменты рассмотренных цифровых платформ способствуют развитию политического участия в онлайн-формате и создают возможности для влияния граждан на процесс принятия поли-

тических решений. Инструменты «Голосование в опросе», «Консультации с общественностью» (Бразилия) и «Законопроекты для голосования» (Чили) позволяют вовлекать граждан в законодательный процесс и влиять на принимаемые законопроекты. Механизмы «Интерактивное мероприятие», «Участие в дебатах» (Бразилия) и «Общественные консультации» (Чили) позволяют участвовать в совещаниях, организуемых парламентом, стимулируют общественные обсуждения и дают возможность обмениваться мнениями. «Законодательная идея» (Бразилия) и «Законодательные предложения» (Чили) дают возможность гражданам вносить собственные инициативы или голосовать за предложения других участников, что способствует совершенствованию законодательства.

Контент-анализ платформ Бразилии и Чили обусловил вывод о представленности в обеих странах цифровых форм участия граждан в деятельности парламента — инициирования и одобрения законопроектов, проведения голосований, организации опросов и дебатов, функционирования механизмов обратной связи с парламентариями. При этом траектории развития платформ в двух странах различаются. В Чили акцент на гражданские коммуникации через обсуждения, обмен аргументами и механизмы совместного принятия решений начал формироваться с 2018 г., до этого приоритетом было информирование граждан о порядке разработки и принятия законов. Цифровая платформа Палаты депутатов Бразилии с самого начала своей работы целенаправленно выстраивала систему разнообразных каналов диалога через общение граждан друг с другом и взаимодействие граждан с депутатами [2, с. 138]. Таким образом, если чилийская модель эволюционировала от информирования к коммуникации с гражданами и формировала культуру аргументированного обсуждения, то бразильская изначально строилась как площадка для многогранного диалога и развивала практику коллективного законотворчества.

При сравнительном анализе цифровых платформ наблюдаются существенные расхождения в дизайнерском решении и наполнении сайтов. Портал *e-Cidadania* Бразилии обладает следующими функциональными преимуществами: удобство эксплуатации, наличие лаконичных описательных характеристик для каждого цифрового инструмента, обеспечение открытого доступа к данным о деятельности парламента. В свою очередь, *e-Democracia* Бразилии предлагает расширенный функционал и значительный объем информации о парламенте, однако эта насыщенность усложняет восприятие и повышает риск дезориентации в интерфейсе. Портал *Congreso Virtual* Чили, напротив, отличается удобством и доступностью, что способствует более активному вовлечению граждан в законотворческий процесс.

Научные дискуссии о роли цифровых технологий в деятельности законодательных органов продолжаются. Отдельные аспекты данной проблематики требуют существенной методологической и теоретической разработки — такие, в частности, как механизм и масштабы реального влияния граждан на процесс принятия решений посредством цифровых платформ и динамика изменений законодательства в усло-

виях цифровизации. Участие граждан ограничивается стадиями инициирования и обсуждения проектов решений, однако цифровые платформы не наделяют их действенными механизмами контроля за исполнением принятых решений, сохраняя данную функцию за парламентом. Основным вызовом цифровизации парламентской деятельности является риск превращения технологических инноваций в «демократический фасад», не обеспечивающий полноценной реализации потенциала цифровых платформ в политике.

Конечно, цифровые платформы не инициируют политические изменения — их ключевая роль заключается в обеспечении каналов политической коммуникации. Однако сопровождающие цифровизацию политики демократические преобразования обусловливают необходимость дальнейших исследований в этой области.

Список литературы

1. *Антонов Я.В.* Международный опыт электронного голосования // Сборник конкурсных работ в области избирательного права и избирательного процесса, повышения правовой и политической культуры избирателей (участников референдума), организаторов выборов, участников избирательных кампаний, выполненных студентами и аспирантами высших учебных заведений (юридических вузов и факультетов, правовых кафедр) Российской Федерации в 2010/2011 учебном году. М., 2011. С. 43—60. URL: http://www.rcoit.ru/upload/iblock/b4f/sbornik-2011_new2.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

2. *Васильева Т.А.* Краудсорсинговые платформы в парламентах Чили и Бразилии: попытки делиберации // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. №5 (156). С. 124—141. https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-5-124-141.

3. *Зазнаев О.И.* Модификация классической модели парламентаризма в условиях новейших вызовов XXI века // Политическая наука. 2024. №3. С. 18—42. https://doi.org/10.31249/poln/2024.03.01.

4. *Latin* America Digital Transformation Report 2024. Atlantico. September 2024. URL: https://www.atlantico.vc/latin-america-digital-transformation-report-2024 (дата обращения: 15.01.2026).

5. *Рейтинг* стран мира по Индексу развития электронного правительства. URL: https://gtmarket.ru/ratings/e-government-development-index (дата обращения: 15.01.2026).

6. *Попова И.М.* Регулирование цифровых платформ в Бразилии: политический контекст согласования новых законов // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19, №2. С. 93—109. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-02-05.

7. *Цифровая* трансформация в государственном управлении / Н.Е. Дмитриева, А.Г. Санина, Е.М. Стырин [и др.]. М., 2023.

8. *De Moraes Azenha A.L.* E-participation in lawmaking: background, promises & challenges // ICEGOV 2022 : 15th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance. October 04—07, 2022. Guimarães, Portugal. N. Y., 2022. P. 274—278. https://doi.org/10.1145/3560107.3560151.

9. *Ferri Soares de Faria C., Torres Quintão T.* Analysis of best practices in open e-Parliament: Cases, systems and models // E-legis (Brasília). 2022. №39. P. 6—44. https://doi.org/10.51206/ELEGIS.V15I39.776.

10. *Brazil*: A digitally mature parliament. URL: https://www.ipu.org/news/case-studies/2022-06/brazil-digitally-mature-parliament (дата обращения: 15.01.2026).

11. *Brazil's* Digital Democracy Experiment: A Vibrant Blend of Technology and Politics. URL: https://github.com/CivicTechTO/civic-tech-toolkit/issues/10 (дата обращения: 15.01.2026).

12. *Consulta* Pública. URL: https://www12.senado.leg.br/ecidadania/principalmateria (дата обращения: 15.01.2026).

13. *E-DEMOCRACIA*. URL: https://www.camara.leg.br/participe (дата обращения: 15.01.2026).

14. *Enquetes*. URL: https://www.camara.leg.br/enquetes (дата обращения: 15.01.2026).

15. *Ideia* Legislativa. URL: https://www12.senado.leg.br/ecidadania/comofuncionaideia (дата обращения: 15.01.2026).

16. *Oficina* Legislativa. URL: https://www12.senado.leg.br/ecidadania/oficinalegislativa (дата обращения: 15.01.2026).

17. *Evento* Interativo. URL: https://www12.senado.leg.br/ecidadania/principalaudiencia (дата обращения: 15.01.2026).

18. *Ideia* Legislativa. URL: https://www12.senado.leg.br/ecidadania/principalideia (дата обращения: 15.01.2026).

19. *Plataforma* de participación ciudadana del Congreso Nacional de Chile. Proyectos de Ley en Votación. URL: https://www.congresovirtual.cl/ (дата обращения: 15.01.2026).

20. *Plataforma* de participación ciudadana del Congreso Nacional de Chile. Búsqueda de Propuestas. URL: https://www.congresovirtual.cl/user-proposals (дата обращения: 15.01.2026).

21. *Siga* por e-mail. URL: https://www.camara.leg.br/siga-por-email (дата обращения: 15.01.2026).

22. *Sobre* o portal. URL: https://www2.camara.leg.br/sobre-o-portal (дата обращения: 15.01.2026).

23. *Sugira* um projeto. URL: https://www2.camara.leg.br/atividade-legislativa/participe/sugira-um-projeto (дата обращения: 15.01.2026).

24. *Virtual* Congress. URL: https://www.ipu.org/innovation-tracker/story/virtual-congress-engaging-chilean-public (дата обращения: 15.01.2026).

Об авторе

Эльмира Илгизовна Авзалова — канд. полит. наук, доц., доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия.
SPIN-код: 1149-0539
ORCID: 0000-0001-6431-914X
E-mail: elmira_avzalova@mail.ru

E.I. Avzalova

DIGITAL FORMS OF CITIZEN PARTICIPATION IN PARLIAMENTARY ACTIVITIES: EVIDENCE FROM BRAZIL AND CHILE

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
Received 17 February 2026
Accepted 19 May 2026
doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-11

To cite this article: Avzalova E.I. 2026, Digital forms of citizen participation in parliamentary activities: evidence from Brazil and Chile, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 143—154. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-3-11.

This article examines the digital platforms operated by the parliaments of Brazil (e-Cidadania and e-Democracia) and Chile (Congreso Virtual), with the main focus on identifying digital forms of citizen participation in parliamentary activities. Drawing upon this research, conclusions are made regarding the political consequences of digitalising the parliaments of Brazil and Chile, which are manifested in the formation of a new model of civic activity based on the principles of democracy. A content analysis of the Brazilian and Chilean parliamentary platforms pinpointed key digital forms of citizen participation, including legislative initiatives, voting, surveys, debates and channels for feedback to parliamentarians. The results of a comparative analysis demonstrate that Brazil and Chile have developed effective digital tools for engaging citizens in the legislative process. Although the digitalisation of parliamentary activity shares common objectives, implementation strategies differ, reflecting the unique development trajectories of the respective platforms. In the Chilean model, the platform has evolved from an informational format into a dialogic one, fostering a culture of reasoned debate. The Brazilian model was initially defined by an emphasis on multifaceted dialogue and the practice of collaborative lawmaking.

Keywords: parliament digitalisation, e-democracy, e-participation, Brazilian Parliament, Chilean Parliament

The author

Dr Elmira I. Avzalova, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.
ORCID: 0000-0001-6431-914X
E-mail: elmira_avzalova@mail.ru

ERRATA

В статье И.О. Дементьева «“Королевская игра” на “королевской горе”: шахматы в Кёнигсберге», опубликованной в №3 журнала «Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта» (сер.: Гуманитарные и общественные науки) за 2022 год (https://doi.org/10.5922/sikbfu-2022-3-5), допущена ошибка.

Текст на с. 59 «Алленберга (совр. пос. Дружба Правдинского городского округа Калининградской области)» следует читать: «Алленберга (совр. пос. Знаменск Гвардейского муниципального округа Калининградской области)».

От лица автора статьи и редакции журнала приносим извинения читателям.

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА
Серия: Гуманитарные и общественные науки

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и внешние эксперты.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта *https://journals.kantiana.ru/submit/* и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

7. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске журнала один раз; второй раз — в соавторстве (в исключительном случае и только по решению редакционной коллегии).

8. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

а) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: *http://www.naukapro.ru/metod.htm*);

б) название статьи строчными буквами на русском и английском языках *(до 12 слов)*;

в) аннотацию на русском и английском языках *(150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков)*. Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

г) ключевые слова на русском и английском языках *(4 – 8 слов)*. Располагаются перед текстом после аннотации;

д) список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Должен включать от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК, и (или) в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников;

е) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), e-mail, ORCID);

ж) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены ***в электронной форме*** в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная ***информация о правилах оформления текста***, в том числе ***таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы***, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: *https://journals.kantiana.ru/vestnik/society/rules/*

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2. Ответственный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) степень интереса тематики для читателей журнала;

б) степень оригинальности статьи;

в) точность и адекватность представленной информации;

г) знание существующего состояния дел по данной проблематике;

д) стиль и манера изложения;

е) логичность построения статьи.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала.

9. После принятия редколлегией журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

11. Редакция журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки
2026

№ 3

Редактор *И. О. Дементьев*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 20.11.2026 г.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 13,8
Тираж 31 экз. Цена свободная. Заказ 101

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14